

Густавъ Лебонъ.

473

391

801-19

229

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ

ЗАКОНЫ

эволюціи народовъ.

ПЕРЕВОДЪ

Д-ра В. К. Панченко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
В. И. ЛЕНИНА

27 231-47

Предисловіе переводчика.

Въ настоящей своей книжкѣ Лебонъ съ ножомъ анатома проникаетъ въ таинственную область человѣческаго духа, распредѣляя проявленія массовой вселенской души по расамъ и народностямъ, и переходитъ къ выводамъ, которые обыкновенному поверхностному читателю не показались бы, быть можетъ, даже оригинальными.

Эрудиція автора не подлежитъ сомнѣнію, въ виду цѣлага ряда напечатанныхъ имъ капитальныхъ и вполне самостоятельныхъ научныхъ работъ. Его научная критика и логика беспощадны. Можно-ли обвинять его въ нѣсколько кабинетной односторонности—эту задачу я предоставлю болѣе компетентнымъ судьямъ. Въ политикѣ, построенной на началахъ антропологіи и психологіи, авторъ является убѣжденнымъ монархистомъ и консерваторомъ; онъ думаетъ, что абсолютизмъ личный менѣе вреденъ, чѣмъ абсолютизмъ безличный. Даже въ такомъ крупномъ историческомъ явленіи, какъ „великая французская революція“, онъ видитъ лишь осуществленіе монархическаго идеала. Что же бы онъ сказалъ о русской революціи?... Какую „душу народа“ открылъ бы онъ въ ней? Есть-ли это хаотическое проявленіе души различныхъ національностей, населяющихъ Россію, или логическій выводъ русской исторіи?...

Соціализмъ Лебонъ относитъ къ числу вредныхъ ученій, ведущихъ общество къ деморализаціи и къ упадку, даже къ рабству. Въ вопросахъ религіи авторъ остается мрачнымъ атеистомъ. Что касается „безпощаднаго“ закона борьбы за

существованіе, благодаря которому индивидуумы болѣе слабые, менѣе приспособленные должны погибать, уступая мѣсто индивидуумамъ сильнымъ, то взгляды въ этомъ отношеніи, за послѣднее время, принимаютъ новое направленіе, уклоняющееся отъ воззрѣній старыхъ дарвинистовъ. Одинъ изъ представителей этого направленія, рассматривая вопросъ о борьбѣ за существованіе съ эволюціонной точки зрѣнія (Арманъ Сабатье), вноситъ въ разрѣшеніе его иную „душу“. Онъ говоритъ, что борьба за существованіе въ мірѣ живыхъ существъ заключается не въ томъ, чтобы сильные побѣждали слабыхъ, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы сильные прилагали всѣ мѣры къ сохраненію и усиленію слабыхъ, стремились бы къ развитію въ нихъ элементовъ приспособляемости, сопротивленіе вреднымъ условіямъ и пр. и пр.

Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, предлагаемый русскимъ читателямъ переводъ книги Лебона, представляетъ большой интересъ и даетъ руководящую нить въ разрѣшеніи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ психологій вообще и психологій расъ въ частности.

Д-ръ В. К. Панченко.

ВВЕДЕНІЕ.

Современныя идеи равенства и психологическіе факторы исторіи.

Цивилизація народа держится на сравнительно небольшой группѣ основныхъ идей. Изъ этихъ идей возникаютъ учрежденія даннаго народа, его литература и искусство. Развиваясь медленно, такія идеи также медленно и исчезаютъ. Сдѣлавшись уже издавна очевидными заблужденіями для умовъ развитыхъ, для толпы, для темной массы онѣ остаются неоспоримыми истинами и продолжаютъ дѣлать свое дѣло въ умахъ этой невѣжественной массы. Если вообще трудно внушить людямъ новую идею, то еще труднѣе вытѣснить и устранить старую. Человѣчество всегда безнадежно и съ какимъ-то отчаяніемъ хваталось за мертвыя идеи и поклонялось упраздненнымъ богамъ.

Не болѣе, какъ полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ философы, въ полномъ невѣдѣніи о первобытной исторіи чловѣка и не имѣя понятія о разнообразныхъ перемѣнахъ его духовнаго склада, не зная ничего о законахъ наследственности, пустило въ оборотъ идею всеобщаго равенства отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ расъ.

Заманчивая для невѣжественной толпы, идея эта крѣпко зашла въ ея мозгахъ и вскорѣ принесла свои плоды. Она поколебала устои стараго общества, породила чудовищнѣйшую

изъ революцій и ввергла народъ Западной Европы въ цѣлый рядъ жесточайшихъ судорогъ, конца которымъ невозможно предвидѣть и потомъ.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ неравенствъ, которые раздѣляютъ между собою индивидуумовъ и расы, были слишкомъ рѣзко бросающимися въ глаза для того, чтобы была возможность серьезно ихъ оспаривать, но люди вскорѣ легко убѣдились въ томъ, что такіа неравенства были лишь слѣдствіями различій въ воспитаніи, что всѣ люди рождаются одинаково разумными и добрыми, и что ихъ могли извратить только несовершенныя человѣческія учрежденія. Такимъ образомъ, средство помочь горю оказывалось очень простымъ: стоило только передѣлать существующія учрежденія и дать всѣмъ людямъ одинаковое образованіе — и дѣлу конецъ. Вслѣдствіе этого, въ концѣ концовъ, и учрежденія и образованіе стали какой-то всемогущей панацеей у всѣхъ современныхъ демократій, вѣрнымъ средствомъ къ устраненію неравенствъ, столь обидныхъ и столь унижающихъ, что безсмертные принципы, которые стали истинными божествами для современнаго человѣчества.

Конечно, болѣе подвинувшійся прогрессъ знаній доказалъ тщету и пустоту теорій всеобщаго равенства и указалъ на то, что умственная пропасть, созданная всѣмъ прошлымъ человѣчества между индивидуумами и расами, могла быть заполнена лишь крайне медленнымъ наслѣдственнымъ накопленіемъ духовныхъ богатствъ. Новѣйшая психологія, идущая рука объ руку съ уроками горькаго опыта, показала, что тѣ учрежденія и то воспитаніе, которые оказываются полезными для однихъ индивидуумовъ и народовъ, могутъ быть совсѣмъ неподходящими и даже крайне вредными для другихъ индивидуумовъ и народовъ. Но не во власти философовъ уничтожить идеи, пущенныя въ міръ, хотя бы они признали эти идеи ошибочными и ложными. Подобно рѣкѣ, выступившей изъ береговъ, которую не можетъ сдержать никакая плотина, идея продолжаетъ свое разрушительное шествіе, и ничто не можетъ замедлить ея ходъ.

Эта призрачная идея, — химера о всеобщемъ равенствѣ людей; она перевернула весь міръ, вызвала въ Европѣ гигантскую революцію, втянула Америку въ кровавую междоусобную войну и привела всѣ французскія колоніи въ состояніе жалкаго упадка.

Врядъ ли найдется такой психологъ, или много путешествовавшій туристъ, или сколько-нибудь выдающійся государственный дѣятель, который бы не зналъ, насколько идея всеобщаго равенства ошибочна и несправедлива, а между тѣмъ... лишь очень немногіе станутъ ее оспаривать.

Далеко еще не вступившая въ фазу упадка, идея равенства все продолжаетъ расти. Во имя этой идеи социализмъ, повидимому, угрожаетъ порабощеніемъ большинству народовъ Запады, возлагая на себя задачу обезпечить ихъ счастье. Во имя идеи всеобщаго равенства современная женщина, забыв о глубокомъ умственномъ различіи, отдѣляющемъ ее отъ мужчины, требуетъ одинаковыхъ съ нимъ правъ, одинаковаго съ нимъ образованія, что, въ случаѣ побѣды ея, приведетъ къ тому, что каждый мужчина Европы, въ концѣ концовъ, превратится въ кочевника, не имѣющаго ни домашняго очага, ни семьи.

Вызванные принципами равенства, политическіе и общественные перевороты и тѣ еще болѣе опасныя смуты, какія они могутъ породить въ будущемъ, не являются предметомъ заботы для народовъ, а политическая жизнь государственныхъ дѣятелей слишкомъ коротка, чтобы заботы эти были приняты ими на себя. Кромѣ того и общественное мнѣніе стало настолько властнымъ, что уже теперь невозможно съ нимъ не считаться.

Самой существенной мѣркой общественнаго значенія идеи является то вліяніе, какое она оказываетъ на умы. Та доля истины или заблужденія, какую въ себѣ идея содержитъ, можетъ представлять интересъ лишь съ философской точки зрѣнія. Лишь только какая-нибудь идея, истинная или ложная, проникла въ народныя массы и сроднилась съ ними, превратилась въ народное чувство, то всѣ вытекающія изъ нея по-

слѣдствія должны объединиться въ обществѣ во всей ихъ постепенности.

Современныя мечты о равенствѣ стремятся къ осуществленію путемъ распространенія въ массахъ образованія и путемъ учрежденій. Благодаря такимъ учрежденіямъ и преобразуя по своему несправедливые законы природы, мы стараемся отлить въ одну форму мозги негровъ Мартиники, Гваделупы и Сенегала съ мозгами алжирскихъ арабовъ и азіатскихъ племенъ. Несомнѣнно, что это неосуществимая мечта, несбыточная химера, но только опытъ можетъ намъ показать опасность подобныхъ химеръ. Разумъ оказывался постоянно безсильнымъ въ дѣлѣ преобразованія человѣческихъ убѣжденій.

Цѣль настоящаго труда описать тѣ психологическіе признаки, которые составляютъ душу различныхъ расъ, и показать, какимъ образомъ исторія какого-либо народа и его цивилизація могутъ исходить изъ этихъ признаковъ. Оставляя въ сторонѣ подробности и обращаясь къ разсмотрѣнію ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ окажутся необходимыми для подтвержденія указанныхъ принциповъ, мы разберемъ развитіе и умственный складъ историческихъ расъ, т.-е. расъ, искусственно возникшихъ и образовавшихся въ историческія времена, благодаря случайностямъ завоеваній, переселенію или политическимъ переворотамъ, и постараемся доказать, что именно изъ этого умятв ннаго или душевнаго ихъ склада вытекаетъ ихъ исторія. Мы изучимъ степень устойчивости и измѣняемости расовыхъ признаковъ. Мы постараемся также раскрыть, стремятся-ли индивидуумы и народы ко всеобщему равенству или, наоборотъ, проявляютъ наклонность ко все большому и большому обособленію и различіямъ. Затѣмъ мы займемся изученіемъ вопроса, не являются-ли тѣ элементы, изъ которыхъ развивается цивилизація, какъ, напр., искусства, учрежденія, вѣрованія и пр., непосредственнымъ выраженіемъ самаго душевнаго склада этихъ расъ, почему они и не могутъ передаваться отъ одного народа къ другому. Наконецъ, заканчивая нашъ трудъ, мы постараемся опредѣлить, подъ влияніемъ какихъ неизбѣжностей цивилизаціи меркнутъ, а затѣмъ уга-

саютъ. Вотъ тѣ задачи, которыя мы долго обсуждали въ различныхъ нашихъ трудахъ, касающихся цивилизацій Востока. Настоящій нашъ скромный трудъ является лишь синтезомъ предыдущихъ работъ.

Послѣ продолжительныхъ поѣздокъ моихъ въ различные страны самымъ очевиднымъ для меня было то, что каждый народъ обладаетъ настолько же устойчивымъ складомъ ума, насколько прочны его анатомическіе признаки, откуда и происходятъ его чувства, мысли, учрежденія, вѣрованія и искусства. Токвиль и другіе знаменитые мыслители думали, что причину эволюціи народовъ нужно искать въ ихъ учрежденіяхъ. Я же убѣжденъ, что наоборотъ,—и надѣюсь доказать, это, обращаясь за примѣрами именно къ тѣмъ странамъ, которыя изучалъ Токвиль,—что учрежденія для эволюціи цивилизацій имѣютъ крайне слабое значеніе. Учрежденія чаще являются послѣдствіями и лишь весьма рѣдко причинами эволюціи.

Несомнѣнно, что исторія народовъ опредѣляется самыми разнообразными факторами. Она полна такихъ частныхъ и событий, которыя были и могли бы не быть. Но наряду съ такими случайностями, съ временными условіями происходящихъ событий существуютъ постоянные великіе законы, управляющіе общимъ ходомъ каждой цивилизаціи. Изъ этихъ постоянныхъ законовъ законы самыя общія и самыя неизмѣнные вытекаютъ изъ умственнаго склада расъ.

Жизнь народа, его учрежденія, его вѣрованія, его искусства являются лишь видимой канвой его невидимой души. Чтобы народъ преобразовалъ свои учрежденія, свои вѣрованія, свои искусства, онъ долженъ прежде всего преобразовать свою душу. Чтобы онъ могъ оставить въ наслѣдство другому народу свою цивилизацію, нужно, чтобы онъ завѣщалъ ему и свою душу. Не то, конечно, говоритъ наша исторія, но намъ не трудно будетъ показать, что, заноса въ свои лѣтописи противоположные взгляды, она поддавалась обману пустыхъ призраковъ.

Реформаторы, послѣдовательно появлявшіеся въ теченіе столѣтій, пытались измѣнить по-своему все—и боговъ, и почву,

и людей. Но до сихъ поръ, однако, они не могли оказать ни малѣйшаго вліянія на созданныя вѣками свойства души расъ и племенъ, которыя укрѣпило въ нихъ время.

Понятіе о неизмѣнныхъ различіяхъ, которыя обособляютъ живыя существа, вполне противорѣчитъ идеямъ современныхъ социалистовъ. Отказаться отъ своихъ химеръ апостоловъ новаго ученія не заставляютъ, конечно, и доводы науки. Попытки ихъ представляютъ новую фазу вѣчнаго крестоваго похода человѣчества, стремящагося къ завоеванію счастья, этого сокровища Гесперидъ, котораго добивались народы со времени зарожденія исторіи. Мечты о всеобщемъ равенствѣ, быть можетъ, были бы не менѣе дороги, чѣмъ тѣ старыя иллюзіи, которыя нами нѣкогда руководили, если бы мечты эти не разбились о неприступную скалу естественныхъ природныхъ неравенствъ. Подобно старости и смерти, такіа природныя неравенства составляютъ извѣстную долю тѣхъ несправедливостей, которыхъ такъ много въ природѣ и которыхъ волей неволей человѣкъ долженъ подчиняться.

Книга первая.

Психологическіе признаки расъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Душа расъ.

Натуралисты основываютъ свою классификацію видовъ на опредѣленіи извѣстныхъ анатомическихъ признаковъ, воспроизводящихся съ правильностью и постоянствомъ путемъ наследственности. Теперь мы знаемъ, что эти признаки преобразовываются посредствомъ наследственнаго накопленія незамѣтныхъ измѣненій, но если принимать въ соображеніе только короткую продолжительность времени историческихъ, то можно подумать, что существующіе виды неизмѣняемы.

Въ примѣненіи къ человѣку методы классификаціи натуралистовъ дали возможность установить опредѣленное число вполне рѣзко очерченныхъ типовъ.

Основываясь на такихъ рѣзкихъ анатомическихъ признакахъ, какъ цвѣтъ кожи, форма и емкость черепа и пр., оказалось возможнымъ установить, что родъ человѣческой содержитъ въ себѣ много видовъ, ясно отличающихся и вѣроятно весьма различнаго происхожденія. Для ученыхъ, почтительно относящихся къ религіознымъ традиціямъ, такіе виды являются просто расами. Но, какъ было высказано когда-то и

вполнѣ основательно, что „если бы негръ и кавказецъ были улитами, то все зоологи единодушно подтвердили бы, что они составляютъ настоящіе виды, такъ какъ никоимъ образомъ не могли бы возникнуть отъ одной пары, отъ которой они со временемъ постепенно отклонились путемъ преобразования существующихъ у нихъ признаковъ“.

Эти анатомическіе признаки, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, какіе можетъ обнять нашъ анализъ, даютъ возможность устанавливать лишь подраздѣленіе общихъ, крайне поверхностныхъ. Ихъ отклоненія обнаруживаются лишь у человѣческихъ видовъ рѣзко очерченныхъ, напр., у бѣлыхъ, негровъ и желтыхъ. Но народы, очень похожіе по своей физической вѣншности, могутъ въ высшей степени отличаться между собою своими приемами въ выраженіи чувствъ и дѣйствій, а слѣдовательно особенностями своей цивилизаціи, своихъ вѣрованій и искусства. Возможно-ли, напр., совмѣстить въ одну группу испанца, англичанина и араба? Развѣ существующія между ними психическія различія не бросаются всеѣмъ въ глаза и не прочтываются на каждой страницѣ ихъ исторіи?

За недостаткомъ анатомическихъ признаковъ, ученые хотѣли при классификаціи народовъ основываться на разнообразныхъ элементахъ, напр., такихъ какъ языкъ, вѣрованія, политическія учрежденія и пр. Но подобная классификація уже всеѣмъ не поддается точной оцѣнкѣ.

Тѣ элементы классификаціи, какихъ намъ не могутъ дать ни анатомія, ни языки, ни среда, ни политическія условія, дастъ намъ психологія. Она показываетъ, что за учрежденіями, искусствами, вѣрованіями и политическими реформами каждаго народа существуютъ еще опредѣленные умственные и нравственные, т.-е. вообще психическіе признаки, изъ которыхъ и вытекаетъ эволюція даннаго народа. Эти признаки и будутъ именно тѣми признаками, совокупность которыхъ образуетъ то, что можно назвать душою расы.

Каждая раса обладаетъ столь же устойчивымъ психическимъ строеніемъ, сколь устойчиво ея анатомическіе строенія. Что первое находится въ связи съ особенностями строенія

мозга, это не можетъ казаться сомнительнымъ, но такъ какъ наука еще не настолько подвинулась, чтобы ясно обнаружить намъ эти особенности строенія, то мы и не можемъ принять его въ основу классификаціи. Да, наконецъ, даже и знаніе подобнаго факта ничего бы намъ не выяснило и не внесло бы въ описаніе вытекающей изъ него психической конституціи ничего такого, что вообще можетъ измѣнить результатъ простаго наблюденія.

Нравственные и интеллектуальные признаки, ассоціація которыхъ образуетъ душу народа, представляютъ синтезъ (обобщеніе) его прошлаго, наслѣдство его предковъ, мотивы, управляющіе его поступками, эти признаки, повидимому, весьма измѣнчивы у индивидуумовъ одной и той же расы, но наблюденіе доказываетъ, что большинство индивидуумовъ данной расы обладаетъ всегда извѣстнымъ числомъ общихъ психологическихъ признаковъ, дающихъ возможность классифицировать виды. Подобно этимъ послѣднимъ, психологическіе признаки воспроизводятся путемъ наслѣдственности съ той же правильностью и постоянствомъ.

Такая совокупность, такой агрегатъ психологическихъ признаковъ, доступный наблюденію у всеѣхъ индивидуумовъ одной расы, составляетъ то, что справедливо называютъ національнымъ характеромъ. Совокупность такихъ признаковъ образуетъ средній типъ, дающій возможность опредѣлить народъ. Тысячи французовъ, тысячи англичанъ, китайцевъ, взятые наудачу, отличаются значительно между собою, но тѣмъ не менѣе, благодаря наслѣдственности своей расы, они обладаютъ и такими общими признаками, на основаніи которыхъ является возможность построить идеальный типъ француза, англичанина и китайца, вполнѣ аналогичный тому идеальному типу, какой намъ дастъ натуралистъ, описывающій въ общихъ чертахъ собаку или лошадь. Примѣнимое къ различнымъ разновидностямъ собакъ и лошадей, такое описаніе можетъ включить въ себя лишь признаки общіе всеѣмъ, но ничуть не тѣ, по-

средствомъ которыхъ можно было бы отличить ихъ многочисленныя породы.

Если только раса достаточно стариннаго происхожденія, а слѣдовательно достаточно однородна, то средній типъ ея можетъ быть довольно ясно установленъ и быстро запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя.

Попадая къ чуждому намъ народу, мы находимъ, что единственными признаками, какіе намъ прежде всего бросаются въ глаза, вслѣдствіе того, что они одни постоянно повторяются, являются именно такіе признаки, которые общи всѣмъ жителямъ посѣщаемой нами страны. Индивидуальные же различія, повторяясь рѣдко, конечно сначала, ускользаютъ отъ насъ. Но скорѣе мы научаемся различать съ перваго взгляда не только англичанина, испанца или итальянца, но научаемся даже различать въ нихъ извѣстные оттѣнки моральные и интеллектуальные, которые именно и являются тѣми основными психологическими признаками, о коихъ говорилось выше. Англичанинъ, гасконецъ, нормандецъ и фламандецъ соответствуютъ типами, вполне опредѣлившимся у насъ въ умѣ, и такіе типы намъ не трудно описать. Въ примѣненіи же къ отдѣльному индивидууму такое описаніе можетъ оказаться весьма недостаточнымъ, а въ примѣненіи къ большому числу индивидуумовъ одной изъ упомянутыхъ нами расъ, оно обрисуетъ его вполне ясно. Та бессознательная работа, которая устанавливается въ нашемъ умѣ съ цѣлью опредѣленія физическаго и психическаго типа народа, вполне тождественна по своей сущности методу, позволяющему натуралисту классифицировать виды.

Эта тождественность умственного склада большинства индивидуумовъ одной расы имѣетъ свои весьма простыя физиологическія причины. Въ самомъ дѣлѣ, каждый индивидуумъ представляетъ продуктъ не только своихъ непосредственныхъ производителей (отца и матери), но еще и продуктъ своей расы, т.-е. цѣлага ряда своихъ родителей по восходящей линіи. Одинъ ученый экономистъ Шейсонъ вычислилъ, что во Франціи, считая по три поколѣнія на столѣтіе, каждый французъ

долженъ бы имѣть въ своихъ жилахъ кровь по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ людей, жившихъ въ 1000 году. „Всѣ жители одной и той же мѣстности, одной и той же провинціи имѣютъ, слѣдовательно, обязательно общихъ предковъ, они вытѣплены изъ той же глинны и носятъ одинаковый оттѣнокъ, непрерывно возвращаясь къ среднему типу посредствомъ той длинной и тяжелой цѣпи, послѣдними звеньями которой они являются. Мы всѣ являемся и дѣтьми нашихъ родителей, и дѣтьми своей расы. Не одно сыновнее чувство, но и физиологія и наслѣдственность заставляютъ насъ считать родину своей второй матерью“.

Еслибы мы вздумали подвести итогъ тѣмъ влияніямъ, которымъ подвергается индивидуумъ, влияніямъ, руководящимъ его поведеніемъ, то можно было бы сказать, что влиянія эти трехъ сортовъ. Къ первому и, конечно, наиболѣе важному 1 относится влияніе предковъ, ко второму—влияніе отца и матери 2 и, наконецъ, къ третьему сорту влияній, который считается 3 почему-то наиболѣе могущественнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ это влияніе самое слабое, относится влияніе среды. Всѣ эти влиянія, включая сюда различныя физическія и нравственныя воздѣйствія, которымъ человѣкъ подвергался въ теченіе своей жизни, а главнымъ образомъ въ періодъ воспитанія, вызываютъ измѣненія не особенно рѣзкія. Они дѣйствуютъ на индивидуума существеннымъ образомъ лишь тогда, когда наслѣдственность накопляетъ ихъ въ одномъ и томъ же направлении въ теченіе весьма долгаго времени. X

Какъ бы то ни было, человѣкъ все же всегда и прежде всего является представителемъ своей расы. Совокупность 1 идей и чувствъ, которую всѣ индивидуумы одной и той же страны вносятъ при своемъ рожденіи, и составляетъ душу цѣлой расы. Невидимая въ своей сущности, душа эта весьма замѣтна и ярко проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ въ дѣйствительности только она одна и управляетъ всей эволюціей даннаго народа.

Можно сравнить расу съ совокупностью клѣтокъ, входящихъ въ составъ тѣла живого существа. Продолжительность

жизни этих миллиардовъ клетокъ весьма коротка, тогда какъ жизнь того существа, которая изъ нихъ образовалась, относительно очень продолжительна. Следовательно, клетки эти одновременно живутъ и своей отдельной индивидуальной жизнью, и жизнью коллективной, т.-е. того существа, материальную основу котораго они составляютъ. Каждый индивидуумъ данной расы также имѣетъ очень короткую индивидуальную жизнь и очень продолжительную коллективную. Последняя и есть жизнь расы, изъ которой индивидуумъ произошелъ, въ увѣковѣченіи которой онъ участвуетъ и отъ которой всегда зависитъ.

Раса, следовательно, должна быть разсматриваема, какъ существо постоянное, живущее, такъ сказать, внѣ времени. Это постоянное существо состоитъ не только изъ живыхъ индивидуумовъ, которые его составляютъ, но и изъ цѣлаго ряда мертвыхъ, которые были его предками. Чтобы понять истинное значеніе расы, нужно ее продолжить одинаково и въ прошлое и въ будущее. Безконечно болѣе многочисленныя, чѣмъ живые, мертвые также безконечно могущественнѣе живыхъ. Они управляютъ громадной областью могущественнѣе живыхъ. Они управляютъ громадной областью подъ своей властью той невѣдомой областью, которая держитъ подъ своей властью все проявленія разума и характера. Народъ больше ведется своими покойниками, чѣмъ живыми. Только одними покойниками и основана раса. Изъ вѣка въ вѣкъ исчезнушіе покойники создавали наши идеи и наши чувства, а следовательно все основныя, такъ сказать, пружины нашего поведения. Угасшія поколѣнія внушаютъ намъ чувство благоговѣнія не только своимъ физическимъ складомъ, но и складомъ своихъ идей. Мертвые являются единственными не подлежащими оспариванію учителями живыхъ. Мы несемъ на себѣ и тяготу ихъ заблужденій и получаемъ возмездіе за ихъ добродѣтели.

Развитіе умственного склада народа не требуетъ, подобно созданію видовъ, тѣхъ геологическихъ эпохъ, безконечная продолжительность которыхъ ускользаетъ отъ всякихъ нашихъ вычисленій. Тѣмъ не менѣе оно требуетъ все же довольно

много времени. Чтобы создать во французскомъ народѣ, да еще въ относительно слабой степени ту общность чувствъ и мыслей, которая составляетъ его душу, понадобилось болѣе 10-ти вѣковъ *). Самымъ важнымъ дѣломъ французской революціи было, быть можетъ, именно содѣйствіе этому общенію, закончившееся устраненіемъ почти всѣхъ мелкихъ народностей, какъ, напр., пикардійцевъ, фламандцевъ, бургундцевъ, гасконцевъ, бретонцевъ, провансальцевъ и пр., между которыми когда-то была раздѣлена Франція. Конечно, нужно было, чтобы объединеніе стало полнымъ, въ особенности потому, что французы состоятъ изъ слишкомъ различныхъ расъ, обладающихъ, следовательно, слишкомъ неодинаковыми идеями и чувствами, что они являются жертвами несогласій, которыя незнакомы народамъ болѣе однороднымъ, какъ, напр., англичане. Что касается англичанъ, то въ этой націи саксонцевъ, нормандцевъ и старинный бретонецъ образовали своимъ вліяніемъ

*) Этотъ срокъ слишкомъ долгій для лѣтописей, на самомъ дѣлѣ слишкомъ коротокъ, представляя лишь 30 поколѣній. Если такой сравнительно короткій срокъ достаточенъ для закрѣпленія нѣкоторыхъ признаковъ, то это зависитъ отъ того, что если какая-либо причина дѣйствуетъ нѣкоторое время въ одномъ направленіи, то она быстро вызываетъ очень большія послѣдствія. Математика доказываетъ, что когда какая-нибудь причина дѣйствуетъ долго, въ одномъ направленіи, то послѣдствія ея растутъ въ геометрической пропорціи (2, 4, 8, 16, 32 и пр.), самая же причина колеблется въ прогрессіи арифметической (1, 2, 3, 4, 5). *Причины суть логарифмы послѣдствій.* Въ знаменитой задачѣ удвоенія пшеничныхъ зеренъ въ клеткахъ шахматной доски, порядковая цифра клетокъ есть логарифмъ числа зеренъ. То же и для капитала, помѣщенного въ сложные проценты, для котораго законъ роста таковъ, что число годовъ является логарифмомъ накопленнаго капитала. Вслѣдствіе причинъ такого порядка большинство общественныхъ явленій можетъ быть выражено геометрическими кривыми приблизительно сходными. Въ другой работѣ я опредѣлилъ, что эти кривые могутъ быть выражены уравненіемъ параболы или шперболы. Шейсонъ полагаетъ, что онъ выражается лучше уравненіемъ съ показателями.

однородный типъ, а потому и все стало однороднымъ въ ихъ поведеніи. Благодаря такому влиянію дѣло кончилось тѣмъ, что англичане усвоили себѣ прочно слѣдующія три основы души коллективной или народной, а именно: общность чувствъ, общность интересовъ и общность вѣрованій. Коль скоро нація того достигаетъ, то устанавливается инстинктивное согласіе между всѣми ея членами относительно всѣхъ главныхъ вопросовъ и тогда уже въ средѣ ея не возникаетъ серьезныхъ споровъ, и недоразумѣній.

Эта общность чувствъ, идей, вѣрованій и интересовъ, создаваемая путемъ медленныхъ наслѣдственныхъ накопленій, придаетъ умственной физіономіи даннаго народа полную тождественность и значительную устойчивость. Она, въ то же время, обезпечиваетъ такому народу громадное могущество. Она создала въ древности величіе Рима, а въ наши дни величіе англійской націи. Когда же общность исчезаетъ, то народы распадаются. Роль Рима закончилась, когда онъ уже утратилъ свое объединяющее значеніе.

У всѣхъ народовъ и во всѣ времена болѣе или менѣе существовало это сплетеніе чувствъ, идей, традицій и наслѣдственныхъ вѣрованій, составляющее душу цѣлой массы людей, но прогрессивное расширеніе этой сѣти происходило очень медленнымъ путемъ. Ограничиваясь сначала семей и постепенно распространяясь на деревни, города и провинціи, коллективная душа распространилась на всѣхъ обитателей страны лишь въ сравнительно недавнюю эпоху. Только тогда и родилось понятіе объ отечествѣ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ въ настоящее время. Оно возможно лишь тогда, когда сформировалась народная душа. Греки никогда не возвысились дальше понятія города, и города ихъ всегда воевали между собою потому, что на самомъ дѣлѣ они были очень чужды другъ другу. Индія въ теченіе 2000 лѣтъ не знала другой общественной единицы кромѣ деревни, а потому въ теченіе 2600 лѣтъ она всегда находилась подъ властью чужеземныхъ правителей, которыхъ владѣнія рухнули такъ же легко, какъ они и образовались.

Понятіе о городѣ, какъ исключительномъ отечествѣ, не выдерживающее критики съ точки зрѣнія военнаго преобладанія, оказалось, однако, имѣющимъ весьма важное значеніе съ точки зрѣнія развитія цивилизаціи. Менѣе обширная, чѣмъ душа отечества, душа города оказывалась иногда болѣе плодотворной. Афины, въ древности, Флоренція и Венеція въ средніе вѣка доказываютъ намъ, какой высокой степени цивилизаціи могутъ достигнуть и небольшія скопленія людей.

Когда небольшіе города и провинціи пользовались долгое время независимой жизнью, то, въ концѣ концовъ, они приобрѣтаютъ столь устойчивый духъ, что сліяніе его съ духомъ городовъ сосѣднихъ провинцій съ цѣлью образованія національнаго духа становится почти невозможнымъ. Такое сліяніе, если даже оно и можетъ состояться, т.-е. если соприкасающіеся элементы не слишкомъ несходны, никогда не является дѣломъ одного дня, а дѣломъ цѣлыхъ столѣтій. Нужны Ришелье и Бисмаркъ, чтобы совершить такую работу, но они завершаютъ ее лишь тогда, когда идея объединенія уже давно выработалась. Такая, напр., страна какъ Италія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, могла, конечно, объединиться въ одно государство, но было бы заблужденіемъ думать, что изъ-за этого она сразу приобрѣла то, что называется народной душой или народнымъ духомъ. Я встрѣчаю въ Италіи и пьемонтцевъ и сицилійцевъ, венеціанцевъ и римлянъ, но пока еще не нахожу въ ней итальянцевъ.

Какова бы ни была въ настоящее время рассматриваемая раса, однородная она или нѣтъ, но ужъ въ силу того факта, что она цивилизованная и съ давнихъ поръ заняла мѣсто въ исторіи, нужно во всякомъ случаѣ рассматривать ее какъ расу искусственную, а не естественную. Естественныя расы теперь можно встрѣтить развѣ только среди дикихъ племенъ. Только среди дикарей можно наблюдать породы, такъ сказать, чистыя, безъ всякой помѣси. *Большинство цивилизованныхъ расъ являются въ настоящее время лишь расами историческими.*

Мы не станемъ теперь рѣшать вопроса о происхожденіи расъ, образовались ли онѣ естественнымъ путемъ или историческимъ для насъ пока безразлично. Намъ интересуютъ тѣ ихъ признаки, которые создали имъ ихъ долгое прошлое. Поддерживаемые въ теченіе вѣковъ одними и тѣми же условіями существованія и накапливаемые наслѣдственностью, эти признаки наконецъ приобрѣли большую устойчивость и опредѣлили типъ каждаго народа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предѣлы измѣняемости характера расъ.

Лишь при тщательномъ изученіи эволюціи цивилизаціей удается установитъ устойчивость умственного склада расъ. Съ перваго же раза кажется, что общимъ правиломъ является измѣняемость, а не устойчивость. Исторія народовъ могла бы дѣйствительно привести къ предположенію, что душа ихъ подвергается иногда весьма быстрымъ и значительнымъ преобразованіямъ. Развѣ не кажется, напр., что существуетъ значительная разница между характеромъ англичанина временъ Кромвеля и характеромъ современнаго англичанина? Нынѣшній итальянецъ, осторожный и хитрый, развѣ не кажется весьма непохожимъ на впечатлительнаго и свирѣпаго итальянца, какимъ мы его находили въ мемуарахъ Бенвенуто Челлини? Если не ходить такъ далеко и ограничиться Франціей, то развѣ не найдемъ мы здѣсь столько видимыхъ перемѣнъ въ характерѣ за нѣсколько лишь столѣтій, а иногда и въ теченіе нѣсколькихъ годовъ? Какой историкъ не отмѣтилъ различій въ національномъ характерѣ между XVII и XVIII вѣками? А въ наши дни развѣ не кажется, что цѣлый міръ лежитъ между характеромъ суроваго члена конвента и характеромъ смѣренныхъ рабовъ Наполеона? Однакожъ, это были тѣ же люди, а за нѣсколько лѣтъ они уже кажутся совершенно иными.

Чтобы выяснитъ причины этихъ перемѣнъ, мы напомнимъ съ самаго начала, что психологическій видъ, какъ и видъ зоологическій, образованъ изъ весьма небольшого числа основныхъ неизмѣнныхъ признаковъ, вокругъ которыхъ группируются признаки дополнительные, измѣняемые и перемѣняемые. Скотоводъ, который преобразовываетъ внѣшнее строеніе животного, садовникъ, измѣняющій наружный видъ растения настолько, что неопытный глазъ не узнаетъ его, вѣдь они никоимъ образомъ не коснулись основныхъ признаковъ вида; они воздѣйствовали лишь на его дополнительные признаки. Несмотря на все эти ухищренія, основные признаки стремятся всегда къ возобновленію въ каждомъ новомъ поколѣніи.

Психическое устройство также представляетъ основные признаки, столь же неизмѣнные, какъ и анатомическіе признаки видовъ, но оно также обладаетъ дополнительными признаками, легко видоизмѣняющимися. Вотъ эти-то признаки и могутъ быть сцѣплены средой, обстоятельствами, воспитаніемъ и разными иными факторами.

Нужно также вспомнить,—и это пунктъ весьма существенный,—что въ нашемъ психическомъ строеніи мы все обладаемъ извѣстными возможностями характера, которымъ обстоятельства не всегда доставляютъ случай обнаружиться. Когда онѣ возникаютъ, то возникаетъ тотчасъ же и новая личность, болѣе или менѣе, такъ сказать, временная. Такъ и въ эпохи большихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ наблюдаются моментальныя превращенія характера такого рода, что кажется, будто нравы, идеи, поведеніе, словомъ все—мѣняется. Дѣйствительно, все измѣнилось, какъ на поверхности озера, взбаломученнаго бурей. Но рѣдко случается, чтобы это было надолго.

Вотъ по причинѣ этихъ возможностей особаго проявленія характера, приведенныхъ въ дѣйствіе нѣкоторыми исключительными событіями, дѣятели великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ кажутся намъ людьми высшей сущности, чѣмъ наша, какими-то колоссами, которыхъ мы являемся какъ бы выродившимися потомками. Однакожъ, въ

сущности они были такими же людьми, какъ и мы, у которыхъ обстоятельства просто привели въ дѣйствіе такія возможныя проявленія характера, какими обладали мы всѣ. Возьмемъ, напр., этихъ „гигантовъ Конвента“, которые задавали тонъ Европѣ во всемъ всеоружіи и отправляли своихъ противниковъ на гильотину за простое возраженіе или малѣйшее противорѣчіе. А вѣдь по своей сущности это были такіе же простые и мирные граждане, какъ и мы, это были люди, которые въ обычное мирное время вѣроятно вели бы самую спокойную, незамѣтную жизнь, мирно работая въ своихъ конторахъ, въ своемъ кабинетѣ или на службѣ. Но необычайныя событія привели въ колебаніе нѣкоторыя клѣтки ихъ мозга, не использованныя при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и они сдѣлались тѣми колоссальными фигурами, которыя уже кажутся непонятными для потомства. Сто лѣтъ спустя Робеспьеръ, безъ сомнѣнія, сталъ бы честнымъ мировымъ судьей, бесперъ, безъ сомнѣнія, Фукье Тэнвилъ сдѣлался бы большимъ другомъ священника, а не врагомъ, а не судейнымъ слѣдователемъ, обладавшимъ, быть можетъ, въ большей мѣрѣ, чѣмъ его коллеги, строгостью и высокомѣрными манерами людей его профессіи, но очень занятымъ и усерднымъ въ дѣлѣ преслѣдованія преступниковъ; Сэнъ-Жюстъ сталъ бы прекраснымъ школьнымъ учителемъ, уважаемымъ своимъ начальствомъ и гордящимся академическими пальмами, которыхъ онъ навѣрное въ концѣ концовъ добился бы. Чтобы устранить сомнѣнія въ правильности такихъ предположеній, достаточно обратить вниманіе на то, что сдѣлалъ Наполеонъ изъ суровыхъ террористовъ, не успѣвшихъ во время перерѣзать горло другъ другу. Большинство изъ нихъ превратилось въ столоначальниковъ, сборщиковъ податей, чиновниковъ или полицейскихъ. Волны, поднятыя бурей, о которой говорилось выше, успокоились, и взбаломученное озеро возстановило свою ровную поверхность.

Даже въ самыя смутныя эпохи, производящія наиболѣе странныя перемѣны личностей, не трудно открыть подъ новыми формами основныя признаки расы. Централизирующій, властный и деспотическій порядокъ суровыхъ якобинцевъ

ограничимъ-ли онъ въ сущности отъ такового же деспотическаго централизирующаго порядка, какой вкоренился въ умахъ французовъ за 15 лѣтъ монархіи? За всѣми революціями латинскихъ народовъ онъ постоянно возобновляется, этотъ упрямый режимъ, эта неизлечимая потребность быть въ подчиненіи, потому что такой порядокъ представляетъ родъ синтеза инстинкта латинской расы. Только благодаря ореолу своихъ побѣдъ Бонапартъ сталъ властителемъ. Когда онъ преобразовалъ республику въ диктатуру, наследственные инстинкты расы изъ дня въ день обнаруживались все съ большей и большей силой, и, не случись тутъ инженерный офицеръ, дѣло обошлось бы и при внимательствѣ любого искателя приключеній. 50 лѣтъ спустя наследнику его имени стоило только показаться, чтобы осмѣять избирательное голосованіе всего народа, утомленнаго свободой и жаждущаго рабства. Не Брюмеръ (второй мѣсяцъ республиканскаго календаря) создалъ Наполеона, но душа расы, которую онъ согнулъ подъ свою желѣзную палу *).

Если вліяніе среды на человѣка кажется столь сильнымъ, то это именно потому, что оно дѣйствуетъ на добавочныя и

*) „По его первому жесту“, пишетъ Тэнъ, „французы поверглись въ повиновеніе и остаются въ немъ какъ бы въ своемъ естественномъ состояніи, мелкіе—крестьяне и солдаты—съ выраженіемъ собачьей вѣрности, крупныя—сановники и чиновники—съ византійскимъ рабствомъ и низкопоклонствомъ. Со стороны республиканцевъ—никакого отпора; наоборотъ, именно между ними Наполеонъ нашелъ себя лучшія орудія своего царствованія: сенаторовъ, депутатовъ, государственныхъ совѣтниковъ, судей и всякаго рода администраторовъ. Тотчасъ же подъ ихъ проповѣдями о свободѣ и равенствѣ онъ распозналъ ихъ властолюбивыя инстинкты, ихъ потребность повелѣвать и первенствовать даже въ дѣлѣ подчиненія и, сверхъ того, онъ открылъ у большинства изъ нихъ аппетиты къ деньгамъ или наслажденіямъ. Между делегатами спасенія народа и министрами, префектами или подъ-префектами Имперіи разлика небольшая. Это одно и то же лицо, одинъ и тотъ же человѣкъ, но въ двухъ костюмахъ, появляющійся сначала въ революціонной курткѣ, а затѣмъ въ шпигомъ мундирѣ“.

преходящіе элементы или на тѣ возможные проявленія характера, о которыхъ мы говорили. На самомъ дѣлѣ, эти перемѣны не особенно глубоки. Самый миролюбивый человѣкъ, побуждаемый голодомъ, доходитъ до нѣкоторой степени свирѣпости, доводящей его до всяческихъ преступленій, а иногда даже и до поѣданія себѣ подобныхъ. Развѣ въ виду этого можно утверждать, что его обычный характеръ окончательно измѣнился?

Пусть условія цивилизаціи доводятъ однихъ до крайняго богатства и до всякихъ пороковъ, являющихся его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, пусть эти условія создаютъ у другихъ крайнюю нужду, не давая имъ средствъ къ удовлетворенію ея,—отсюда возникнетъ недовольство и всеобщее недомоганіе, дѣйствующія на поведение людей и вызывающія всякаго рода неурядицы, но въ этомъ недовольствѣ, въ этихъ неурядицахъ всегда обнаружатся основные признаки расы. Англичане Соединенныхъ Штатовъ когда-то, понося другъ друга во время гражданской войны, внесли въ это дѣло такую же настойчивость, такую же несокрушимую энергію, какія они теперь прилагаютъ къ созданію городовъ, университетовъ и заводовъ. Характеръ не измѣнился. Измѣнились лишь тѣ предметы, къ которымъ онъ прилегался.

Изучая послѣдовательно различные факторы, способные воздѣйствовать на умственный складъ народовъ, мы констатировали всегда, что они дѣйствуютъ на дополнительные и временныя стороны характера, но почти совсѣмъ не затрагиваютъ его основныхъ элементовъ или затрагиваютъ ихъ лишь послѣ наслѣдственныхъ, весьма медленныхъ накопленій.

Изъ того, что предшествуетъ, мы не можемъ заключить, что психологическіе признаки народовъ не способны къ измѣненіямъ, но только то, что, подобно признакамъ анатомическимъ, они обладаютъ очень большою устойчивостью. Вслѣдствіе этой-то устойчивости душа расъ измѣняется такъ медленно въ теченіе столѣтій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Психологическая іерархія расъ.

Когда въ сочиненіи по естественной исторіи разсматриваются основы классификаціи видовъ, то тотчасъ же устанавливается то положеніе, что признаковъ неизмѣняемыхъ, а потому и основныхъ, допускающихъ опредѣленіе cadaго вида, очень немного. Перечисленіе ихъ всегда ограничивается нѣсколькими строками.

Дѣйствительно, натуралистъ заботится только о неизмѣняемыхъ признакахъ, не принимая въ расчетъ признаковъ временныхъ и преходящихъ. Основные же признаки увлекаютъ роковымъ образомъ вслѣдъ за собою и цѣлый рядъ другихъ.

То же относится и къ психологическимъ признакамъ расъ. Если войти въ подробности, то можно установить между однимъ народомъ и другимъ, между одними и другими индивидуумами безчисленныя и тонкія различія, но если остановиться только на основныхъ признакахъ, то придется признать, что для cadaго народа такихъ признаковъ оказывается немного. Только при помощи примѣровъ—которые мы вскорѣ представимъ—можно ясно показать вліяніе этого небольшого числа основныхъ признаковъ въ жизни народовъ.

Основы психологической классификаціи расъ могутъ быть изложены лишь при изученіи въ подробностяхъ психологій разныхъ народовъ. Это трудъ, который самъ по себѣ потребовалъ бы цѣлыхъ томовъ, но мы ограничимся указаніемъ лишь основныхъ чертъ этого вопроса.

Принимая въ соображеніе только общіе психологическіе признаки, можно подраздѣлить человѣческія расы на слѣдующія четыре группы; 1) первобытныя расы; 2) расы низшія; 3) расы среднія и 4) расы высшія.

Первобытными расами будутъ тѣ, у которыхъ не оказывается никакаго слѣда культуры, и которые въ этомъ отношеніи остались въ періодѣ, близкомъ къ животному состоянію,

періодъ, пережитомъ нашими предками въ каменномъ вѣкѣ. Таковы въ настоящее время жители острова Фиджи и австралийцы.

Выше первобытныхъ расъ стоятъ низшія расы, представляемыя главнымъ образомъ неграми; онѣ способны къ зачаткамъ цивилизаціи, но только къ зачаткамъ. Имъ никогда не удавалось перейти за формы вполне варварской цивилизаціи, даже и тогда, когда они случайно унаслѣдовали, напр., въ Санъ-Доминго, цивилизаціи высшія.

Къ среднимъ расамъ мы отнесемъ китайцевъ, монголовъ и семитическіе народы. Выступъ съ ассирійцами, монголами, китайцами и арабами эти расы создали типы высокой цивилизаціи, какіе могли превзойти лишь европейцы.

Среди высшихъ расъ нужно особенно упомянуть о народахъ индо-европейскихъ. Какъ въ древности, въ эпоху грековъ и римлянъ, такъ и въ новѣйшія времена онѣ одніе оказались способными къ великимъ изобрѣтеніямъ въ искусствахъ, наукахъ и промышленности. Этими расами созданъ тотъ высокій уровень, какого въ настоящее время достигла цивилизація. Изъ ихъ рукъ вышли паръ и электричество. Наименѣ развитыя изъ этихъ расъ, а именно индусы, достигли въ искусствахъ, литературѣ и философій такого высокаго уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы, и семиты.

Между четырьмя большими дѣленіями, которыя мы перечисляли, невозможно никакое смѣшеніе, раздѣляющая ихъ умственная пропасть очевидна. Трудность начинается, когда приходится дробить эти группы на болѣе мелкія. Англичанинъ, испанецъ, русскій составляютъ часть отдѣла высшихъ народовъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что различія между ними весьма велики.

Чтобы точнѣе опредѣлить эти различія, слѣдовало бы взять каждый народъ въ отдѣльности и описать его характеръ. Это мы вскорѣ и сдѣлаемъ для двухъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы представить примѣненіе метода и указать на значеніе его послѣдствій.

Въ настоящій же моментъ мы можемъ лишь указать вкратцѣ природу тѣхъ главныхъ психологическихъ элементовъ, которые даютъ возможность различать и обособлять расы.

У первобытныхъ расъ и низшихъ—причемъ нѣтъ надобности обращаться къ настоящимъ дикарямъ, такъ какъ самыя низшіе слои европейскихъ обществъ однородны съ первобытными существами, — опредѣляется всегда болѣе или менѣ значительная неспособность къ разсужденію, т. е. къ ассоцірованію въ мозгу, для сравненія и воспріятія аналогій и различій, идей, выработанныхъ прежними ощущеніями и впечатлѣніями, или словъ, являющихся ихъ знаками, съ идеями, произведенными существующими теперь впечатлѣніями. Изъ этой неспособности къ разсужденію вытекаетъ большая довѣрчивость и полное отсутствіе критическаго духа. У высшаго же существа, наоборотъ, способность ассоціровать идеи, извлекать изъ нихъ выводы весьма значительна, а критическій духъ и точность въ высшей степени развиты.

У низшихъ существъ констатируется еще извѣстная доза вниманія и размысленія, но доза крайне минимальная; духъ подражанія весьма развитъ; затѣмъ привычка извлекать изъ частныхъ фактовъ общія неточныя заключенія, слабая способность къ наблюденію и выводу изъ наблюденій полезныхъ результатовъ, крайняя подвижность характера и значительная непредусмотрительность. Инстинктъ момента является единственнымъ руководителемъ. Подобно Исаву, типу первородства въ племя, они охотно продали бы право первородства въ будущемъ за блюдо чечевицы въ настоящемъ. Если человѣкъ умѣетъ непосредственному интересу противопоставлять интересъ будущій, задаться какой-нибудь цѣлью и настойчиво ее преслѣдовать, то онъ этимъ дѣлаетъ большой шагъ впередъ.

Эта неспособность предвидѣть отдаленныя послѣдствія дѣйствій и это стремленіе руководствоваться только инстинктомъ момента осуждаютъ индивидуума, также какъ и расу, оставаться всегда въ состояніи весьма унизительномъ. Только по мѣрѣ того какъ они научились господствовать надъ своими инстинктами, т. е. приобрѣли волю, а слѣдовательно и власть

надъ самими собою, народы могли понять значеніе дисциплины, необходимость приносить себя въ жертву идеалу и возвыситься до цивилизации. Если бы нужно было оцѣнить какой, нибудь одной мѣркой общественный уровень въ исторіи, то я охотно принялъ бы за скалу степень ихъ приспособленности къ управленію своими рефлекторными клѣтками. Римляне въ древности, англо-американцы въ новѣйшія времена представляютъ народы, обладавшіе этимъ качествомъ въ высшей степени. Оно само содѣйствовало обезпеченію ихъ величія.

Путемъ общей группировки и относительно своего развитія, различные психологическіе элементы, выше перечисленные, образуютъ такіа настроенія ума, которыя допускаютъ классификацію индивидуумовъ и расъ.

Изъ этихъ психологическихъ элементовъ одни имѣютъ отношеніе къ характеру, другіе—къ разуму.

Высшія расы обособляются отъ расъ низшихъ, какъ по характеру, такъ и по разуму, но высшіе народы равняются между собою главнымъ образомъ по характеру. Этотъ пунктъ имѣетъ большое общественное значеніе, и его нужно ясно намѣтить.

Характеръ образуется соединеніемъ, въ разной пропорціи, разныхъ элементовъ, которые психологи обозначаютъ тѣмъ обычно названіемъ чувствъ. Среди чувствъ, играющихъ самую важную роль, нужно отмѣтить: настойчивость, энергію, самообладаніе, т.-е. способности, болѣе или менѣе происходящія отъ воли. Мы упомянемъ также среди основныхъ элементовъ характера то, что называется нравственностью, хотя она представляетъ синтезъ довольно сложныхъ чувствъ. Слово „нравственность“ мы примѣняемъ въ смыслѣ наслѣдственнаго почитанія правилъ, на которыхъ покоится существованіе общества. Имѣть нравственность для народа это значитъ имѣть извѣстные устойчивыя правила поведенія и не уклоняться отъ нихъ. Такъ какъ правила эти мѣняются смотря по времени и странѣ, то и нравственность кажется потому тоже подлежащей измѣненіямъ, и она дѣйствительно измѣнчива. Но для даннаго народа, въ данный моментъ нравственность должна

быть неизмѣнна. Нравственность, являясь продуктомъ характера, но никоимъ образомъ не разума, бываетъ основательно построена лишь тогда, когда она стала наслѣдственной, а слѣдовательно безсознательной. Вообще величіе народовъ—зависитъ большей частью отъ уровня ихъ нравственности.

Интеллектуальныя качества подвержены незначительнымъ видоизмѣненіемъ путемъ воспитанія. Качества же характера почти всецѣло ускользаютъ отъ вліянія воспитанія. Если же воспитаніе дѣйствуетъ на качества характера, то только у среднихъ натуръ, почти не обладающихъ волей и, слѣдовательно, склонныхъ дѣйствовать смотря по тому, куда ихъ толкнуть. Такія среднія натуры встрѣчаются у индивидуумовъ, но очень рѣдко у цѣлаго народа, а если въ немъ ихъ и наблюдаютъ, то лишь во времена крайняго упадка.

Открытія ума передаются легко отъ одного народа другому. Качества же характера не передаются. Это основные неизмѣняемые элементы, которые даютъ возможность обособлять умственный складъ высшихъ народовъ. Открытія, обусловленные разумомъ, являются общимъ достояніемъ человечества. Качества или недостатки характера составляютъ исключительное достояніе каждаго народа. Это неизмѣнная скала, которую волна должно бить изо дня въ день въ теченіе вѣковъ, прежде чѣмъ ей удастся сгладить только острые края этой скалы. Это эквивалентъ неизмѣняемаго элемента вида, плавникъ рыбы, клювъ птицы, зубъ плотояднаго.

Не разумъ, не умственные богатства народа, а его характеръ обусловливаетъ эволюцію народа въ исторіи и управляетъ его судьбами. Характеръ этотъ открывается, скрытый видимыми фантазіями, прячущійся за случайностью, за фиктивнымъ привидѣніемъ, за той весьма существенной судьбой, между прочимъ, вполнѣ реальной, которая, согласно разнымъ вѣрованіямъ, руководитъ дѣлами людей.

Вліяніе характера оказывается господствующимъ въ жизни народовъ, тогда какъ вліяніе умственнаго развитія дѣйствительно незначительно. Римляне временъ упадка отличались го-

раздо болѣе утонченнымъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ ихъ грубые предки, но они утратили качества своего характера: настойчивость, энергію, непобѣдимую смѣлость, самопожертвованіе изъ-за идеала, ненарушимое уваженіе къ законамъ, создавшимъ величіе ихъ предковъ. Благодаря только характеру 60,000 англичанъ держать въ рабствѣ 250 миллион. индусовъ, изъ которыхъ многіе являются по уму равными англичанамъ, а нѣкоторые значительно превосходятъ ихъ своими артистическими вкусами и глубиной философскихъ взглядовъ. Благодаря лишь своему характеру англичане стоятъ во главѣ самой гигантской изъ колониальныхъ имперій. Общества, религіи и имперіи основываются на характерѣ, а не на умственномъ развитіи. Характеръ это и есть то, что позволяетъ народамъ чувствовать и дѣйствовать. Народы никѣгда много не выигрывали отъ того, что желали слишкомъ много разсуждать и слишкомъ много думать *).

Изъ склада ума отдѣльныхъ расъ вытекаютъ ихъ понятія о мірѣ и жизни, а слѣдовательно и ихъ поведеніе. Мы вскорѣ представимъ по этому поводу надлежащіе примѣры.

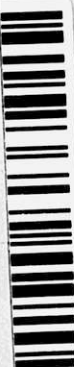
*) Крайняя несостоятельность произведеній психологовъ по профессіи и ихъ незначительный практическій интересъ зависятъ главнымъ образомъ отъ того, что гг. психологи исключительно сосредоточились на изученіи разума и почти совсѣмъ оставили въ сторонѣ изученіе характера. Только Паульсонъ въ своей интересной работѣ „Опытъ о характерахъ“ и Рибо, въ своей прекрасной книгѣ „Логика чувствъ“, отмѣтили значеніе характера и констатировали, что онъ составляетъ настоящую основу склада ума. „Разумъ“, справедливо замѣчаетъ Рибо, „есть лишь дополнительная форма умственной эволюціи. Основнымъ типомъ является характеръ. Разумъ при слишкомъ широкомъ своемъ развитіи скорѣе стремится къ уничтоженію характера“.

Нужно принятъ за изученіе характера, какъ я на это здѣсь указывалъ, если кто захотѣлъ бы описать сравнительную психологію народовъ. Что такая важная наука, какъ сравнительная психологія народовъ, — такъ какъ изъ нея вытекаютъ и исторія и политика, — никогда не была предметомъ серьезнаго изученія, это было бы трудно понять, если бы не

Подъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ явленій, дѣйствующихъ извѣстнымъ образомъ, индивидуумъ чувствуетъ, думаетъ и дѣйствуетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ будутъ чувствовать, думать и дѣйствовать тѣ, которые обладаютъ инымъ умственнымъ складомъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что умственные способности, построенныя по весьма различному типу, не будутъ одинаково прославляться впечатлѣніями. Въковая борьба расъ особенно основана главнымъ образомъ на несовмѣстности ихъ характеровъ. Ничего нельзя было бы понять въ исторіи, если бы мы не представляли себѣ постоянно, что различныя расы не могутъ ни чувствовать, ни думать, ни дѣйствовать одинаково, а слѣдовательно не могутъ и понимать другъ друга. Безъ сомнѣнія, различныя народы имѣютъ въ своихъ нарѣчіяхъ общія слова, которыя они считаютъ синонимами, но эти общія слова пробуждаютъ чувствованія, идеи, способы мышленія совершенно неодинаковыя у тѣхъ, которые ихъ понимаютъ. Нужно прожить съ народами, умственный складъ которыхъ значительно отличается отъ нашего, даже выбирая среди нихъ только индивидуумовъ, говорящихъ нашимъ языкомъ и получившихъ наше воспитаніе, чтобы уяснить себѣ глубину той пропасти, какая раздѣляетъ мысль разныхъ народовъ. Можно и не совершая отдаленныхъ путешествій составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этой пропасти, констатируя то значительное умственное обособленіе, какое существуетъ между образованнымъ мужчиной и женщиной, даже если бы послѣдняя была и очень образованной. Они оба могутъ имѣть общіе интересы, общія чувства, но никогда у

было извѣстно, что свѣдѣнія по этой наукѣ нельзя пріобрѣсть ни въ лабораторіяхъ, ни изъ книгъ, а также путемъ продолжительныхъ путешествій. Ничто не предвѣщаетъ, кромѣ того, чтобы эта наука скоро могла бы быть изучена психологами по профессіи. Они все болѣе и болѣе покидаютъ въ настоящее время то, что когда-то составляло ихъ область, чтобы сосредоточиться больше на изслѣдованіяхъ въ сферѣ анатоміи и физиологіи.

2018696168

нихъ не окажется одинаковаго сцѣпленія идей. Они могутъ разговаривать другъ съ другомъ цѣлые вѣка, не понимая другъ друга, потому что они построены по типамъ слишкомъ несходнымъ, чтобы получать одинаковыя впечатлѣнія и одинаковымъ способомъ изъ вѣшняго міра. Достаточно даже одной разницы въ ихъ логикѣ чтобы создать между ними непроходимую пропасть.

Эта пропасть въ умственномъ развитіи различныхъ расъ объясняетъ намъ, почему народы высшаго развитія никогда не могли успѣть въ томъ, чтобы заставить принять ихъ цивилизацію народамъ низшаго порядка. Столь распространенное мнѣніе, что будто бы надлежащее обученіе и образованіе можетъ пополнить этотъ пробѣлъ — устранить пропасть между дикаремъ и цивилизованнымъ человѣкомъ, — представляетъ одну изъ самыхъ несбыточныхъ иллюзій, какую теоретика чистаго разума когда-либо порождала на свѣтѣ. Несомнѣнно, конечно, что обученіе, благодаря той памяти, которой обладаютъ даже самыя низшія существа (что нисколько не относится къ числу особыхъ привилегій), можетъ дать индивидууму, стоящему на низшей ступени человѣческаго развитія, совокупность тѣхъ понятій, какими обладаетъ европеецъ. Не трудно превратить въ бакалавра или адвоката даже негра, но на самомъ дѣлѣ ему даютъ лишь поверхностную позировку, не оказывающую глубокаго вліянія на складъ его ума. Чего не можетъ дать ему никакое образованіе — это формы мысли, логики и въ особенности характера западныхъ народовъ, потому что все это создается только наслѣдственностью. Такой негръ можетъ заручиться всевозможными дипломами, но никогда не достигнетъ умственнаго уровня самаго обыкновеннаго европейца. Въ теченіе 10 лѣтъ не трудно дать ему образованіе хорошо воспитаннаго англичанина. Но чтобы сдѣлать изъ него настоящаго англичанина, т.-е. человѣка, дѣйствующаго какъ англичанинъ въ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни, въ какія ему придется попасть, врядъ ли хватитъ нѣсколькихъ столѣтій. Только по наружности народъ сразу преобразовывается свой языкъ, свое устройство, свои вѣрованія

и искусства. Чтобы на самомъ дѣлѣ выполнить такія перемены, пришлось бы совершенно преобразовать его душу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прогрессивное обособленіе индивидуумовъ и расъ.

Высшія расы отличаются отъ низшихъ не одними психологическими и анатомическими признаками. Онѣ еще отличаются между собою различіемъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ ихъ строеніе. У низшихъ расъ всѣ индивидуумы даже въ томъ случаѣ, когда они принадлежатъ разнымъ поламъ, обладаютъ приблизительно одинаковымъ умственнымъ уровнемъ. Будучи всѣ похожими другъ на друга, они представляютъ совершенный образъ равенства, о которомъ мечтаютъ современные социалисты. У высшихъ расъ, наоборотъ, интеллектуальное неравенство индивидуумовъ и половъ составляетъ законъ.

Вотъ почему, конечно, сравнивая между собою не среднія цифры народовъ, но ихъ высшіе слои, если они у нихъ имѣются, оказывается возможнымъ опредѣлить размѣры отдѣляющихъ ихъ между собою различій. Индусы, китайцы, европейцы въ умственномъ отношеніи въ своихъ среднихъ слояхъ очень мало отличаются между собою. Но зато они значительно отличаются въ этомъ отношеніи въ своихъ высшихъ слояхъ.

Съ успѣхами цивилизаціи не только расы, но и индивидуумы каждой расы, по крайней мѣрѣ индивидуумы высшихъ расъ, обнаруживаютъ склонность къ все большему и большему обособленію. Въ противоположность нашимъ мечтамъ о равенствѣ, результатомъ новѣйшей цивилизаціи является не стремленіе сдѣлать людей болѣе и болѣе равными въ умственномъ отношеніи, а, наоборотъ, сдѣлать ихъ какъ можно болѣе различными именно въ отношеніи развитія ума.

Однимъ изъ главныхъ послѣдствій цивилизаціи является, дѣйствительно, съ одной стороны, обособленіе расъ путемъ все болѣе и болѣе возрастающаго умственнаго труда, что цивилизація внушаетъ народамъ, достигшимъ высшей степени культуры, а съ другой—все большее и большее обособленіе различныхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ состоитъ каждый цивилизованный народъ.

Уловія современной промышленной эволюціи обрекаютъ низшіе слои народовъ цивилизованныхъ на весьма специализированный трудъ, который не только повышаетъ ихъ умственное развитіе, а, наоборотъ, стремится къ пониженію ихъ умственного уровня. Сто лѣтъ тому назадъ рабочій былъ истиннымъ виртуозомъ, способнымъ выполнить всѣ подробности какого-нибудь механизма, напр., карманныхъ часовъ. Въ настоящее же время это простой ремесленникъ, выдѣлывающій лишь одну какую-нибудь часть механизма, который проводитъ всю свою жизнь въ просверливаніи одинаковыхъ дыръ, въ полировку одной части предмета, въ управленіи одной и той же машиной. Въ результатъ получается то, что умъ его мало-помалу совершенно атрофируется. Подталкиваемый открытіями и конкуренціей, промышленникъ или инженеръ, руководящій рабочими, вынужденъ, наоборотъ, накоплять въ себѣ несравненно больше познаній, духа инициативы и изобрѣтательности, чѣмъ тотъ же промышленникъ и тотъ же инженеръ сто лѣтъ тому назадъ. Постоянно упражнясь, мозги его подчиняются закону, который управляетъ всѣми органами, и все болѣе и болѣе развиваются.

Токвилъ уже указалъ на это прогрессирующее обособленіе общественныхъ слоевъ въ ту эпоху, когда промышленность была далека отъ той степени развитія, какой она достигла въ наши дни. „По мѣрѣ того какъ принципы раздѣленія труда получаютъ болѣе полное примѣненіе, рабочій становится болѣе слабымъ, болѣе ограниченнымъ и болѣе зависимымъ. Мастерство дѣлаетъ успѣхи, а мастеръ отстаетъ. Разница между хозяиномъ и рабочимъ изъ дня въ день становится все больше и больше“.

Въ настоящее время народъ высшей расы, съ точки зрѣнія умственнаго развитія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ зданіе вродѣ пирамиды съ уступами, сълышя часть которыхъ образуется глубокими массами населенія, верхніе уступы — слоями интеллигентовъ *), верхушка пирамиды — небольшимъ избраннымъ кружкомъ ученыхъ, изобрѣтателей, артистовъ, писателей. Эта группа весьма ограничена по отношенію къ остальному населенію, но только она и создаетъ извѣстный уровень стройнаго развитія умственныхъ силъ, составляющихъ одну изъ главныхъ пружинъ цивилизаціи. Стоитъ этой группѣ исчезнуть, какъ вмѣстѣ съ нею и одновременно исчезнуть и всѣ тѣ условія и все то, что составляло гордость и славу націи. „Если бы Франція“, какъ справедливо говорить Сэнъ-Симонъ, „сразу потеряла бы своихъ 50 первыхъ ученыхъ, 50 первыхъ артистовъ, 50 первыхъ фабрикантовъ и 50 первыхъ земледѣльцевъ, то вся нація превратилась бы въ бездушное тѣло и сдѣлалась бы, такъ сказать, обезглавленной. Если бы, наоборотъ, Франція лишилась только своего

*) Я говорю „интеллигентовъ“, не прибавляя образованныхъ. Я считаю, что это заблужденіе, свойственное латинской расѣ: думать, что между образованіемъ и интеллигентностью существуетъ какой-то параллелизмъ. Образованіе зависитъ исключительно отъ обладанія извѣстной дозой памяти, но для того, чтобы его пріобрѣсти, не требуется какихъ-либо особыхъ качествъ сужденія, размышленія, инициативы и изобрѣтательности. Нерѣдко попадаются люди, обладающіе всевозможными дипломами, хотя крайне ограниченные, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ людей мало образованныхъ, но обладающихъ тѣмъ не менѣе весьма развитымъ разумомъ. Слѣдовательно, высшіе слои нашей воображаемой пирамиды будутъ состоять изъ элементовъ, заимствованныхъ у всѣхъ классовъ населенія. Во всѣхъ профессіяхъ имѣется очень немного умовъ выдающихся. Однако, представляется весьма вѣроятнымъ, что такіе выдающіеся умы, въ силу законовъ наследственности, въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются именно въ такъ называемыхъ высшихъ классахъ общества, и безъ сомнѣнія въ этомъ именно обстоятельстве и заключается все превосходство высшихъ слоевъ общества.

официального персонала, то для страны получился бы въ результатъ совсѣмъ ничтожный убытокъ“.

Съ успѣхами цивилизаціи обособленіе между крайними слоями населенія (т.-е. высшими и низшими) растетъ съ большою быстротой. Это обособленіе даже обнаруживаетъ наклонность въ опредѣленный моментъ повышаться въ геометрической прогрессіи. Слѣдовательно, достаточно было бы, если бы этому не мѣшали извѣстныя послѣдствія наслѣдственности, прибѣгнуть къ вмѣшательству времени, чтобы видѣть, что высшіе слои населенія отдѣляются отъ низшихъ въ умственномъ отношеніи столь же большимъ разстояніемъ, какъ и разстояніе, отдѣляющее бѣлаго отъ негра или даже негра отъ обезьяны.

Но многія причины мѣшаютъ тому, чтобы эта умственная обособленность общественныхъ слоевъ, до какихъ большихъ размѣровъ она бы ни дошла, произошла бы съ той быстротой, какую можно бы представить себѣ или допустить въ теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ планѣ обособленность относится только къ умственному развитію, но мало или совсѣмъ не касается характера, а намъ уже извѣстно, что именно характеръ, а не умственное развитіе, играетъ основную роль въ жизни народовъ. Во-вторыхъ, въ настоящее время массы по своей организаціи и порядку стремятся стать всемогущими. Такъ какъ ихъ ненависть къ умственному превосходству очевидна, то весьма вѣроятно, что вся умственная аристократія предназначена къ насильственному истребленію ея массами путемъ періодическихъ революцій, по мѣрѣ того, какъ будутъ организоваться народныя массы, подобно тому какъ сто лѣтъ тому назадъ было уничтожено старинное дворянство. Когда социализмъ поработитъ какую-нибудь страну, то единственнымъ его шансомъ для существованія будетъ уничтоженіе всѣхъ до послѣдняго индивидуумовъ, обладающихъ умственнымъ превосходствомъ, могущимъ хотя сколько-нибудь ихъ возвысить, поднять выше самаго скромнаго средняго уровня.

Помимо двухъ причинъ, на которыя я указалъ, причинъ искусственныхъ, такъ какъ онѣ сами являются результатомъ цивилизаціи, могущей проявляться въ самой разнообразной формѣ, имѣется причина гораздо болѣе важная—вслѣдствіе того, что она представляетъ неизбѣжный законъ природы,—причина, которая всегда будетъ мѣшать избранной лучшей части націи обособляться въ умственномъ отношеніи отъ низшихъ слоевъ населенія, но она помѣшаетъ слишкомъ быстрому ходу этого обособленія. При наличности современныхъ условій цивилизаціи, которыя стремятся все болѣе и болѣе обособлять людей одной и той же расы, существуютъ вѣдь и полновѣсные законы наслѣдственности, направленные къ уничтоженію или сведенію къ среднему уровню индивидуумовъ, слишкомъ рѣзко отличающихся отъ толпы.

Наблюденія уже старыя, о которыхъ упоминаютъ всѣ авторы работъ о наслѣдственности, доказали дѣйствительно, что потомки изъ семействъ, такъ сказать, прославившихся своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ, подвергаются рано или поздно—чаще рано—перерожденіямъ, совершенно почти устранивающимъ всякіе проблески ума.

Слѣдовательно, большое умственное превосходство, повидимому, приобрѣтается не иначе, какъ при условіи оставлять за собою выродившіеся типы. Въ дѣйствительности, только непрерывно заимствуя изъ элементовъ, помѣщающихся внизу, и можетъ существовать верхушка той воображаемой общественной пирамиды, о которой я уже упоминалъ. Если бы обратъ на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ цвѣтъ и красоту интеллигенціи, то путемъ ихъ скрещиванія мы получили бы расу, одержимую всевозможными формами вырожденія, присужденную, слѣдовательно, къ быстрому исчезновенію. Высшихъ представителей интеллигенціи можно сравнить съ ботаническими уродствами, созданными искусствомъ садовника. Предоставленные самимъ себѣ, они погибаютъ или возвращаются къ среднему типу вида, который является всемогущимъ, такъ какъ онъ представляетъ длинный рядъ предковъ.

Внимательное изученіе различныхъ народовъ показываетъ, что если индивидуумы одной и той же расы значительно стлчаются между собою по умственному развитію, то они сравнительно мало различаются по характеру, этой неизмѣнной скалѣ, на вѣковое постоянство которой я уже указалъ. Слѣдовательно, изучая какую-нибудь расу, мы должны разсматривать ее съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія умственного развитія такая раса имѣетъ значеніе лишь благодаря той незначительной избранной группѣ, которая обусловливаетъ своимъ существованіемъ всѣ успѣхи науки, литературы и промышленности, составляющіе неизбѣжные атрибуты цивилизаціи. А съ точки зрѣнія развитія характера важно знать лишь среднія данныя. Отъ этого средняго уровня всегда и зависитъ сила и могущество народовъ. Они вполне могутъ обойтись безъ избраннаго кружка интеллигенціи, но не могутъ обойтись безъ опредѣленнаго уровня характера. Это мы вскорѣ докажемъ.

Итакъ, индивидуумы одной и той же расы, обособляясь въ умственномъ отношеніи все больше и больше другъ отъ друга въ теченіе столѣтій, въ отношеніи развитія характера стремятся возвратиться къ среднему типу. Къ этому типу, который развивается очень медленно, и принадлежит огромное большинство націй. Это основное ядро—по крайней мѣрѣ у народовъ высшей расы—облечено тонкимъ слоемъ высоко-развитыхъ умовъ, составляющихъ, такъ сказать, капиталъ въ смыслѣ цивилизаціи, но не имѣющихъ значенія въ смыслѣ расы. Постоянно разрушаемая раса постоянно возобновляется на счетъ средняго слоя, который измѣняется лишь крайне медленно, потому что малѣйшія отклоненія, чтобы сдѣлаться устойчивыми, требуютъ, чтобы ихъ накопили въ одномъ и томъ же направленіи путемъ наслѣдственности цѣлыми столѣтіями.

Уже мною лѣтъ тому назадъ, какъ я, опираясь на изслѣдованія чисто анатомическія, пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, какіе мною здѣсь высказываются относительно обособленія индивидуумъ въ и расѣ. Для оправданія этихъ взглядовъ я при-

велъ также психологическія основанія. Такъ какъ оба эти рода наблюденій приводятъ къ одинаковымъ результатамъ, то я позволю себѣ напомнить читателю нѣкоторые изъ выводовъ моего перваго труда. Они опираются на измѣренія, сдѣланныя на многихъ тысячахъ череповъ древнихъ и новыхъ, принадлежавшихъ различнымъ расамъ.

Вотъ наиболѣе существенные изъ нихъ.

Объемъ черепа находится въ тѣсной связи съ умственнымъ развитіемъ, если, оставляя въ сторонѣ случаи индивидуальныя, работать надъ цѣлыми рядами или группами. Въ такихъ случаяхъ констатируется, что расы низшія отъ расъ высшихъ отличаются не незначительными разнициа средней емкости ихъ череповъ, а тотъ существенный фактъ, что высшая раса включаетъ въ себя извѣстное число индивидуумовъ съ очень развитыми мозгами, тогда какъ низшая таковыхъ не содержитъ. Слѣдовательно, расы отличаются между собою не массами, а числомъ тѣхъ индивидуумовъ, которые стоятъ выше толпы и отличаются отъ нея. Въ любомъ изъ народовъ средняя разнициа черепа—исключая слишкомъ низко стоящихъ расъ—никогда не бываетъ очень значительной.

Сравнивая черепа различныхъ человѣческихъ расъ въ настоящемъ и прошедшемъ, не трудно убѣдиться, что расы, объемъ черепа которыхъ представляетъ наибольшія индивидуальныя отклоненія, и являются расами болѣе цивилизованными, что, по мѣрѣ того какъ раса цивилизуется, черепа составляющихъ ее индивидуумовъ все болѣе и болѣе обособляются (дифференцируются). Изъ этого вытекаетъ, что цивилизація ведетъ насъ не къ равенству, а къ глубочайшему, постоянно увеличивающемуся неравенству. Равенство анатомическое и фیزیологическое существуетъ только между индивидуумами самыхъ низшихъ расъ. Между членами какого-нибудь дикаго племени, предающимся одинаковымъ занятіямъ, разнициа крайне минимальная, тогда какъ между крестьянскими, весь словарь котораго ограничивается тремястами словъ, и ученымъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи сотни тысячъ словъ съ соот-

вѣтственными идеями, разница, наоборотъ, громадная, колоссальная.

Обособляемость индивидуумовъ, производимая развитіемъ цивилизаціи, обнаруживается равнымъ образомъ и между полами. У народовъ низшихъ расъ или въ низшихъ слояхъ народовъ высшей расы мужчины и женщины очень близки въ умственномъ отношеніи. Наоборотъ же, по мѣрѣ того, какъ народы цивилизуются, помы стремятся все къ большому и большому обособленію.

Объемъ черепа мужчины и женщины, даже если сравнивать неключительно, какъ это я дѣлаю, субъектовъ одинаковаго возраста, одинаковаго роста и вѣса, представляютъ различія, быстро увеличивающіяся соотвѣтственно степени цивилизаціи. Весьма слабыя въ низшихъ расахъ, различія эти становятся громадными въ высшихъ расахъ. Въ этихъ высшихъ расахъ женскіе черепа бываютъ нерѣдко немного болѣе развитыми, чѣмъ черепа женщинъ очень низшихъ расъ; тогда какъ средняя цифра мужскихъ парижскихъ череповъ ставитъ ихъ въ ряду наиболѣе извѣстныхъ по большой величинѣ череповъ, средняя цифра женскихъ парижскихъ череповъ классифицируетъ ихъ среди самыхъ малыхъ череповъ, стоящихъ приблизительно на одномъ уровнѣ съ черепами китайцевъ, едва превышающихъ женскіе черепа Новой Каледоніи*).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Образованіе историческихъ расъ.

Мы уже обратили вниманіе на то, что у народовъ цивилизованныхъ теперь почти невозможно встрѣтить настоящихъ расъ въ научномъ смыслѣ этого слова, а только расы исто-

*) См. *Gustaw Le Bon*. „Recherches anatomiques et mathématiques sur les variations de volume du cerveau et sur leurs relations avec l'intelligence“. 1879. Мемуары удостоены преміи Французской Академіи Наукъ и Французскаго Антропологическаго Общества.

рическія, т.-е. расы, созданныя случайностью завоеваній, переселеній, политикой и пр., состоящія, слѣдовательно, изъ смѣси индивидуумовъ различнаго происхожденія.

Какимъ образомъ эти, такъ сказать, историческія расы достигаютъ сліянія и образованія одной исторической расы, обладающей общими психологическими признаками? Разрѣшеніемъ этого вопроса мы и займемся.

Замѣтимъ прежде всего, что элементы, сталкивающіеся случайно, не всегда сливаются. Народности: нѣмецкая, венгерская, славянская и др., находящіяся подъ владычествомъ Австріи, составляютъ совершенно отдѣльныя расы, никогда не дѣлавшія попытокъ къ сліянію. Ирландцы, живущіе подъ властью англичанъ, также никогда не смѣшивались съ послѣдними. Что касается совершенно дикихъ народовъ, напр., краснокожихъ, австралійцевъ, тасманійцевъ и пр., то они не только не смѣшиваются съ народами высшихъ расъ, но, кромѣ того, даже быстро исчезаютъ при ихъ появленіи. Опытъ доказываетъ, что всякій народъ низшей расы, соприкасаясь съ народомъ высшей расы, роковымъ образомъ присуждается къ быстрому исчезновенію.

Для того, чтобы расы слились между собою и образовали бы новую болѣе или менѣе однородную расу, требуется соблюденіе трехъ условій.

Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, чтобы расы, подлежащія скрещиванію, не были слишкомъ неравны въ числовомъ отношеніи, второе—чтобы онѣ не слишкомъ разнились между собою по характеру, и третье—чтобы онѣ подвергались въ теченіе долгаго времени тождественнымъ вліяніямъ среды.

Первое изъ перечисленныхъ условій представляетъ капитальное значеніе. Небольшое число бѣлыхъ, попавшихъ въ многочисленное негритянское населеніе, послѣ нѣсколькихъ поколѣній, исчезаетъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ своей крови потомкамъ. Такъ погибли всѣ завоеватели, захватившіе подъ свою власть слишкомъ большое населеніе. Они могли, одобно римлянамъ въ Галліи, арабамъ въ Египтѣ, оста-

вить послѣ себя свою цивилизацію, искусства и языки, но не оставляли никогда малѣйшихъ слѣдовъ своей крови.

Второе изъ предшествовавшихъ условій имѣетъ равнымъ образомъ весьма большое значеніе. Несомнѣнно, расы очень различныя, напр., бѣлая и черная, могутъ сливаться, но метисы, происходящіе отъ этого смѣшенія, составляютъ населеніе гораздо менѣе развитое, болѣе низкое, чѣмъ продукты, изъ которыхъ оно происходитъ, и совершенно неспособное создать или даже продолжить цивилизацію. Вліянія, противоположныя наследственности, разъединяють ихъ нравственныя черты и характеръ.

Когда метисы (помѣси), происшедшіе отъ бѣлыхъ и негровъ, случайно унаслѣдовали, какъ, напр., въ Сантъ-Доминго, высшую цивилизацію, то эта цивилизація быстро впала въ упадокъ. Скрещиванія могутъ служить элементомъ прогресса между высшими расами, довольно близкими, какъ, напр., англичане и нѣмцы изъ Америки. Они составляютъ всегда элементы вырожденія, когда эти расы, даже высшія, слишкомъ различны *).

Скрещивать два народа это значитъ измѣнить сразу какъ ихъ физическую конституцію, такъ и ихъ конституцію умственную или психическую. Скрещиваніе, впрочемъ, составляетъ единственное средство видоизмѣнить кореннымъ образомъ характеръ народа, такъ какъ только неслѣдственность обладаетъ достаточной силой, чтобы бороться противъ другой на-

*) Въ страны, представляющія слишкомъ много метисовъ, тѣмъ самымъ уже обрекаются къ вѣчной анархіи, если онѣ не управляются желѣзной властью. Такова Бразилія; въ ней лишь треть бѣлыхъ, остальное населеніе состоитъ изъ метисовъ и мулатовъ. Знаменитый Агассисъ справедливо говоритъ, что „достаточно побывать въ Бразиліи, чтобы отказать отъ отрицанія того упадка, какой является результатомъ скрещиваній, которыхъ въ этой странѣ было больше, чѣмъ гдѣ-либо. Эти скрещиванія стирають лучшія качества какъ бѣлаго, такъ и негра и индійца и создаютъ неописуемый типъ, физическая и психическая энергія котораго ослаблена“.

слѣдственности. Эти скрещиванія даютъ возможность создать на долгое время новую расу, обладающую новыми физическими и психологическими признаками.

Созданные этимъ путемъ признаки вначалѣ бываютъ крайне слабо выраженными и неустойчивыми. Нужна всегда продолжительная неслѣдственность накопленія, чтобы закрѣпить ихъ. Первымъ послѣдствіемъ скрещиванія между различными расами является уничтоженіе, такъ сказать, души этихъ расъ, т.-е. той совокупности идей и чувствъ общихъ, которыя составляютъ силу народовъ и безъ которой нѣтъ ни націй, ни отечества. Это критическій періодъ исторіи народовъ, періодъ начала и, такъ сказать, пробы, колебаній, періодъ, который всѣмъ пришлось пережить, такъ какъ не существуетъ ни одного европейскаго народа, который не былъ бы созданъ изъ обломковъ другихъ народовъ.

Предшествующее показываетъ, что скрещиванія должны быть разсматриваемы одновременно и какъ основной элементъ для образованія новыхъ расъ, и какъ могучій факторъ разложенія старыхъ. Слѣдовательно, не безъ основанія въ народы, достигшіе извѣстной степени цивилизаціи, старательно избѣгали смѣшенія съ иностранными. Не будь удивительнаго кастоваго порядка, то незамѣтная горсть сирійцевъ, которая, 3000 лѣтъ тому назадъ, захватила Индію, скоро бы, такъ сказать, утонула въ громадной толпѣ облежавшихъ ее со всѣхъ сторонъ черныхъ народностей, и никакая цивилизація тогда не возникла бы на этомъ большомъ полуостровѣ. Если бы въ наши дни англичане не сохранили въ своей практикѣ той же системы и согласились бы смѣшиваться и входить въ связь съ туземнымъ населеніемъ, то давно бы уже они потеряли свою гигантскую Индійскую имперію. Всякій народъ можетъ утратить много, переносить много катастрофъ, и все же вновь обновиться, но когда онъ теряетъ свою душу, онъ все теряетъ безвозвратно.

Именно въ тотъ моментъ, когда погибающія или находящіяся въ упадкѣ цивилизаціи становятся добычей завоевателей мирныхъ или воинственныхъ, и начинаютъ произво-

дятся послѣдовательныя скрещиванія, играющія сначала разрушающую, а затѣмъ созидательную или творческую роль, о которой я говорилъ. Эти скрещиванія убиваютъ старую цивилизацію, потому что они убиваютъ душу народа, который обладалъ этой цивилизаціей. Они допускаютъ появленіе и созиданіе новой цивилизаціи, потому что старинные психологическіе признаки существующей расы уже разрушены, и, подъ вліяніемъ условій такой жизни, могутъ образоваться новые психологическіе признаки.

Только на расахъ, находящихся на пути къ развитію, у которыхъ, слѣдовательно, признаки предковъ были уничтожены противоположными наслѣдственностями, можетъ обнаруживаться вліяніе послѣдняго изъ упомянутыхъ факторовъ—вліяніе среды. Очень слабо обнаруживаемое на старинныхъ, коренныхъ расахъ, вліяніе среды на новыя расы, наоборотъ, очень велико. Скрещиванія, уничтожая психологическіе признаки предковъ, создаютъ нѣчто вродѣ *tabula rasa*, на которой вліяніе среды, продолжающее обнаруживаться вѣками, сначала создаетъ, затѣмъ уже закрѣпляетъ новые психологическіе признаки. Тогда, и только тогда уже является вполнѣ сформированной новая историческая раса. Такъ образовалась и французская раса.

Вліяніе среды физической и психической, значить, весьма велико или, наоборотъ, весьма слабо, смотря по случаямъ, и этимъ путемъ можно объяснить себѣ, что относительно вліянія среды были высказаны самыя противорѣчивыя мнѣнія. Мы видимъ, что вліяніе это весьма велико по отношенію къ вновь образующимся расамъ, но если бы мы разсматривали старинныя расы, прочно установившіяся, то могли бы сказать, что вліяніе на нихъ вышеупомянутой среды, наоборотъ, почти всецѣло сводится къ нулю.

По отношенію къ средѣ нравственной или вообще психической, мы имѣемъ доказательство ничтожности ея дѣйствія, принимая въ соображеніе отсутствіе всякаго вліянія нашихъ западныхъ цивилизацій на народы Востока, даже въ томъ случаѣ, когда они подвергаются въ теченіе многихъ поколѣній

соприкосновенію съ этими цивилизаціями, какъ это наблюдается на китайцахъ, живущихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Что касается среды физической, то ничтожность ея вліянія мы констатируемъ, указывая на трудности акклиматизаціи. Будучи перенесена въ среду, слишкомъ отличающуюся отъ среды обычной, старшая раса—все равно, идетъ ли здѣсь рѣчь о человѣкѣ, животномъ или растеніи—скорѣе погибаетъ, чѣмъ приспосаблиется или преобразовывается. Побѣждаемый различными народами Египетъ, въ концѣ концовъ, всегда дѣлался могилой своихъ побѣдителей. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не могъ акклиматизироваться въ Египтѣ, ни греки, ни римляне, ни персы, ни арабы, ни турки и пр., и ни одинъ изъ нихъ не оставилъ въ Египтѣ никакихъ слѣдовъ своей крови. Единственный типъ, который тамъ встрѣчается, это феллахи, черты которыхъ воспроизводить въ точности тѣ образа, которые египетскіе художники вырѣзывали, 7 тысячъ лѣтъ тому назадъ, на могилахъ и дворцахъ фараоновъ.

Большинство историческихъ расъ Европы находятся еще на пути къ развитію и сформированію, и весьма важно это знать, чтобы понять ихъ исторію. Только современный англичанинъ представлялъ расу почти всецѣло неподвижную. Въ немъ, такъ сказать, стерлись и древній бретонецъ, и саксонецъ, и нормандецъ для образованія новаго совершенно однороднаго типа. Во Франціи же, наоборотъ, провансалецъ очень отличается отъ бретонца, а овернецъ отъ нормандца. Однако, если не существуетъ еще средняго типа француза, то по крайней мѣрѣ существуютъ средніе типы извѣстныхъ областей Франціи. Типы эти, къ сожалѣнію, еще слишкомъ обособлены другъ отъ друга своими идеями и характерами. Слѣдовательно, трудно создать такія учрежденія, которыя были бы для нихъ въ одинаковой мѣрѣ подходящими, и только путемъ энергичной централизаціи можно было бы внушить ямъ нѣкоторую общность мысли. Глубокія различія между французами въ отношеніи чувствъ и вѣрованій и явившіеся послѣдствіемъ ихъ политическіе перевороты зависятъ главнымъ образомъ

отъ различій психическаго склада, которыя, быть можетъ, будутъ сглажены въ будущемъ.

Такъ было всегда, когда различныя расы приходили въ соприкосновеніе. Разногласіе и внутренняя борьба оказывались всегда тѣмъ болѣе глубокими и упорными, чѣмъ существующія расы оказывались различнѣе. Если онѣ слишкомъ уже непохожи, то тогда оказывается безусловно невозможнымъ заставить ихъ жить при одинаковыхъ учрежденіяхъ и подчиняться однимъ и тѣмъ же законамъ. Исторія великихъ имперій, состоявшихъ изъ различныхъ расъ, всегда была одинакова: онѣ погибали чаще всего вмѣстѣ со своими основателями. Изъ современныхъ націй только голландцамъ и англичанамъ удалось наложить ярмо на азіатскіе народы, весьма отъ нихъ отличающіеся, но они достигли этого лишь потому, что сумѣли уважать нравы, обычаи и законы этихъ народовъ, предоставляя въ сущности имъ право самоуправленія и ограничивая ихъ роль лишь участіемъ въ долѣ налоговъ, въ торговлѣ и поддержаніи мира.

Помимо этихъ рѣдкихъ исключеній, всѣ великія государства, соединяющія несходные между собою народы, могутъ быть созданы лишь силой и осуждены на гибель путемъ насилія. Чтобы нація могла сформироваться, нужно, чтобы она составлялась медленно путемъ постояннаго смѣшиванія мало отличающихся между собою расъ, постоянно между собою скрещивающихся, живущихъ на одной землѣ, подвергающихся дѣйствію одинаковыхъ средъ, имѣющихъ одинаковыя учрежденія и одинаковыя вѣрованія. Тогда эти различныя расы могутъ, по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, образовать націю довольно однородную.

По мѣрѣ того какъ старится міръ, расы становятся все болѣе и болѣе устойчивыми и ихъ преобразованія путемъ скрещиваній—все болѣе и болѣе рѣдкими. Подвигаясь въ ростѣ, человѣчество ощущаетъ тяготу наслѣдственности, которая становится все тяжелѣе и преобразованія ея болѣе затруднительными. Что касается Европы, то можно сказать, что эра образованія историческихъ расъ скоро прекратится.

Книга вторая.

Какъ проявляются психологическіе признаки расъ въ различныхъ элементахъ ихъ цивилизацій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Различные элементы цивилизацій, какъ внѣшнее проявленіе души народа.

Различные элементы, какъ-то: нарѣчія, учрежденія, идеи, вѣрованія, искусства, литература и пр., изъ которыхъ составляется цивилизація, должны быть разсматриваемы какъ внѣшнія проявленія души людей, которые ихъ создали. Но, смотря по эпохамъ и расамъ, значеніе этихъ элементовъ, какъ проявленій души народа, крайне неодинаково.

Въ настоящее время почти не существуетъ книгъ, посвященныхъ произведеніямъ искусствъ, въ которыхъ не повторялось бы, что онѣ точно передаютъ мысль народовъ и представляютъ самое несомнѣнное и важное выраженіе ихъ цивилизацій.

Безъ сомнѣнія, это случается часто, но нужно еще многое, чтобы считать такое правило безусловно точнымъ и чтобы развитіе искусства всегда дѣйствительно соответствовало умственному развитію націй. Если и существуютъ народы, для которыхъ произведенія искусствъ оказываются наи-

болѣе существеннымъ проявленіемъ ихъ души, то имѣются и другіе народы, хотя и очень высоко стоящіе на ступеняхъ цивилизаціи, у которыхъ искусства играли лишь очень второстепенную роль.

Если бы кто-либо былъ осужденъ писать исторію цивилизаціи каждаго народа, принимая въ соображеніе только одинъ элементъ, то такой элементъ пришлось бы разнообразить, смотря по народностямъ. По отношенію къ однимъ такимъ элементомъ являлись бы искусства, по отношенію къ другимъ, быть можетъ, учрежденія, военная организація, промышленность, торговля и пр., которые давали бы возможность лучше ознакомиться съ описываемыми народами. Вотъ пунктъ, который прежде всего и слѣдуетъ установить, такъ какъ онъ намъ даетъ возможность впоследствии лучше понимать, почему различные элементы цивилизаціи подверглись крайне неодинаковымъ преобразованіямъ, передаваясь отъ одного народа другому.

Среди народовъ древности египтяне и римляне представляютъ примѣры вполне характерные этого неравенства въ развитіи различныхъ элементовъ цивилизаціи и даже въ различныхъ отрасляхъ, изъ которыхъ состоитъ каждый изъ этихъ элементовъ.

Возьмемъ сначала египтянъ. У нихъ литература всегда была весьма несостоятельна, живопись—въ жалкомъ состояніи, архитектура же и ваиіе, наоборотъ, дали образцы искусства. Ихъ памятники еще и теперь вызываютъ у насъ удивленіе. Статуи, которыя они намъ оставили, какъ, напр., статуя псаца, Шейна-эль-Валеда, Раголена, Неферти-Ари и многіе другія, остаются и понынѣ образцами, и только въ очень короткій промежутокъ времени греки успѣли превзойти ихъ.

Къ египтянамъ приблизимъ римлянъ, которые играли столь выдающуюся роль въ исторіи. У нихъ были и творцы и образцы, такъ какъ за ними стояли египтяне и греки. Однакожъ, имъ не удалось создать какого-нибудь своего собственнаго римскаго искусства. Никогда, быть можетъ, никакой народъ не проявлялъ меньше оригинальности въ своихъ художествен-

ныхъ произведенійхъ. Римляне очень мало заботились объ искусствахъ и рассматривали ихъ лишь съ чисто утилитарной точки зрѣнія и видѣли въ нихъ только нѣчто вроде статьи ввоза, подобно другимъ продуктамъ, напр., металламъ, душистымъ смоламъ и пряностямъ, которые они требовали отъ другихъ народовъ. Ставши тогда властителями всего міра, римляне не имѣли національнаго искусства, и даже въ ту эпоху, когда всеобщій миръ, богатство и потребность въ роскоши нѣсколько развили въ нихъ ихъ слабыя артистическія чувства, то они за моделями и артистами обращались къ Греціи. Исторія римской архитектуры и скульптуры является лишь одной изъ небольшихъ главъ греческой архитектуры и скульптуры.

Но этотъ великій римскій народъ, столь несостоятельный по части искусства, довель до высшихъ степеней три другихъ элемента цивилизаціи. Онъ имѣлъ военные учрежденія, которыя обезпечили ему господство надъ міромъ, учрежденія политическія и законодательныя, которыя мы еще и теперь копируемъ, наконецъ, народъ этотъ создалъ литературу, которой французская литература вдохновлялась въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, самымъ поразительнымъ образомъ неравенство развитія элементовъ цивилизаціи у двухъ націй, высокая степень культуры которыхъ не можетъ быть оспариваема, и мы можемъ предчувствовать тѣ заблужденія, которымъ легко поддаться, если принять въ расчетъ и замѣрило только одинъ изъ этихъ элементовъ, напр., искусство. Мы нашли у египтянъ крайне оригинальныя и замѣчательныя искусства, за исключеніемъ живописи, но зато крайне жалкую литературу; у римлянъ—жалкое состояніе искусствъ безъ малѣйшаго слѣда оригинальности, но зато блестящую литературу и, наконецъ, первостепенныя политическія и военныя учрежденія.

Даже греки, какъ одинъ изъ народовъ, наиболѣе проявившій превосходство въ разнообразныхъ отрасляхъ, могутъ быть также поставлены въ примѣръ для того, чтобы дока-

зять отсутствіе параллелизма между различными элементами цивилизаціи. Въ гомерическую эпоху литература ихъ была уже очень блестящей, такъ какъ пѣсни Гомера и поснынѣ считаются образцами, которыми университетская европейская молодежь осуждена насыщаться въ теченіе многихъ вѣковъ, и тѣмъ не менѣе открытія современной археологіи доказали, что въ эпоху, до которой доходятъ гомеровскія пѣсни, греческая архитектура и скульптура находились въ грубо-варварскомъ состояніи и заключались лишь въ безформенныхъ подражаніяхъ египтянамъ и ассирійцамъ.

Но, главнымъ образомъ, индусы обнаруживаютъ эти неравенства въ развитіи различныхъ элементовъ цивилизаціи. Напр., въ отношеніи архитектуры найдется очень мало народовъ, которые превзошли бы индусовъ; въ отношеніи фило-софіи или умозрѣнія они достигли такой глубины, до которой европейская мысль добралась лишь въ самое послѣднее время. По литературѣ, если они не стѣяютъ грековъ и римлянъ, они дали, однако, изумительныя творенія. Въ дѣлѣ же скульптуры они зато не далеко ушли и стоятъ гораздо ниже грековъ. Въ области наукъ и историческихъ знаній индусы безусловно ничего изъ себя не представляютъ, и у нихъ замѣчается то отсутствіе точности, какого мы не встрѣчаемъ въ столь поразительной степени ни у какого другого народа. Ихъ науки были лишь дѣтскими умозрѣніями, ихъ историческія книги—нелѣпыми легендами, не заключающими въ себѣ никакихъ указаній времени и вѣроятно ни одного точно описаннаго событія. И здѣсь также исключительно изученіе искусствъ оказалось бы недостаточнымъ, чтобы представить масштабъ цивилизаціи этого народа.

Въ подтвержденіе предшествующаго могутъ быть представлены многіе другіе примѣры. Существуютъ расы, которыя, не занимая никогда высшаго положенія, успѣли создать себѣ искусство безусловно личное, безъ видимаго родства съ прежними образцами. Таковы были арабы. Менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе, послѣ того какъ они захватили древній греко-римскій міръ, они преобразовали византійскую архитектуру,

прежде всего ими усвоенную, настолько, что невозможно было обнаружить, какими типами они руководствовались, если бы у насъ предъ глазами не было ряда промежуточныхъ памятниковъ.

Даже тогда, впрочемъ, если бы народъ не обладалъ никакими художественными или литературными задатками, онъ ~~можетъ создать~~ высокую цивилизацію. Таковы были фини-кіяне, которые не обладали никакимъ преимуществомъ кромѣ коммерческой изворотливости. При ихъ посредствѣ цивилизо-вался древній міръ, всѣ части котораго они привели къ вза-имнымъ сношеніямъ. Но сами по себѣ они почти ничего не создали, и исторія ихъ цивилизаціи представляетъ собственно исторію ихъ торговли и торговыхъ сношеній.

Существуютъ, наконецъ, народы, у которыхъ всѣ элементы цивилизаціи остались на низкой степени развитія за исклю-ченіемъ искусства. Таковы были монголы. Памятники, кото-рые они воздвигли въ Индіи и стилъ которыхъ не имѣетъ почти ничего индусскаго, настолько великолѣпны, что нѣко-торыя изъ нихъ компетентные художники считаютъ самыми красивыми памятниками, построенными руками человѣческими. Однако, трудно было бы причислить монголовъ къ высшимъ расамъ.

Нужно кромѣ того замѣтить, что даже у самыхъ цивилизованныхъ народовъ не всегда только въ наивысшей сте-пени расцвѣта ихъ цивилизаціи искусства достигаютъ своего наивысшаго развитія. У египтянъ и индусовъ самыми совершенными памятниками вообще являются самые древніе. Въ Европѣ, въ средніе вѣка, т.-е. въ эпоху, считающуюся полу-варварской, процвѣтало изумительное готическое искусство, замѣчательныя произведенія котораго никогда не имѣли себѣ равныхъ.

Слѣдовательно, совершенно невозможно судить объ уровнѣ цивилизаціи какого-нибудь народа исключительно только на основаніи развитія у него искусствъ. Повторяю: искусства составляютъ лишь одинъ изъ элементовъ цивилизаціи, и во-все не доказано, чтобы этотъ элементъ, не больше, впрочемъ,

нежели и литература, былъ наиболѣе возвышеннымъ. Часто, наоборотъ, народы, стоящіе во главѣ цивилизаціи, какъ, напр., римляне въ древности, американцы, въ наше время являются именно такими народами, у которыхъ произведенія искусства наиболѣе слабы.

Нерѣдко также, какъ мы только-что сказали, случалось, что именно въ полу-варварскія времена народы создавали настоящіе образцы литературы и искусства; въ особенности это относится къ образцамъ художественнымъ. Могло бы казаться даже, что періодъ личнаго элемента въ искусствахъ у какого-нибудь народа является періодомъ расцвѣта, его дѣтства или юности, а не зрѣлаго возраста. И если принять въ соображеніе, что въ заботахъ о полезности, въ погонѣ за пользой и выгодой того новаго міра, заря котораго открывается намъ, роль искусства едва замѣтна, то мы въ состояніи будемъ предусмотрѣть и предсказать, что наступитъ время, когда искусства будутъ поставлены среди проявленій, если не низшихъ, то во всякомъ случаѣ среди проявленій цивилизаціи совершенно второстепенныхъ.

Много причинъ и соображеній противорѣчатъ тому, чтобы искусства въ своей эволюціи слѣдовали бы параллельно успѣхамъ другихъ элементовъ цивилизаціи и могли бы, слѣдовательно, служить признакомъ этого положенія, въ какомъ находится эта цивилизація. Будетъ-ли рѣчь касаться Египта, Греціи или различныхъ народовъ Европы, мы всегда констатируемъ тотъ общій законъ, что какъ только искусство достигнетъ извѣстнаго уровня, т.-е. дастъ лучшіе образцы, тотчасъ же непосредственно за этимъ начинается періодъ упадка въ искусствѣ, совершенно независимый отъ развитія другихъ элементовъ цивилизаціи. Этотъ періодъ, эта фаза упадка искусства существуетъ до тѣхъ поръ, пока революція политическая, или вторженіе непріятеля, или увлеченіе новыми вѣрованіями и идеями, или какой-либо иной факторъ не внесетъ въ искусство новыхъ элементовъ. Такъ, напр., въ средніе вѣка крестовые походы внесли новыя знанія и новыя идеи, которыя оказали на искусство извѣстное вліяніе, дали

ему толчокъ, въ результатъ котораго получилось преобразование романскаго стиля въ стиль стрѣльчатый. Такимъ же образомъ произошло и то, что нѣсколькими вѣками позже возрожденіе греко-римскихъ познаній привело къ преобразованію готическаго стиля. Равнымъ образомъ и въ Индіи вторженіе мусульманъ привело къ преобразованію индійскаго искусства.

Важно отмѣтить также, что, такъ какъ искусства вообще выражаютъ извѣстныя потребности цивилизаціи и соотвѣтствуютъ извѣстнымъ чувствованіямъ, то они вынуждены подвергаться преобразованіямъ, соотвѣтствующимъ этимъ потребностямъ, и даже рискуютъ совсѣмъ исчезнуть, если тѣ потребности и чувства, которыя ихъ создали, сами по себѣ осуждены къ преобразованію или исчезновенію. Изъ этого, однако, вовсе не должно вытекать то, чтобы цивилизація была въ упадкѣ, и здѣсь еще лишній разъ мы убѣждаемся въ ошибкѣ проводить параллель между эволюціей искусства и эволюціей другихъ элементовъ цивилизаціи. Ни въ какую эпоху исторіи цивилизація не стояла такъ высоко, какъ въ настоящее время, и ни въ какую эпоху, можетъ быть, искусство не было такимъ обыденнымъ, безцвѣтнымъ и безличнымъ. Такъ какъ тѣ религіозныя вѣрованія, идеи и потребности, которыя дѣлали изъ искусства существенный элементъ цивилизаціи, въ эпохи, когда святилищами искусства были храмы и дворцы, уже исчезли, то искусство стало какимъ-то добавленіемъ, развлеченіемъ, на которое не стоитъ тратить ни времени, ни денегъ. Не будучи больше крайней необходимостью, оно также можетъ быть лишь подражательнымъ и поддѣльнымъ. Въ настоящее время уже нѣтъ народовъ, у которыхъ существовало бы національное искусство, и каждый, какъ въ архитектурѣ, такъ и въ скульптурѣ, довольствуется болѣе или менѣе удачными копіями исчезнувшихъ эпохъ.

Эти скромныя копіи воспроизводятъ, конечно, потребности или капризы прежнихъ эпохъ, но очевидно, что онѣ не могли бы воспроизвести наши современные идеи. Я преклоняюсь предъ основными произведеніями художниковъ среднихъ вѣ-

ковъ, рисовавшихъ святыхъ, Христа, рай и адъ, словомъ сюжеты вполне основные для того времени, являвшиеся въ то время главной цѣлью существованія. Но когда художники, уже не живущіе этими вѣрованіями, покрываютъ наши стѣны первобытными легендами или дѣтскими символами, пытаются вернуться къ техникѣ прежнихъ эпохъ, они создаютъ лишь жалкія поддѣлки, не представляющія интереса для нашего времени и заслуживающія лишь презрѣніе въ будущемъ.

Единственными, такъ сказать, реальными искусствами являются лишь такія искусства, въ которыхъ художникъ представляетъ то, что онъ чувствуетъ, или то, что онъ видитъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться подражаніями формамъ, соответствующимъ потребностямъ, или убѣжденіямъ, уже для насъ несуществующимъ. Единственной, такъ сказать, искренней или откровенной живописью нашихъ дней является воспроизведеніе окружающаго насъ, единственной архитектурой столь же откровенной нужно считать такую, какъ, напр., постройка пяти-этажнаго дома, моста на аркахъ, вокзала желѣзной дороги. Это чисто утилитарное искусство соответствуетъ идеямъ и потребностямъ нашей цивилизаціи. Оно такъ же характерно для эпохи, какъ въ свое время была характерной церковъ въ готическомъ вкусѣ или феодальный замокъ.

Для археолога будущихъ временъ, большіе современные каравансарай и старинныя готическія церкви представляютъ одинаковый интересъ потому, что они явятся послѣдовательными страницами тѣхъ каменныхъ книгъ, какія оставляетъ за собою каждое столѣтіе, и въ то же время онъ съ пренебреженіемъ отнесется какъ къ бесполезнымъ документамъ къ блѣднымъ и жалкимъ поддѣлкамъ цѣлой серіи новѣйшихъ художниковъ.

Всякая эстетика представляетъ идеалъ данной эпохи и расы, и только однимъ этимъ эпохи и расы отличаются между собою. Идеалъ же долженъ постоянно разнообразиться и мѣняться. Съ философской точки зрѣнія, всѣ идеалы равноцѣнны, такъ какъ они являются только временными, переходящими символами.

Искусство же такъ же, какъ и всѣ другіе элементы цивилизаціи, является вѣчнымъ проявленіемъ души того народа, который его создалъ, но мы должны признать также, что многого еще недостаетъ, чтобы искусство представляло для всѣхъ народовъ самое точное и вѣрное проявленіе ихъ мысли. Доказать это было необходимо, такъ какъ по тому значенію, какое занимаетъ у даннаго народа какой-либо элементъ цивилизаціи, измѣняется та сила преобразованія, какую этотъ народъ прилагаетъ къ тому же элементу, заимствуя его у чуждой для него расы. Если личность или индивидуальность народа выражается, напр., главнымъ образомъ въ искусствахъ, то онъ не сумѣетъ воспроизвести заимствованные имъ у другого народа образцы, не наложивъ на нихъ, такъ сказать, своего личнаго глубокаго отпечатка. И наоборотъ, онъ лишь незамѣтно видоизмѣняетъ тѣ элементы, которые неспособны выразить въ достаточной мѣрѣ духъ народный. Когда римляне переняли архитектуру грековъ, они не произвели въ ней коренныхъ преобразованій, потому что душу свою они вкладывали далеко не въ одни лишь памятники искусства.

И однакожь даже у такого народа, лишеннаго собственной архитектуры, вынужденнаго искать себѣ образцовъ и художниковъ въ чужихъ краяхъ, искусство обязательно въ теченіе немногихъ столѣтій подвергается вліянію среды и становится, почти помимо, такъ сказать, самого себя, выраженіемъ воспринявшей его расы. Храмы, дворцы, триумфальныя арки, барельефы древняго Рима представляютъ произведенія грековъ или учениковъ грековъ, но тѣмъ не менѣе свойство или характеръ этихъ памятниковъ, ихъ предназначеніе, ихъ украшенія и даже размѣры не пробуждаютъ уже въ насъ поэтическихъ и пѣжныхъ воспоминаній о геніи афинянъ, а скорѣе внушаютъ намъ идею силы, господства, воинственнаго духа, который возвышалъ великую душу Рима. Итакъ, даже въ той области, въ которой раса оказывается наименѣе индивидуальной, она не можетъ сдѣлать ни шагу, не оставивъ на этой области какого-нибудь ей одной свойственнаго слѣда, откры-

вающего намъ какую-либо черту его психическаго строенія и его сокровенной мысли.

Дѣйствительно, истинный художникъ, будь онъ архитекторомъ, литераторомъ или поэтомъ, всегда обладаетъ волшебной силой передавать въ своихъ обобщеніяхъ, въ своихъ синтезахъ душу извѣстной эпохи и расы. Художники, крайне впечатлительные, крайне безсознательные, думая преимущественно образами и разсуждая мало, являются, въ извѣстныхъ эпохи, вѣрнымъ отраженіемъ того общества, въ которомъ они живутъ. Ихъ произведенія оказываются самыми точными документами, къ которымъ только можно обращаться, чтобы воспроизвести цивилизацію даннаго періода исторіи. Они слишкомъ безсознательны для того, чтобы быть неискренними, и на ихъ впечатлительность слишкомъ сильно дѣйствуетъ окружающая среда, чтобы они не могли воспроизвести съ величайшей точностью идеи, чувства, потребности и стремленія данной эпохи. Свободы у нихъ нѣтъ, и это-то и придаетъ имъ силу. Они замкнулись въ сѣть преданій, идей и вѣрованій, совокупность которыхъ составляетъ душу расы и эпохи. наслѣдство чувствъ, мыслей и вдохновеній, влияние которыхъ всемогуще дѣйствуетъ на нихъ, потому что оно управляетъ темными областями непознаваемаго, безсознательнаго, въ которыхъ и вырабатываются ихъ произведенія. Если бы, не имѣя этихъ твореній, мы знали бы о прошедшихъ вѣкахъ лишь то, что говорятъ о нихъ нелѣпые рассказы и искусственные сопоставленія историческихъ книгъ, то правдивое прошлое каждаго народа для насъ было бы почти такъ же закрыто, какъ и исторія таинственной Атлантиды, затопленной волнами, о которой говорить Платонъ.

Слѣдовательно, сущность произведенія дѣйствительнаго искусства заключается въ откровенномъ выраженіи потребностей и идей того времени, въ какое онъ родился. Изъ разнообразныхъ способовъ изложенія прошедшаго наиболѣе понятнымъ является языкъ искусства и въ особенности архитектуры. Искусство, будучи болѣе откровеннымъ, чѣмъ книги, и менѣе искусственнымъ, чѣмъ религіи и языки, служитъ одно-

временно для передачи и чувства и потребностей. Архитекторъ является строителемъ жилища человѣка и боговъ. Но вѣдь въ оградѣ храма и у домашняго очага вырабатывались основныя причины тѣхъ событій, которыя составляютъ исторію.

Изъ предыдущаго мы можемъ заключить, что если различные элементы, изъ которыхъ составляется цивилизація, дѣйствительно являются выраженіемъ души народа, который ихъ создалъ, то нѣкоторые изъ этихъ элементовъ, мѣняющіеся смотря по расамъ, а также смотря по эпохамъ, у одной и той же расы выражаютъ лучше, чѣмъ другіе, душу данной расы.

Но такъ какъ природа этихъ элементовъ мѣняется отъ одного народа къ другому, отъ одной эпохи къ другой, то очевидно, что невозможно среди нихъ найти ни одного, которымъ можно было бы пользоваться какъ общей мѣркой для оцѣнки уровня различныхъ цивилизацій.

Очевидно также, что нельзя установить между этими элементами іерархическаго распредѣленія, потому что оно мѣнялось бы изъ вѣка въ вѣкъ, такъ какъ значеніе разбираемыхъ элементовъ само по себѣ также мѣняется соотвѣтственно эпохамъ.

Если бы о значеніи различныхъ элементовъ цивилизацій судили лишь съ точки зрѣнія чистой пользы, то пришлось бы сказать, что самыми важными элементами цивилизацій являются тѣ, которые даютъ возможность какому-либо народу поработать другихъ, т.-е. военныя учрежденія. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы помѣстить грековъ, художниковъ, философовъ и людей образованныхъ ниже тяжелыхъ когортъ Рима, мудрецовъ и ученыхъ Египта — ниже полу-варварскихъ персовъ, индусовъ, ниже также полу-варварскихъ монголовъ.

Такими мудреными подраздѣленіями исторія, однако, вовсе не занимается. Единственное преимущество, передъ которымъ она всегда преклоняется, это преимущество военное, но такое преимущество весьма рѣдко сопровождается соотвѣтственнымъ преимуществомъ въ другихъ элементахъ цивилизацій или по

крайней мѣрѣ не сохраняетъ его надолго связаннымъ съ другими элементами цивилизаціи. Къ несчастью, военное превосходство не можетъ ослабѣть у народа иначе, какъ вызвавъ исчезновение этого народа съ исторической сцены. Обыкновенно всегда случалось такъ, что когда народы высшей расы достигали апогея цивилизаціи, они вынуждены были уступить свое мѣсто варварамъ, гораздо менѣе ихъ развитымъ въ умственномъ отношеніи, но обладающимъ такими качествами характера и такой воинской доблестью, какую развитая цивилизація всегда уничтожала въ людяхъ.

Приходится, такимъ образомъ, придти къ крайне печальному выводу, что элементы цивилизаціи низшаго разбора, съ философской точки зрѣнія, оказываются, съ общественной точки зрѣнія, именно самыми важными элементами. Если бы законы будущаго должны были бы быть такими же, какъ и законы прошлаго, то можно было бы сказать, что вредѣе всего для народа оказывается то, что онъ достигаетъ наивысшей степени умственного развитія и культуры. Народы погибаютъ съ того момента, какъ измѣняются качества характера, составляющія канву ихъ души, а качества эти измѣняются съ того момента, какъ растетъ цивилизація среди этихъ народовъ и ихъ умственное развитіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Какъ преобразуются учрежденія религіи и языки.

Въ одной изъ прежнихъ нашихъ работъ мы показали, что расы высшія находятся въ невозможности, чтобы заставить принять или внушить свою цивилизацію низшимъ расамъ. Перебирая въ отдѣльности самыя сильныя средства для воздѣйствія, какими только обладаютъ европейцы, такіа, напр., какъ воспитаніе, учрежденіе и вѣрованіе, мы доказали безусловную несостоятельность ихъ какъ факторовъ, могущихъ

измѣнить общественное положеніе народовъ низшихъ расъ. Мы пытались установить то положеніе, что всѣ элементы цивилизаціи, соотвѣтствующіе опредѣленной психической конструкции, воплотѣ въясненной, созданной многими вѣками наслѣдственности, не могутъ быть измѣнены, если не будетъ измѣнена та психическая конструкция, изъ которой они обязательно вытекаютъ. Только время, только цѣлыя столѣтія, а не побѣдители даннаго народа, могутъ выполнить подобную задачу. Мы также указали и на то, что только путемъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ, такъ сказать, ступеней, подобныхъ тѣмъ, какія перешагнули варвары, разрушившіе греко-римскую цивилизацію, путемъ лишь такого рода ступеней данный народъ можетъ подняться по лѣстницѣ цивилизаціи.

Если дѣлаются попытки, путемъ воспитанія, устранить или обойти данному народу эти ступени, то этимъ достигаютъ лишь нарушенія организаціи его нравственного и умственного строя и, въ концѣ-концовъ, приводятъ этотъ народъ къ еще болѣе низкому нравственному и умственному уровню, чѣмъ тотъ, котораго онъ самъ достигъ безъ этихъ воздѣйствій.

Та аргументація, какую мы примѣнили къ низшимъ расамъ, въ одинаковой мѣрѣ примѣнима и къ расамъ высшаго порядка. Если принципы, излагаемые въ этомъ трудѣ, точны, то мы должны бы установить также, что и расы высшія тоже не могутъ сразу преобразовать свою цивилизацію. Имъ тоже нужно время и послѣдовательныя ступени. Если иногда и кажется, что народы высшихъ расъ какъ будто восприняли вѣрованія, языки и искусства, совершенно несходныя съ вѣрованіями, языками и искусствами своихъ предковъ, то на самомъ дѣлѣ это произошло лишь послѣ того, какъ они медленно и глубоко все это преобразовывали и такимъ лишь путемъ привели ихъ въ тѣсную связь со своей психической конструкціей.

Исторія, повидимому, противорѣчитъ на каждой своей страницѣ только-что высказанному положенію. Въ ней мы часто встречаемъ факты, указывающіе, какъ народы мѣняютъ эле-

менты своей цивилизации, усваиваютъ себѣ новыя вѣрованія, новыя религіи, новыя языки и новыя учрежденія. Одни народы, напр., отказываются отъ многовѣковыхъ вѣрованій, чтобы обратиться въ христіанъ, буддистовъ или мусульманъ; другіе кореннымъ образомъ видоизмѣняютъ свои учрежденія и искусства. И, читая исторію, намъ кажется, что достаточно какого-нибудь одного завоевателя, апостола, а то и простого каприза, чтобы весьма легко вызвать подобныя преобразованія и превращенія.

Но представляя намъ повѣствованія о такихъ внезапныхъ переворотахъ, исторія лишь выполняетъ одну изъ своихъ обычныхъ задачъ: созданія и распространенія многовѣковыхъ заблужденій. Если же изучить поближе и внимательнѣе эти якобы дѣйствительныя перемѣны и превращенія, то вскорѣ можно убѣдиться въ томъ, что мѣняются лишь названія вещей, тогда какъ реальности, скрывающіяся за названіями, продолжаютъ существовать и преобразовываются лишь съ крайней медленностью.

Чтобы это доказать и чтобы въ то же время обнаружить, какъ за подобными ярлыками скрывается и выполняется медленная эволюція явленій, слѣдовало бы изучить элементы каждой цивилизаціи у разныхъ народовъ, т.-е. передѣлать заново ихъ исторію. Во многихъ своихъ работахъ я уже пытался разрѣшить эту трудную задачу и потому не стану здѣсь повторяться. Оставляя въ сторонѣ тѣ многочисленные элементы, изъ которыхъ формируется цивилизація, я выберу для примѣра одинъ изъ нихъ, а именно искусство.

Прежде чѣмъ приступить въ спеціальной главѣ къ изученію той эволюціи, какую выполняетъ искусство, переходя отъ одного народа къ другому, я скажу нѣсколько словъ о тѣхъ перемѣнахъ, какія претерпѣваютъ и другіе элементы цивилизаціи съ тѣмъ, чтобы показать, что законы, примѣнимые къ одному изъ этихъ элементовъ, вполне примѣнимы и ко всѣмъ остальнымъ, и что если искусство народовъ находится въ связи съ ихъ психическимъ строемъ, то языки, учрежденія, вѣрованія и пр. находятся въ такой же связи

съ психикой народовъ, а слѣдовательно не могутъ внезапно мѣняться и переходить безразлично отъ одного народа къ другому *).

Теорія эта можетъ показаться парадоксальной, особенно по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ, а между тѣмъ именно въ исторіи этихъ вѣрованій и можно найти лучшіе примѣры, доказывающіе, что народу такъ же невозможно сразу измѣнить элементы его цивилизаціи, какъ отдѣльному лицу—свой ростъ или цвѣтъ своихъ глазъ.

Безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстно, что всѣ великія религіи: браманство, буддизмъ, христіанство и исламизмъ, произвели массовыя обращенія цѣлыхъ расъ, которыя восприняли ихъ, повидимому, сразу. Но если проникнуть глубже въ изученіе этихъ обращеній, то вскорѣ обнаруживается, что то именно, что главнымъ образомъ мѣняли эти народы, это названіе ихъ прежней религіи, а не самую религію, что въ дѣйствительности принятая вѣрованія претерпѣли лишь необходимыя преобразованія, чтобы войти въ связь съ тѣми старыми вѣрованіями, какія они замѣнили и которыхъ они на самомъ дѣлѣ явились лишь простымъ продолженіемъ.

Преобразованія, какимъ подвергались вѣрованія, переходя отъ одного народа къ другому, являются зачастую даже столь значительными, что вновь принятая религія не имѣетъ никакого видимаго родства съ той религіей, названіе которой она за собой сохраняетъ. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи намъ представляетъ буддизмъ, который, послѣ того какъ онъ былъ перенесенъ въ Китай и Японію, сталъ въ этихъ странахъ до того неузнаваемъ, что даже ученые приняли его сначала за независимую религію и потратили очень много времени на то, чтобы наконецъ признать, что

*) Я не буду разсматривать здѣсь всего относящагося къ Японіи, изученію которой я посвящаю другой трудъ. Невозможно было бы на нѣсколькихъ страницахъ разсмотрѣть вопросъ, относительно котораго выдающіеся государственные дѣятели, руководимые мало-освѣдомленными философами, впали въ столь жестокое заблужденіе.

эта религія есть просто буддизмъ, преобразованный той расой, какая его восприняла. Буддизмъ китайскій вовсе не есть буддизмъ Индіи, также очень отличный отъ буддизма Непала, въ свою очередь не похожаго на буддизмъ Цейлона. Въ Индіи буддизмъ былъ лишь расколомъ браманства, которое ему предшествовало и отъ котораго въ основѣ онъ отличается весьма мало. Въ Китаѣ буддизмъ также явился расколомъ прежнихъ вѣрованій, съ которыми онъ тѣсно связанъ.

То, что въ точности доказано для буддизма, не менѣе доказано и для браманства. Такъ какъ расы Индіи были крайне различны, то легко было предвидѣть, что подъ одинаковыми тождественными названіями они должны были имѣть крайне различныя вѣрованія. Безъ сомнѣнія, всѣ браманскіе народы почитаютъ Вишну и Сива своими главными божествами, а Веды—своими священными книгами. Но эти основныя божества оставили въ религіи лишь свои имена, а отъ священныхъ книгъ сохранился ихъ текстъ. На ряду съ ними образовались безчисленные культы, въ которыхъ открываютъ, смотря по расамъ, самыя разнообразныя вѣрованія: монотеизмъ, политеизмъ, фетишизмъ, пантеизмъ, поклоненіе предкамъ, демонамъ, животнымъ и пр. Если судить о культахъ Индіи лишь по тому, что о нихъ гласятъ Веды, то нельзя себѣ составить и слабаго представленія о тѣхъ божествахъ и вѣрованіяхъ, какія господствуютъ на громадномъ полуостровѣ. Титулъ священныхъ книгъ почитается всѣми браманами, но отъ религіи, которой учили эти книги, обыкновенно ничего не остается.

Даже исламизмъ, несмотря на простоту своего едипо-божія, не избѣгъ этого закона: есть разница между исламизмомъ Персіи, Аравіи и Индіи. Индія, страна по преимуществу многобожія, нашла возможнымъ сдѣлать политеизмъ самымъ монотеистическимъ вѣрованіемъ. Для 50 милліоновъ индусскихъ мусульманъ Магометъ и святыя ислама являются лишь новыми богами въ дополненіе къ тысячамъ другихъ. Магометанству не удалось даже установить въ Индіи того равенства всѣхъ людей, которое, впрочемъ, и было причиной его

успѣха; мусульмане Индіи, какъ и другіе индусы, практикуютъ систему кастъ. Въ Деканѣ, среди дравидійскихъ племенъ, магометанство стало настолько незнаваемымъ, что его нельзя совсѣмъ отличить отъ браманства; оно даже совсѣмъ не отличалось бы отъ него, если бы не было имени Магомета и мечети, въ которой пророку, ставшему богомъ, воздаются божескія почести.

Нѣтъ надобности забираться въ Индію, чтобы видѣть тѣ глубокія измѣненія, которымъ подверглось магометанство (или исламизмъ) переходя, отъ одной расы къ другой. Достаточно взглянуть на большую французскую колонію Алжиръ. Последній содержитъ двѣ весьма различныя расы: арабовъ и берберовъ, обѣ мусульманскія. А между тѣмъ отъ исламизма первыхъ да исламизма вторыхъ большое разстояніе. Многоженство корана превратилось въ одноженство у берберовъ, религія которыхъ представляетъ лишь сліяніе магометанства со старымъ язычествомъ, которое они исповѣдывали съ незапамятныхъ временъ господства Кароагена.

Даже религіи Европы не исключены изъ общаго закона преобразованія, смотря по расамъ, которыя ихъ исповѣдуютъ. Какъ и въ Индіи, буква догматовъ, закрѣпленная текстомъ, осталась неизмѣнной, но эти догматы являются пустыми формулами, которыхъ смыслъ каждая раса объясняетъ по-своему. Подъ однообразной кличкой христіанъ въ Европѣ мы встречаемъ настоящихъ язычниковъ, какъ, напр., бретонца, молящагося идоламъ, фетишистовъ такихъ, какъ, напр., испанецъ, который боготворитъ амулеты, какъ итальянецъ, который почитаетъ за различныя божества Мадоннъ всякой деревни.

Продолжая изученіе вопроса еще далѣе, легко показать, что великій религіозный расколъ временъ реформациі былъ необходимымъ послѣдствіемъ толкованія одной и той же книги Священнаго Писанія различными расами, такъ какъ расы съ вера вздумали сами обсуждать свое вѣрованіе и регулировать свою жизнь, а южныя расы въ этомъ отношеніи значительно отстали, именно въ отношеніи независимости и фило-

софскаго духа. Это одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ.

Но это такого рода факты, дальнѣйшее развитіе которыхъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. А потому перейдемъ скорѣе къ двумъ другимъ основнымъ элементамъ цивилизаціи: къ учрежденіямъ и языкамъ потому, что иначе пришлось бы вдаваться въ техническія подробности, которыя значительно бы перешли за рамки настоящаго труда. Что вѣрно для вѣрованій, то одинаково вѣрно и по отношенію къ учрежденіямъ. Послѣднія также не могутъ переходить отъ одного народа къ другому, не подвергаясь преобразованіямъ. Не желая слишкомъ увеличивать число примѣровъ, я прошу читателя только принять въ соображеніе, сколько, въ новѣйшее время, одинаковыхъ учрежденій, внутреннихъ силой или убѣжденіемъ, преобразовывается, смотря по расамъ, сохраняя, однако, тождественныя названія. Я укажу на это въ ближайшей главѣ по поводу различныхъ областей Америки.

Учрежденія на самомъ дѣлѣ являются послѣдствіемъ тѣхъ нуждъ, на которыя воля одного поколѣнія людей не могла бы оказывать вліянія. Для каждой расы и для каждой фазы эволюціи этой расы имѣются условія существованія, чувства, мысли, мнѣнія и наслѣдственные вліянія, которыя включаютъ одни учрежденія и не включаютъ другія. Правительственные ярлыки имѣютъ крайне мало важное значеніе. Никогда не предоставлялось народу выбирать тѣ учрежденія, какія онъ считалъ лучшими. Если бы по какому-либо крайне рѣдкому случаю ему представилась возможность избрать такія учрежденія, то онъ не сумѣлъ бы ихъ сохранить. Многочисленныя революціи, послѣдовательныя смѣны конституцій, которымъ мы поддаемся въ теченіе цѣлаго столѣтія, являются для насъ тѣмъ опытомъ, который давно долженъ былъ бы направить вниманіе государственныхъ дѣятелей на этотъ пунктъ. Я думаю, впрочемъ, что развѣ только въ тупомъ мозгу массъ или въ узкомъ міровоззрѣніи нѣкоторыхъ фанатиковъ можетъ еще сохраниться нелѣпая идея, что перемены общественнаго строя производятся однимъ почеркомъ ука-

зовъ. Единственная полезная роль учреждений заключается въ томъ, что они даютъ законную санкцію тѣмъ переменамъ, которыя допускаются установившимися нравами и взглядами. Они, такъ сказать, слѣдуютъ за этими переменами, но не предшествуютъ имъ. Характеръ и мысль людей измѣняются не путемъ учреждений. Не помощью учреждений дѣлаютъ народъ религіознымъ или невѣрующимъ, не помощью ихъ научаютъ народъ, какъ онъ долженъ вести себя, не требуя отъ правительства, чтобы оно выковывало для него цѣпи.

Я не больше буду говорить объ языкахъ, чѣмъ объ учрежденіяхъ, и ограничусь напоминаніемъ, что, даже когда языкъ уже сталъ письменнымъ, при переходѣ отъ одного народа къ другому онъ обязательно преобразуется, и уже въ силу этого идея о всемірномъ языкѣ является нелѣпостью. Несомнѣнно, что, менѣе чѣмъ черезъ два столѣтія послѣ завоеванія, галлы, несмотря на громадное преобладаніе ихъ численности, усвоили себѣ латинскій языкъ. Но этотъ латинскій языкъ народъ векорѣ преобразовалъ согласно своимъ нуждамъ и особой логикѣ своего ума. Конечнымъ результатомъ этихъ преобразованій явился французскій языкъ.

Различныя расы въ теченіе долгаго времени не сумѣли бы говорить однимъ языкомъ. Случайность завоеваній, интересы торговли могутъ, конечно, заставить народъ усвоить себѣ другой языкъ кромѣ своего родного, но уже черезъ незначительное число поколѣній усвоенный языкъ окажется совершенно преобразованнымъ. Преобразование это будетъ тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ больше та раса, отъ которой заимствованъ языкъ, будетъ отличаться отъ расы заимствовавшей.

Всегда можно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ странѣ, въ которой имѣются различныя расы, можно встрѣтить и разные языки. Въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ представляетъ Индія. Такъ какъ этотъ громадный полуостровъ населенъ многочисленными и различными расами, то не удивительно, что ученые насчитываютъ на немъ 240 языковъ; нѣкоторые изъ нихъ разнятся между собою больше, чѣмъ

греческій языкъ отъ французскаго, — 240 языковъ, не говоря уже о почти 300 ихъ нарѣчіяхъ! Среди этихъ языковъ самымъ распространеннымъ является самый новѣйшій, такъ какъ онъ существуетъ менѣе 3 вѣковъ. Это языкъ Индостана, образумый соединеніемъ персидскаго и арабскаго, которымъ говорили мусульманскіе завоеватели, съ инди, однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ въ покоренныхъ областяхъ. Завоеватели и завоеванные вскорѣ забыли свой первобытный языкъ, чтобы говорить языкомъ новымъ, приспособленнымъ къ потребностямъ новой расы, произведенной скрещеніемъ различныхъ существующихъ тамъ народовъ.

Я не буду больше останавливаться на этомъ вопросѣ и вынужденъ ограничиться лишь указаніемъ основныхъ идей. Если бы я могъ войти въ необходимыя разъясненія, то пошелъ бы дальше и сказалъ бы, что когда народы различны, то слова, считающіяся у нихъ какъ бы соответствующими по значенію, представляютъ способы мышленія и чувствованія настолько отдаленные, что въ дѣйствительности языкъ ихъ не имѣетъ синонимовъ, и настоящій переводъ съ одного языка на другой является невозможнымъ. Это становится понятнымъ, когда мы видимъ, что на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, въ одной и той же странѣ, въ той же расѣ, одно и то же слово соответствуетъ совершенно неодинаковымъ понятіямъ.

То, что представляютъ собою древнія слова, это понятія людей прежняго времени. Тѣ слова, которыя въ началѣ были знаками дѣйствительныхъ вещей, вскорѣ преобразовали смыслъ свой вслѣдствіе измѣненій понятій, нравовъ и обычаевъ. Обсужденіе значенія этихъ знаковъ продолжается, — знаковъ, которые было бы слишкомъ трудно измѣнить, но уже не существуетъ никакого соответствія между тѣмъ, что они представляли въ данный моментъ, и тѣмъ, что они означаютъ въ настоящее время. Когда рѣчь идетъ о народахъ, очень отдаленныхъ отъ насъ, принадлежавшихъ къ цивилизаціямъ, несходнымъ съ нашими, то переводы могутъ дать лишь слова,

безусловно лишенные ихъ истиннаго первоначальнаго смысла, т.-е. пробуждающія въ нашемъ умѣ идеи, не имѣющія никакого родства съ тѣми идеями, какія они нѣкогда вызывали. Это явленіе поразительно особенно для старинныхъ языковъ Индіи. У этого народа съ неустойчивыми идеями, логика котораго не представляетъ никакого родства съ нашей, слова никогда не имѣли того точнаго и опредѣленнаго смысла, который въ книгѣ и умственнымъ развитіемъ данъ былъ словамъ европейскихъ языковъ.

Существуютъ книги, какъ, напр., Веды, переводъ которыхъ, тщетно испробованный, оказывается невозможнымъ *). Даже проникнуть въ мысль тѣхъ индивидуумовъ, съ которыми мы живемъ, но отъ которыхъ насъ отдѣляютъ извѣстныя различія возраста, пола и воспитанія, и то уже оказывается весьма затруднительнымъ, проникнуть же въ мысль расъ, на которыхъ тяготѣетъ пыль вѣковъ, — это такая задача, разрѣшить которую никогда не удастся ни одному ученому. Всякое знаніе, какое только можно приобрѣсти въ этомъ направленіи, послужитъ лишь доказательствомъ явной безполезности подобныхъ попытокъ.

Какъ бы ни были кратки и неразработаны вышеприведенные примѣры, ихъ достаточно, чтобы показать, какъ глубоко тѣ преобразованія, какимъ народы подвергаются заимствуемые ими элементы цивилизаціи. Заимствованіе нерѣдко кажется значительнымъ, потому что названія, на самомъ дѣлѣ, смѣняются быстро и внезапно, но въ дѣйствительности это заимствованіе крайне ничтожно. Съ теченіемъ вѣковъ, благодаря медленной работѣ поколѣній и вслѣдствіе послѣдовательныхъ дополненій, заимствованный элементъ въ концѣ концовъ много отличается отъ того элемента, какой онъ замѣ-

*) Говоря о многочисленныхъ попыткахъ перевода Ведъ, выдающихся знатоковъ индійскихъ языковъ Бартъ добавляетъ: „Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ изысканій, нерѣдко противорѣчивыхъ, вытекаетъ только одинъ результатъ, а именно — наше безсиліе въ дѣлѣ перевода этихъ документовъ въ точномъ смыслѣ словъ“.

стиль съ самаго начала. Этихъ послѣдовательныхъ колебаній исторія, главнымъ образомъ имѣющая въ виду внѣшность, со-всѣмъ не принимаетъ въ расчетъ, и если исторія говоритъ намъ, что такой-то народъ принялъ новую религію, что мы себѣ тотчасъ же представляемъ, то это вовсе не тѣ вѣрова-нія, какія въ дѣйствительности были восприняты данными народами, а именно та религія, какую мы знаемъ въ настоя-щее время у этого народа. Нужно проникнуть въ глубокое сокровенное изученіе всѣхъ этихъ медленныхъ приспособле-ній, чтобы вполне усвоить себѣ способъ ихъ происхожденія и уяснить себѣ точно всѣ различія, которые отдѣляютъ слова отъ ихъ сущностей.

Исторія цивилизацій составляется, такимъ образомъ, изъ медленныхъ приспособленій, изъ мелкихъ послѣдовательныхъ преобразованій. Если послѣднія намъ кажутся внезапными и значительными, то это потому, что, какъ въ геологіи, мы исключаемъ промежуточные фазы, чтобы имѣть передъ гла-зами лишь фазы конечныя.

На самомъ дѣлѣ какимъ бы развитымъ и одареннымъ мы ни считали какой-либо народъ, но его способность усвоенія какого-либо новаго элемента цивилизаціи всегда является весьма ограниченной.

Мозговые клѣтки не усваиваютъ въ одинъ день того, на созданіе чего потребовались цѣлые вѣка и что является при-способленнымъ къ чувствамъ и потребностямъ различныхъ организмовъ. Только медленные наслѣдственные накопленія допускаютъ подобныя усвоенія. Когда мы станемъ впослѣд-ствіи изучать эволюцію искусства у самаго интеллигентнаго изъ народовъ древности, у грековъ, то мы увидимъ, что этому народу понадобилось много вѣковъ, чтобы отдѣлаться отъ грубыхъ копій образцовъ Ассиріи и Египта и дойти путемъ послѣдовательныхъ усовершенствованій до тѣхъ образцовъ искусства, какими человечество восхищается и понынѣ.

И, однако, всѣ народы, появлявшіеся послѣдовательно въ исторіи, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ очень древнихъ, каковыми являются египтяне и халдеи, — могли бы себѣ усво-

ить элементы цивилизаціи, составляющіе наслѣдство прошлаго, преобразуя ихъ соотвѣтственно своему умственному развитію. Развѣтіе цивилизацій было бы безконечно болѣе медленнымъ, и исторія различныхъ народовъ представляла бы изъ себя лишь вѣчное „сначала“, если бы эти народы не воспользо-вались раньше ихъ выработанными матеріалами. Цивилизаціи, созданныя 7 или 8 тысячъ лѣтъ тому назадъ жителями Египта и Халдеи, образовали источникъ матеріаловъ, изъ котораго поочередно черпали всѣ націи. Греческія искусства народились изъ искусствъ, созданныхъ на берегахъ Тигра и Нила. Изъ греческаго стиля возникъ римскій стиль, который, смѣшавшись съ восточными вліяніями, породилъ послѣдова-тельно стили: византійскій, романскій и готическій, стили, мѣняющіеся соотвѣтственно духу и росту народовъ, которые ихъ дали, но стили, во всякомъ случаѣ имѣющіе общее про-исхожденіе.

То, что мы сказали объ искусствахъ, примѣнимо ко всѣмъ элементамъ цивилизаціи, т.-е. къ учрежденіямъ, языкамъ и вѣрованіямъ. Европейскіе языки происходятъ отъ одного языка, которымъ когда-то говорили на центральномъ плоскогорьи Азіи. Право, по французскимъ законамъ, является наслѣдствомъ римскаго права, а послѣднее — права предше-ствовавшихъ народовъ. Іудейская религія происходитъ непо-средственно изъ вѣрованій халдейскихъ. Присоединясь къ арійскимъ вѣрованіямъ, она стала великой религіей, управ-ляющей народами Запада почти въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Наши научныя знанія даже не были бы тѣмъ, что они теперь представляютъ, если бы имъ не предшествовалъ медленный трудъ цѣлыхъ столѣтій. Великіе основатели современной астро-номіи — Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ — связаны съ Птоломе-емъ, книги котораго служили руководствомъ до XV вѣка, а Птоломей связанъ съ александрійской школой, съ египтянами и халдеями. Мы видимъ, такимъ образомъ, несмотря на гро-мадные пробѣлы, которыми полна исторія цивилизаціи, мед-ленную эволюцію нашихъ знаній, которая переноситъ насъ черезъ столѣтія и государства къ самому возникновенію и

зарожденію тѣхъ древнихъ цивилизацій, которыя современная наука пытается связать съ первобытными доисторическими временами. Но если источникъ общій, то преобразования—прогрессивныя или регрессивныя, которыми каждый народъ сообразно своему умственному развитію подвергаетъ заимствованные элементы, весьма разнообразны, и именно исторія этихъ преобразованій и составляетъ исторію цивилизацій.

Мы уже установили, что тѣ основные элементы, изъ которыхъ составляется цивилизація индивидуальная для каждаго народа, что они являются результатомъ, даже выраженіемъ опредѣленнаго умственного склада и не могутъ, слѣдовательно, передаваться отъ одной расы къ другой, не подвергаясь глубокому измѣненію. Мы видимъ также, что то, что маскируетъ объемъ этихъ измѣненій, это, съ одной стороны, требованія лингвистическія, заставляющія насъ обозначать тождественными словами понятія весьма различныя, а съ другой — требованія историческія, приводящія къ разсмотрѣнію только конечныхъ формъ, не принимая въ соображеніе связывающихъ ихъ переходныхъ формъ. Изучая въ слѣдующей главѣ общіе законы эволюціи искусствъ, мы будемъ въ состояніи указать съ еще большей точностью на послѣдовательность перемѣнъ, происходящихъ въ основныхъ элементахъ цивилизаціи при переходѣ ихъ отъ одного народа къ другому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ преобразуются искусства.

Исслѣдуя отношенія, связывающія умственный строй народа съ его учрежденіями, вѣрованіями и языкомъ, я долженъ былъ ограничиться краткими указаніями. Чтобы выяснитъ вполне эти вопросы, пришлось бы написать цѣлыя томы.

Что касается искусства, то здѣсь ясное и точное изложеніе вопроса несравненно легче. Учрежденія или вѣрованія—это предметы, опредѣленіе которыхъ сомнительно, объясненіе темно. Приходится разыскивать сущности, мѣняющіяся въ каждую эпоху, сущности, которыя скрываются за мертвой буквой, нужно отдаться цѣлому сложному труду, аргументаціи и критики, чтобы придти къ выводамъ, въ концѣ концовъ все-таки подлежащимъ оспариванію и вызывающимъ возраженія.

Произведенія же искусства, въ особенности памятники, наоборотъ, оказываются предметами исполнѣ опредѣленными, легко поддающимися объясненію. Каменные книги, если можно такъ выразиться, являются самыми понятными книгами; онѣ однѣ никогда не лгутъ, и по этой причинѣ я и отвелъ имъ преобладающее мѣсто въ моихъ работахъ по исторіи цивилизацій Востока. Я всегда относился съ величайшимъ недоверіемъ къ документамъ литературнымъ. Они часто вводятъ въ заблужденіе и рѣдко чему-нибудь научаютъ. Памятникъ же не обманываетъ и всегда чему-нибудь научаетъ. Памятникъ лучше всего хранить мысль исчезнувшихъ народовъ, и приходится лишь сожалѣть объ умственной слѣпотѣ тѣхъ спеціалистовъ, которые въ памятникахъ ищутъ только надписей.

Изучимъ же теперь, какимъ образомъ искусства являются выраженіемъ умственного строя народа и какъ они преобразуютъ переходъ изъ одной цивилизаціи въ другую.

Въ этомъ обзорѣ я займусь лишь искусствами восточными. Происхожденіе (генезъ) и преобразование искусствъ европейскихъ подчинялись такимъ же тождественнымъ законамъ, но чтобы показать ихъ эволюцію у различныхъ расъ, пришлось бы вдаваться въ подробности, которыя не умѣстились бы въ крайне ограниченныхъ рамкахъ настоящаго нашего труда.

Разберемъ сначала искусства Египта и посмотримъ, чѣмъ они стали когда-то, переходя послѣдовательно къ весьма различнымъ расамъ: къ неграмъ Эіоііи, къ грекамъ и персамъ.

Изъ всѣхъ цивилизацій, какія процвѣтали на поверхности земного шара, цивилизація Египта выразилась полнѣе всего въ искусствахъ. Она выразилась въ нихъ съ такой

мощью и ясностью, что художественные типы, народившіеся на берегахъ Нила, могли согласоваться лишь съ этой цивилизаціей и были, такъ сказать, приспособлены другими народами только послѣ того, какъ подверглись значительнымъ преобразованіямъ.

Египетскія искусства, въ особенности архитектура, произошли изъ особаго идеала, который въ теченіе 50-ти вѣковъ былъ предметомъ постоянной заботы цѣлаго народа. Египетъ мечталъ о томъ, чтобы создать человѣку неразрушимое, неунчтожимое жилище въ виду недолговѣчности его существованія. Эта раса, въ противоположность другимъ расамъ, презирала жизнь и угождала смерти. Прежде всего эту расу интересовала инертная мумія, которая своими эмалевыми глазами, вставленными въ золотую маску, созерцала бы вѣчно, изъ глубины своего мрачнаго жилища, таинственные іероглифы. Защищенная отъ всякаго оскверненія и пошлости въ своемъ могильномъ жилищѣ, обширномъ какъ дворецъ, эта мумія находила нарисованнымъ и выгравированнымъ на стѣнахъ безконечныхъ корридоровъ все то, что ее очаровывало во время ея краткаго земного бытія.

Архитектура египетская является по преимуществу архитектурой погребальной и религіозной, имѣющей болѣе или менѣе своей задачей мумію или боговъ. Для нихъ лишь прорывались подземелья, воздвигались обелиски, порталы и пирамиды, для нихъ же ставились задумчивые колоссы на каменномъ тронѣ, съ жестомъ, выражавшимъ столько спокойствія и величія.

Все въ этой архитектурѣ устойчиво и массивно, такъ какъ она намѣревалась быть вѣчной. Если бы египтяне были единственнымъ народомъ древности, который намъ только извѣстенъ, то мы могли бы, въ самомъ дѣлѣ, прямо сказать, что искусство есть самое вѣрное выраженіе души той расы, которая его создала.

Народы, очень различные между собою: эіюпы, представляющіе низшую расу, греки и персы—расы высшія—занимствовали свои искусства либо у Египта, либо у Ассиріи.

Посмотримъ, что случилось съ этимъ искусствомъ въ рукахъ этихъ народовъ.

Возьмемъ сначала изъ перечисленныхъ нами народъ самой низшей расы—эіюповъ.

Извѣстно, что въ очень позднюю эпоху египетской исторіи (24 династія) народы Судана, пользуясь анархіей и упадкомъ Египта, завладѣли нѣкоторыми изъ его провинцій и основали королевство, столицами котораго послѣдовательно были Напата и Мэроз. Королевство это сохранило свою независимость въ теченіе многихъ столѣтій. Ослѣпленные цивилизаціей побѣжденныхъ ими египтянъ, они вздумали копировать ихъ памятники и другія произведенія искусства, но эти копіи, образчиками которыхъ мы обладаемъ, въ большинствѣ случаевъ являются лишь грубыми намеками на египетское искусство. Негры эти были варварами, и ихъ умственное убожество осуждало ихъ къ тому, чтобы они никогда не выходили изъ состоянія варварства, такъ что, несмотря на цивилизующее вліяніе египтянъ, длившееся вѣками, они, въ сущности, все же остались варварами. Въ исторіи, какъ древней, такъ и новой, еще не бывало примѣра, чтобы какой-нибудь негритянской народъ возвысился до нѣкоторой степени цивилизаціи, и всякій разъ, какъ только вслѣдствіе какой-нибудь случайности, вродѣ той, которая произошла въ древности въ Эіюпін, а въ наше время въ Ганти, всякій разъ, словомъ, какъ только цивилизація попадала въ руки негритянской расы, цивилизація эта быстро сводилась къ самымъ низшимъ и жалкимъ проявленіямъ.

Подъ совершенно иной широтой другая раса, въ то время также варварская, хотя и бѣлая, а именно греки, заимствовала у Египта и Ассиріи первые образцы ихъ искусствъ и ограничилась въ началѣ также лишь безформенными копіями. Произведенія искусствъ этихъ двухъ великихъ цивилизацій (египетской и ассирійской) были доставлены грекамъ финніями, господствовавшими въ то время надъ морскими путями, связывавшими между собою берега Средиземнаго моря,

а также господствовавшими через посредство народов Малой Азии и над сухопутными сообщениями, ведущими въ Вавилонъ и Вавилонъ.

Всѣмъ извѣстно, насколько греки въ послѣдствіи ушли дальше своихъ образцовъ. Но открытія новѣйшей археологіи доказали также, насколько грубы были ихъ первыя начинанія и сколько столѣтій имъ понадобилось, чтобы достигнуть умѣнья создавать тѣ произведенія искусства, которыми сдѣлали ихъ бессмертными. Но эту трудную задачу созданія индивидуальнаго и высшаго искусства при помощи искусства заимствованнаго греки потратили около семисотъ лѣтъ. Но успѣхи, достигнутые въ послѣднее изъ этихъ столѣтій, оказались болѣе значительными, чѣмъ во всѣ предшествовавшія столѣтія. Труднѣе всего для народовъ перешагнуть не высшія ступени цивилизаціи, а низшія. Самыя древнія произведенія греческаго искусства, произведенія сокровищницы въ Микенахъ, въ XII вѣкѣ до нашей эры, указываютъ лишь на совершенно варварскія попытки, на грубыя копія восточныхъ предметовъ. Шесть вѣковъ спустя искусство еще остается восточнымъ. Аполлонъ изъ Тенеа, Аполлонъ изъ Орхомена обнаруживаютъ странное сходство съ египетскими статуями, но успѣхи становятся весьма быстрыми, и столѣтіемъ позже мы уже доходимъ до Фидіа и до чудесныхъ статуй Пароенона, то-есть до искусства, освободившагося отъ своихъ восточныхъ началъ и значительно превосходящаго тѣ образцы, которыми оно вдохновлялось въ теченіе столь долгаго времени.

То же было и съ архитектурой, хотя ступени ея эволюціи было менѣе легко установить. Мы не знаемъ, чѣмъ могли быть дворцы гомеровыхъ поэмъ къ IX вѣку до нашей эры, но мѣдныя стѣны, крыши, блестящія красками, золотые и серебряные звѣри, охранявшіе ворота, о которыхъ намъ говоритъ поэтъ, заставляютъ тотчасъ думать объ ассирійскихъ дворцахъ, покрытыхъ бронзовыми пластинками, эмалированными кирпичами и охраняемыхъ скульптурными быками. Мы знаемъ во всякомъ случаѣ, что типъ самыхъ старинныхъ дорійскихъ колоннъ греческаго искусства, которыя, повидимому,

доходить до VII вѣка, попадаетъ въ Египтъ, въ Карнакъ и Бени-Гасанъ, что въ іонійской колоннѣ находится многія части, заимствованныя у Ассиріи, но мы знаемъ также, что изъ этихъ чуждыхъ элементовъ, нѣсколько накладываемыхъ вначалѣ, а затѣмъ соединяемыхъ и, наконецъ, преобразуемыхъ, народились новыя колонны, весьма отличныя отъ своихъ первоначальныхъ образцовъ.

Въ другомъ концѣ древняго міра Персія представляетъ намъ подобное же перениманіе и эволюцію, но эволюцію, которая не могла дойти до своего окончательнаго пункта, потому что она была внезапно задержана постороннимъ завоеваніемъ. У Персіи не было семи столѣтій, какъ у Греціи, а только всего двѣсти лѣтъ на созданіе своего искусства. Единственнымъ народомъ, которому удалось создать индивидуальное искусство въ столь же короткій срокъ, являются арабы.

Исторія персидской цивилизаціи начинается лишь со времени Кира и его пресмниковъ, которымъ удалось за пять вѣковъ до нашей эры завладѣть Вавилономъ и Египтомъ, т.-е. двумя большими центрами цивилизаціи, слава которыхъ тогда сіяла во всемъ восточномъ мірѣ. Грековъ, которые тогда сіяли во всемъ восточномъ мірѣ. Грековъ, которые должны были господствовать въ свою очередь, тогда вовсе не считали великимъ народомъ. Персидская имперія была центромъ цивилизаціи до тѣхъ поръ, пока за три вѣка до нашей эры она не была завоевана Александромъ Македонскимъ, который однимъ ударомъ перемѣстилъ центръ цивилизаціи міра.

Персы, не обладая никакимъ искусствомъ, послѣ завоеванія ими Египта и Вавилона, заимствовали у этихъ странъ художниковъ и образцы. Такъ какъ ихъ могущество длилось только 200 лѣтъ, то у нихъ не хватило времени глубоко преобразовать искусство, но когда они были покорены, они принялись за ихъ преобразование. Развалины Персеполя, еще уцѣлѣвшія, говорятъ намъ о происхожденіи этихъ преобразованій. Мы находимъ въ нихъ, конечно, соединеніе или, скорѣе, дополненіе искусствъ Египта и Ассиріи, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми греческими элементами; но элементы новыя, а

именно высокая персепольская колонна съ двуглавыми капителями, показывают уже и дают поводъ предвидѣть, что если бы промежутокъ времени у персовъ былъ продолжительный, то эта высшая раса создала бы у себя такое же индивидуальное искусство, если не болѣе высокой пробы, какое мы видѣли у грековъ.

Мы находимъ доказательство этому, когда встрѣчаемся съ памятниками Персін спустя десятокъ столѣтій. Династія Ахеменидовъ, свергнутой Александромъ, наслѣдовала династія Селевкидовъ, затѣмъ—Арсакидовъ и наконецъ—Сассанидовъ, свергнутыхъ въ VII-мъ вѣкѣ арабами. При нихъ Персія пріобрѣтаетъ новую архитектуру, и когда она сооружаетъ новые памятники, то они несутъ отпечатокъ неоспоримой оригинальности, являющейся результатомъ комбинаціи арабскаго искусства съ древней архитектурой Ахеменидовъ, видоизмѣненной ея сочетаніемъ съ эллинскимъ искусствомъ Арсакидовъ (гигантскіе портреты, занимающіе всю высоту фасада, эмалированные кирпичи, стрѣльчатые своды и пр.). Это и было то новое искусство, которое монголы должны были перенести въ Индію, въ свою очередь видоизмѣнивъ его.

Въ предшествовавшихъ примѣрахъ мы находимъ тѣ различныя степени преобразованій, какимъ народъ можетъ подвергать искусство другого народа, смотря по расѣ и тому количеству времени, какое онъ могъ посвятить подобному преобразованію.

У низшей расы, у эоіоповъ, имѣвшей, однако, въ своемъ распоряженіи цѣлыя вѣка, но обладающей крайне слабымъ умственнымъ развитіемъ, мы уже видимъ, что искусство заимствованное было сведено эоіопами къ низшимъ формамъ. У расы же высшаго происхожденія, имѣющей въ своемъ распоряженіи столѣтія, у грековъ, мы констатировали полное преобразование древняго искусства въ искусство новое, гораздо болѣе возвышенное. У другой расы, менѣе развитой умственно, чѣмъ греки, а именно у персовъ, у которыхъ время было ограничено, мы нашли лишь большую ловкость въ дѣлѣ приспособленія и лишь зачатки преобразованій.

Но, помимо примѣровъ по большей части отдаленныхъ періодовъ исторіи, которые мы привели, существуетъ много другихъ, гораздо болѣе новыхъ, образчики коихъ еще сохранились, которые указываютъ на значительность тѣхъ преобразованій, какимъ раса вынуждена подвергнуть искусство, ею заимствованное. Эти примѣры тѣмъ болѣе типичны, что здѣсь рѣчь идетъ о народахъ, исповѣдующихъ одну религію, но имѣющихъ различное родовое происхожденіе. Я говорю о мусульманахъ.

Когда въ VII вѣкѣ до нашей эры арабы завладѣли наибольшей частью древняго греко-римскаго міра и основали ту гигантскую имперію, которая тянулась вскорѣ отъ Испаніи къ центру Азіи, простираясь по всему берегу сѣверной Африки, то они очутились лицомъ къ лицу съ точно опредѣлившейся архитектурой — архитектурой византійской. Они вначалѣ просто переняли ее, какъ въ Испаніи, такъ и въ Египтѣ и Сири, для сооруженія своихъ мечетей. Мечеть Омара въ Іерусалимѣ, мечеть Амру въ Каирѣ и другіе еще уцѣлѣвшіе памятники указываютъ намъ на новую перенимчивость. Но она длилась недолго, и мы видимъ, что отъ одной страны къ другой, изъ вѣка въ вѣкъ памятники арабовъ подвергаются различнымъ преобразованіямъ. Въ нашей *Исторіи цивилизаціи арабовъ* мы указали на источникъ происхожденія этихъ преобразованій. Они настолько значительны, что между памятникомъ начала завоеванія, такимъ, напр., какъ мечеть Амру въ Каирѣ (742), и мечетью Каптъ-бея (1408) конца великаго арабскаго періода нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ сходства. Мы указали путемъ объясненій и рисунковъ, что въ различныхъ странахъ, исповѣдывавшихъ исламъ: въ Испаніи, Африкѣ, Сири, Персіи и Индіи, памятники представляютъ столь значительныя различія, что дѣйствительно невозможно классифицировать ихъ подъ однимъ названіемъ, какъ это можно сдѣлать, напр., для готическихъ памятниковъ, которые, несмотря на ихъ разнообразіе, представляютъ между собою очевидную аналогію.

Эти коренныя различія въ архитектурѣ мусульманскихъ странъ не могутъ зависѣть отъ различія вѣрованій, потому что религія у нихъ одна, но они зависятъ отъ различій расъ, которыя вліяютъ на эволюцію искусства такъ же глубоко, какъ и на судьбы государствъ.

Если это положеніе вѣрно, то мы должны ожидать, что найдемъ въ одной и той же странѣ, населенной различными расами, памятники крайне несхожіе, несмотря на тожество вѣрованій и единство политической власти. Такое именно явленіе можно наблюдать въ Индіи. Въ Индіи легче всего найти примѣры, подтверждающіе общіе принципы, изложенные въ настоящемъ моемъ трудѣ, почему я къ ней всегда и обращаюсь. Этотъ большой полуостровъ является самой внушительной и самой философской книгой по исторіи. Дѣйствительно, въ настоящее время это единственная страна, въ которой путемъ простыхъ перемѣщеній въ пространствѣ можно перемѣщаться по произволу во времени и увидѣть еще живыми тѣ ряды послѣдовательныхъ ступеней, какія должно было перешагнуть человѣчество, чтобы достигнуть высшаго уровня цивилизаціи. Въ Индіи можно разыскать всѣ формы эволюціи; тамъ имѣетъ своихъ представителей и каменный вѣкъ, и вѣкъ пара, и электричества. Нигдѣ нельзя лучше усвоить себѣ роль тѣхъ великихъ факторовъ, которые управляютъ возникновеніемъ и эволюціей цивилизацій.

Примѣняя принципы, разрабатываемые въ моемъ настоящемъ трудѣ, я пытался разрѣшить задачу, надъ которой работаютъ давно; эта задача—происхожденіе искусствъ Индіи. Такъ какъ вопросъ этотъ очень мало изслѣдованъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является интереснымъ приложеніемъ нашихъ идей о психологій расъ, то мы вкратцѣ изложимъ здѣсь наиболѣе существенныя черты этой темы *).

*) Относительно техническихъ подробностей, которыхъ я не могу здѣсь даже касаться, отсылаю читателя къ моему сочиненію *Les monuments de l'Inde* съ 400 таблицами, фотографіями, планами и рисунками. Многие изъ нихъ въ уменьшенномъ видѣ вошли въ мое сочиненіе: *Les civilisations dans l'Inde*.

Съ точки зрѣнія искусства Индія появляется въ исторіи лишь очень поздно. Ея самые старинные памятники, какъ, напр., колонны Аки, храмы Карли, Барута, Санхи и пр., едва на двѣсти лѣтъ предшествуютъ нашей эрѣ. Когда они были сооружены, большинство старыхъ цивилизацій древняго міра, цивилизацій Египта, Персіи и Ассиріи, а также и Греціи закончили циклъ своего развитія и перешли уже въ мракъ упадка. Уцѣлѣла только одна цивилизація, цивилизація Рима, которая замѣнила всѣ прочія.

Въ тѣ времена міръ зналъ только одного владыку. Индія, которая вышла такъ поздно изъ мрака исторіи, могла, слѣдовательно, заимствовать многое отъ предшествовавшихъ ей цивилизацій, но та глубокая обособленность, въ которой, какъ утверждали еще недавно, она постоянно жила, а также удивительная оригинальность ея памятниковъ, не имѣющихъ видимаго родства со всѣми другими, которые имъ предшествовали, въ теченіе долгаго времени устраняли всякую гипотезу о какихъ-либо постороннихъ заимствованіяхъ.

Наряду съ своей безспорной оригинальностью первые памятники Индіи обнаруживали также такое совершенство исполненія, котораго въ теченіе вѣковъ они не могли превзойти. Произведенія столь совершенныя, безъ сомнѣнія, были предшественны долгими предварительными попытками, но несмотря на самыя тщательныя изысканія, не было до сихъ поръ найдено ни одного грубаго образчика, ни одного памятника низшаго достоинства, которые могли бы намъ обнаружить хотя малѣйшіе слѣды предварительныхъ, такъ сказать, черновыхъ пробъ.

Недавнее открытіе, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ сѣверо-западной части полуострова, остатковъ статуй и памятниковъ, обнаруживающихъ греческое вліяніе съ достаточной очевидностью, заставило думать спеціалистовъ по изученію Индіи (индіонистовъ), что Индія заимствовала свои искусства отъ Греціи.

Примѣненіе вышеизложенныхъ принциповъ и глубокое изученіе большинства памятниковъ, существующихъ и нынѣ

въ Индіи, привело насъ къ совершенно иному рѣшенію. Индія, по нашему мнѣнію, несмотря на свое случайное соприкосновеніе съ греческой цивилизаціей, не заимствовала у нея, да и не могла заимствовать, ни одного изъ греческихъ искусствъ. Обѣ эти расы были слишкомъ различны, мысли ихъ слишкомъ несходны, ихъ художественныя тенденціи слишкомъ несомѣстимы, чтобы эти расы могли оказывать какое-либо вліяніе другъ на друга.

Осмотръ древнихъ памятниковъ, разсѣянныхъ въ Индіи, указываетъ впрочемъ прямо, что между ея искусствомъ и искусствомъ Греціи нѣтъ никакого родства. Тогда какъ всѣ наши европейскіе памятники полны элементовъ, заимствованныхъ изъ греческаго искусства, памятники Индіи абсолютно не содержатъ ни одного изъ этихъ элементовъ. Самое поверхностное наблюденіе доказываетъ, что мы находимся передъ расами крайне различными, и что никогда, быть можетъ, не бывало расъ болѣе несхожихъ по духу—скажу даже, болѣе несовѣстныхъ другъ къ другу—какъ раса греческая и раса индусская.

Это общее положеніе очерчивается еще рѣзче, когда проникаютъ нѣсколько глубже въ изученіе памятниковъ Индіи и въ сокровенную психологію народовъ, создавшихъ эти памятники. При этомъ вскорѣ приходится убѣдиться въ томъ, что духъ индусовъ слишкомъ индивидуальный, слишкомъ личный, чтобы онъ могъ подвергнуться постороннему вліянію, далекому отъ его мысли. Конечно, это постороннее вліяніе можетъ быть внушено, но какимъ бы продолжительнымъ оно ни предполагалось, оно остается крайне поверхностнымъ и скоропреходящимъ. Повидимому, между умственнымъ строемъ различныхъ расъ Индіи и умственнымъ строемъ другихъ народовъ существуютъ преграды столь же высокія, какъ и тѣ чудовищныя препятствія, которыя поставила сама природа между Индійскимъ полуостровомъ и другими странами земного шара (Гималайскія горы). Духъ индуса настолько своеобразенъ, что, каковъ бы ни былъ предметъ, которому необходимо заставить бы его подражать, этотъ предметъ не-

медленно имъ преобразовывается и становится индусскимъ. Даже въ архитектурѣ, въ которой уже трудно скрыть заимствование, индивидуальность этого страннаго духа, эта способность быстрого измѣненія формы обнаруживается весьма скоро. Можно заставить индусскаго архитектора скопировать греческую колонну, но нельзя ему помѣшать быстро преобразовать эту колонну въ такую, которая съ перваго взгляда будетъ сочтена за колонну индусскую. Даже и теперь, уже въ наше время, когда европейское вліяніе является столь могущественнымъ въ Индіи, подобныя преобразованія наблюдаются ежедневно. Дайте какому-нибудь индусскому мастеру какую-нибудь европейскую модель для копированія, онъ скопируетъ ея общую форму, но преувеличитъ нѣкоторыя части, умножитъ, передѣлавъ по-своему, подробности украшеній, и вторая или третья копія будетъ лишена всякаго западно-европейскаго оттѣнка и окажется исключительно индусской.

Основнымъ признакомъ индусской архитектуры—встрѣчающимся также и въ литературѣ, родственной поэтому архитектурѣ,—является безграничное преувеличеніе, безконечное обиліе подробностей, осложненіе, являющееся, такъ сказать, антиподомъ правильной и холодной простоты греческаго искусства. Въ особенности изучая искусство Индіи, можно понять, до какой степени классическія произведенія расы находятся въ связи съ ея умственнымъ строемъ и насколько такія произведенія становятся самымъ выразительнымъ языкомъ для того, кто его понимаетъ.

Если бы индусы, подобно ассирійцамъ, совершенно исчезли изъ исторіи, то барельефы ихъ храмовъ, ихъ статуй, ихъ памятники оказались бы достаточными, чтобы открыть намъ ихъ прошлое. Они бы особенно намъ сказали о томъ, что методическій и свѣтлый умъ грековъ никогда не могъ оказать ни малѣйшаго вліянія на безграничное и не методическое воображеніе индусовъ. Они бы научили также насъ понимать, почему греческое вліяніе въ Индіи могло быть всегда лишь преходящимъ и ограничивающимся лишь той областью, въ которую оно случайно попало.

Археологическое изученіе памятниковъ дало намъ возможность подтвердить точными документами то, что общее знаніе Индіи и индускаго духа обнаруживаетъ непосредственно. Оно намъ позволило констатировать тотъ любопытный фактъ, что много разъ, а именно во время первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры, индусскіе государи, находясь въ сношеніяхъ съ царями Персіи Арсакидами, цивилизація которыхъ многое заимствовала у эллинизма, хотѣли ввести въ Индію греческое искусство, но имъ не удалось одарить его жизнью.

Это заимствованное искусство, вполне официальное, не имѣвшее никакой связи съ мыслью народа, которому оно было навязано, исчезло вмѣстѣ съ тѣми политическими вліяніями, которыя народили его. Оно впрочемъ было чрезвычайно антипатично индусскому духу, чтобы даже въ тотъ періодъ, когда оно было навязано народу, произвести хотя малѣйшее вліяніе на національное искусство. Въ самомъ дѣлѣ, въ современныхъ индусскихъ памятникахъ или позднѣйшихъ, каковы многочисленные подземные храмы, уже нельзя найти никакого слѣда греческаго вліянія. Съ другой стороны, это вліяніе легко было бы обнаружить, такъ какъ его трудно было бы не распознать. Помимо общей картины, которая всегда характерна, существуютъ техническія подробности, особенно въ выдѣлкѣ суконъ, которыя сейчасъ же обнаруживаютъ работу греческаго мастера.

Исчезновеніе греческаго искусства въ Индіи было такъ же внезапно, какъ и его появленіе, и ужъ одна эта внезапность показываетъ, насколько оно было, такъ сказать, привознымъ, официально навязаннымъ, но безъ всякаго сродства къ народу, который вынужденъ былъ его принять. Никогда такимъ образомъ не исчезаютъ искусства у народа. Обыкновенно они преобразовываются, и новое заимствованное искусство всегда содержитъ въ себѣ что-нибудь такое, что оно унаслѣдовало. Появившись внезапно въ Индіи вслѣдствіе вторженія непріятеля, греческое искусство внезапно и исчезло изъ Индіи и оказало на эту страну столь же ничтожное вліяніе, какое

оказали и тѣ европейскіе памятники, которые англичане строятъ тамъ уже два столѣтія.

Современное отсутствіе вліянія европейскихъ искусствъ на Индію, несмотря на болѣе чѣмъ столѣтнее господство въ ней англичанъ, можно сопоставить съ ничтожнымъ вліяніемъ на нее греческаго искусства 18 вѣковъ тому назадъ. Нельзя отрицать, что тутъ имѣется несовмѣстимость эстетическихъ чувствъ, потому что искусства мусульманскія, столь же чуждыя Индіи, какъ и европейскія, все-таки вызвали подражаніе во всѣхъ частяхъ индійскаго полуострова. Даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мусульмане никогда не пользовались никакой властью, рѣдко встрѣтить храмъ, не содержащій какихъ-либо мотивовъ арабскихъ орнаментовъ. Несомнѣнно, какъ и въ отдаленныя времена царя Канишки, мы и теперь встрѣчаемъ раджей вродѣ раджи Гвалиора, прельщенныхъ величіемъ могущества иностранцевъ, которые заставляютъ строить для нихъ европейскіе дворцы въ греко-латинскомъ стилѣ, но, какъ и во времена Канишки—это официальное искусство, налагаемое на искусство мѣстное, не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на послѣднее.

Греческое искусство и искусство индусское, слѣдовательно, когда существовали бокъ-о-бокъ, какъ искусство европейское и искусство индусское нынѣшняго времени, никогда не оказывали никакого вліянія одно на другое. Въ томъ, что касается памятниковъ Индіи, въ точномъ смыслѣ, то нѣтъ ни одного изъ нихъ, о которомъ можно было бы сказать, что онъ представляетъ въ цѣломъ и подробностяхъ какое бы то ни было сходство, какъ бы отдаленно оно ни казалось, съ греческимъ памятникомъ.

Это безсиліе греческаго искусства укорениться въ Индіи представляетъ нѣчто поразительное, и его слѣдуетъ приписать именно только той несовмѣстности, на которую мы указали, между душою обѣихъ расъ, а не какой-нибудь врожденной неспособности Индіи къ усвоенію чуждаго ей искусства, потому что та же Индія прекрасно могла усвоить и преобразо-

вать искусства, которые были въ какой-либо связи съ общимъ складомъ ума индуса.

Тѣ археологическіе документы, какіе намъ удалось собрать, показали намъ, что на самомъ дѣлѣ за основами своихъ искусствъ Индія обратилась къ Персіи, но не къ Персіи, нѣсколько эллинизированной со временъ Арсакидовъ, а къ Персіи, унаслѣдовавшей старинныя цивилизаціи Ассиріи и Египта. Извѣстно, что когда, за 330 лѣтъ до Р. Х., Александръ свергъ династію царей Ахеменидовъ, то персы уже 2 столѣтія обладали блестящей цивилизаціей. Они, конечно, не нашли формулы новаго искусства, но та смѣсь искусствъ египетскаго и ассирійскаго, какую они унаслѣдовали, дала замѣчательныя произведенія. Объ этомъ мы можемъ судить по уцѣлѣвшимъ еще развалинамъ Персеполя. Въ нихъ порталы Египта, крылатые быки Ассиріи и даже нѣкоторые греческіе элементы показываютъ намъ, что на этой ограниченной области Азіи существовали всѣ искусства прежнихъ великихъ цивилизацій.

Въ Персіи Индія черпала, но на самомъ дѣлѣ она черпала въ искусствахъ Халдси и Египта, заимствованіемъ у которыхъ Персія и ограничилась.

Изученіе памятниковъ Индіи обнаруживаетъ, какими заимствованиями они жили при своемъ возникновеніи, но, чтобы констатировать эти заимствования, нужно обратиться къ самымъ древнимъ памятникамъ. Индусская душа такъ своеобразна, что заимствованныя произведенія, чтобы приладиться къ воззрѣніямъ индусовъ, подвергаются такимъ преобразованіямъ, что они скорѣе становятся неузнаваемыми.

Почему Индія, которая оказалась столь неспособной заимствовать что бы то ни было у Греціи, наоборотъ, оказалась столь способной къ заимствованію у Персіи? Очевидно, это произошло потому, что искусства Персіи находились въ весьма тѣсной связи съ духомъ индусовъ, тогда какъ затѣйливыя формы, избытокъ украшеній, богатство орнаментовъ на памятникахъ Персіи должно было соблазнять его.

Впрочемъ Персія, какъ представительница Египта и Ассиріи, оказала своими искусствами вліяніе на Индію не только въ эту отдаленную эпоху. Когда, спустя много столѣтій, на полуостровѣ появились мусульмане, то цивилизація ихъ, при своемъ прохожденіи черезъ Персію, была уже, такъ сказать, глубоко насыщена персидскими элементами, и то, что эта цивилизація принесла Индіи, заключалось главнымъ образомъ въ персидскомъ искусствѣ, которое носило еще слѣды своихъ старыхъ ассирійскихъ традицій, продолженныхъ царями Ахеменидами. Гигантскія ворота, мечети и въ особенности эмалированные кирпичи (изразцы?), облегающіе ихъ, являются слѣдами ассирійско-халдейской цивилизаціи. Эти искусства Индія еще сумѣла усвоить потому, что они находились въ связи съ духомъ ея расы, тогда какъ греческое искусство тѣхъ временъ и европейское искусство нынѣшняго времени глубоко ненавистны ея способу мышленія и чувствованія и всегда оставались безъ всякаго вліянія на Индію.

Слѣдовательно, не съ Греціей, какъ это еще утверждаютъ археологи, но съ Египтомъ и Ассиріей связывается Индія черезъ посредство Персіи. Индія ничего не заимствовала у Греціи, но объ эти страны черпали изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, изъ этой общей сокровищницы, основы всѣхъ цивилизацій, разработанной въ теченіе вѣковъ народами Египта и Халдена. Греція заимствовала изъ этой сокровищницы черезъ посредство финикійянъ и народовъ Малой Азіи, а Индія—черезъ посредство Персіи. Цивилизаціи Греціи и Индіи выходятъ, слѣдовательно, къ общему источнику. Но, какъ бы то ни было, въ обѣихъ этихъ странахъ, теченія, вышедшія изъ этого источника, вскорѣ, соотвѣтственно духу каждой изъ расъ этихъ странъ разошлись совершенно въ различныхъ направленіяхъ.

Но если, какъ мы уже объ этомъ говорили, искусство находится въ тѣсной сокровенной связи съ умственнымъ строемъ данной расы, и если, благодаря этому, одно и то же искусство, заимствованное не одинаковыми расами, тотчасъ обле-

кается въ весьма несходныя формы, то мы должны разсчитывать на то, что Индія, населенная расами крайне различными, должна обладать различными искусствами и архитектурными стилями, не имѣющими между собою никакого сходства, несмотря на тожество вѣрованій.

Изученіе памятниковъ различныхъ областей Индіи показываетъ, насколько это справедливо. Различія между памятниками даже настолько глубоки, что мы могли распределить ихъ лишь по областямъ, т.-е. смотря по расѣ, а не соответственно религіи, къ которой принадлежатъ народы, которые ихъ построили. Нѣтъ никакого сходства между памятниками сѣверной Индіи и южной, воздвигнутыми въ ту же эпоху народами, исповѣдующими, однако, одинаковую религію. Даже во время мусульманскаго господства, т.-е. во время того періода, въ который политическое единство Индіи было полнымъ и вліяніе центральной власти наиболѣе значительнымъ, памятники чисто мусульманскіе представляютъ глубокія различія между одной областью и другой. Мечеть Ахмедабада, мечеть Лагора, мечеть Агра и мечеть Вижапура, хотя снѣ посвящены и одному культу, представляютъ, однако, между собою весьма мало родства, гораздо меньше, чѣмъ то родство, которое связываетъ какой-нибудь памятникъ эпохи Возрожденія съ памятниками готическаго періода.

Не одна только архитектура отличается въ Индіи смотря по расамъ, скульптура также мѣняется соответственно различнымъ областямъ, не только по изображаемымъ типамъ, но также и по способу ихъ воспроизведенія. Сравнимъ наши барельефы или статуи Санхи съ таковыми же произведеніями Барута, появившимися почти одновременно съ первыми, и мы увидимъ, что разница между ними уже довольно рѣзкая. Она оказывается еще болѣе выраженной при сравненіи статуй и барельефовъ провинціи Орисса съ таковыми же Бунделькунда или статуи Мизора со статуями большихъ пагодъ южной Индіи. Вліяніе расы проявляется повсюду. Оно впрочемъ обнаруживается даже въ самыхъ незначительныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Всѣмъ извѣстно, насколько эти произве-

денія различны въ различныхъ частяхъ Индіи. Не требуется особенно опытнаго глаза, чтобы отличить деревянный сундучокъ съ рѣзбой изъ Мизоры отъ такого же сундучка, рѣзаннаго въ Гузра, или чтобы отличить какую-нибудь драгоценность съ береговъ Ориссы отъ таковой же съ береговъ Бомбея.

Безъ сомнѣнія, архитектура Индіи — такъ же какъ и архитектура всѣхъ восточныхъ народовъ — архитектура главнымъ образомъ религіозная. Но какъ бы ни было сильно религіозное вліяніе, особенно на Востокѣ, вліяніе расы гораздо сильнѣе.

Эта душа расы, которая управляетъ судьбой народовъ, управляетъ также и ихъ вѣрованіями, ихъ учрежденіями и ихъ искусствами. Каковъ бы ни былъ элементъ изучаемой цивилизаціи, мы всегда находимъ въ немъ эту душу расы. Она является единственной силой, которую не можетъ одолѣть никакая другая. Она представляетъ бремя тысячъ поколѣній, синтезъ ихъ мысли.

Книга третья.

Исторія народовъ какъ слѣдствіе ихъ характера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Какъ возникаютъ учрежденія изъ души народовъ.

Исторія, въ своихъ главныхъ чертахъ, можетъ быть разсматриваема какъ простое изложеніе результатовъ, причиною которыхъ является психологическій строй расъ. Исторія вытекаетъ изъ этого строя, какъ дыхательные органы рыбъ вытекаютъ изъ ихъ жизни въ водѣ. Безъ предварительнаго знанія умственной конструкціи даннаго народа исторія его становится хаосомъ событій, которыми управляетъ, повидимому, лишь случай. Когда душа какого-нибудь народа намъ извѣстна, то жизнь его, наоборотъ, представляется какъ бы правильнымъ и роковымъ послѣдствіемъ его психологическихъ признаковъ. Во всѣхъ проявленіяхъ жизни какой-либо націи мы всегда открываемъ неизмѣнную душу расы, саму ткущую свою собственную судьбу.

Верховная мощь души расы проявляется всего замѣтнѣе въ ея политическихъ учрежденіяхъ. Намъ легко будетъ доказать это нѣсколькими примѣрами.

Возьмемъ сначала Францію, т.-е. одну изъ такихъ странъ земного шара, которая подвергалась самымъ глубочайшимъ

переворотамъ и гдѣ, за немного лѣтъ, политическія учрежденія кажутся радикально измѣненными, а партіи—совершенно расходящимися въ мнѣніяхъ. Но если мы разберемъ съ психологической точки зрѣнія эти столь несходныя, повидимому, мнѣнія, эти вѣчно борющіяся партіи, то мы убѣдимся, что въ дѣйствительности основа у нихъ вполне тождественная, и она точно представляетъ идеаль французской расы. Непримиримые радикалы, монархисты, социалисты, словомъ всѣ защитники самыхъ различныхъ ученій—преслѣдуютъ подъ разными ярлыками совершенно тождественную цѣль, а именно—поглощеніе индивидуума государствомъ. То, чего всѣ съ жаромъ добиваются,—это старый централизирующій и монархическій порядокъ, правительство, управляющее всѣмъ, регулирующее все, поглощающее все, узаконяющее малѣйшія мелочи жизни гражданъ и освобождающее ихъ также отъ всякаго проявленія мысли и инициативы. Пусть власть, стоящая во главѣ государства, называется королемъ, императоромъ, президентомъ и пр.—это не важно, но важно, чтобы эта власть, какъ бы она ни называлась, имѣла бы обязательно тотъ же идеаль. Идеаль же этотъ—выраженіе чувствъ души расы; она не терпитъ другого.

Если, слѣдовательно, наша крайняя нервность, наша раздражительность, ведущая къ недовольству всѣми окружающими, идея, что новое правительство сдѣлаетъ нашу судьбу болѣе счастливой, приводятъ насъ (рѣчь идетъ о французахъ) къ непрерывной смѣнѣ учреждений, то великій голосъ умершихъ, который нами руководитъ, заставляетъ насъ мѣнять лишь слова и внѣшнія формы. Безсознательная мощь души нашей расы такова, что мы сами не замѣчаемъ той иллюзіи, жертвами которой мы являемся.

Конечно, если судить только по внѣшности, то ничто не кажется столь отличнымъ отъ стараго порядка, какъ порядокъ, созданный великой французской революціей. На самомъ же дѣлѣ, и несомнѣнно, революція только продолжила королевскую традицію, закончивъ дѣло централизаціи, начатое за нѣсколько вѣковъ монархіей. Если бы Людовикъ XIII и Людо-

викъ XIV вышли изъ своихъ могилъ, чтобы судить о томъ, что сдѣлала революція, то они, безъ сомнѣнія, осудили бы нѣкоторыя насилія, сопровождавшія осуществленіе революціонной задачи, но считали бы эту задачу вполне соотвѣтствовавшей ихъ традиціямъ и ихъ программѣ и признали бы, что министръ, уполномоченный ими выполнить эту программу, не выполнилъ бы ее лучше. Эти покойные государи сказали бы, что наименѣе революціоннымъ правительствомъ, какое только когда-либо знала Франція, было именно правительство временъ революціи. Кромѣ того они констатировали бы, что уже въ теченіе столѣтія никакой изъ различныхъ, слѣдовавшихъ во Франціи одинъ за другимъ режимовъ не пытался еще браться за эту задачу — настолько она является плодами правильной эволюціи, — задачу, сводящуюся къ продолженію монархическаго идеала и выраженію духа французской расы. Безъ сомнѣнія, эти блестящіе призраки, эти тѣни умершихъ королей представили бы нѣкоторыя замѣчанія, благодаря своему большому опыту и, быть можетъ, обратили бы вниманіе на то, что при замѣнѣ правящей аристократической касты кастой административной въ государствѣ создается безличная власть, болѣе страшная, чѣмъ власть стараго дворянства, потому что послѣдняя является единственной, которая, избѣгая политическихъ реформъ, обладаетъ традиціями, сословнымъ духомъ, отсутствіемъ отвѣтственности и долговѣчностью, т.-е. цѣлымъ рядомъ условій, приводящихъ ее обязательно къ господству. Но эти царственные тѣни, я думаю, не настаивали бы слишкомъ на этомъ возраженіи, принимая во вниманіе, что народы латинской расы, заботясь очень мало о свободѣ и очень много о равенствѣ, легко терпятъ всякаго рода деспотизмъ при одномъ условіи, чтобы деспотизмъ этотъ былъ безличнымъ. Быть можетъ, все тѣ же тѣни нашли бы совѣтъ излишними и крайне тираническими безчисленныя узаконенія и тысячи путей, связывающихъ малѣйшія проявленія индивидуальной жизни, и обратили бы вниманіе на то, что когда государство поглощаетъ все, приводитъ все въ законныя рамки и лишаетъ гражданъ всякой личной инициативы, то мы самостоятельно и безъ

всякой новой революціи очутимся въ волнѣ полнѣйшаго социализма. Но тогда тотъ божественный свѣтъ, который свѣтитъ королямъ, или, за неимѣніемъ его, свѣтъ математическій, научающій насъ, что результаты растутъ въ геометрической прогрессіи при существованіи однихъ и тѣхъ же причинъ, дадутъ имъ возможность понять и уяснить себѣ, что социализмъ представляетъ не что иное, какъ послѣднее, крайнее выраженіе монархической идеи, ускоряющей фазой въ развитіи которой оказалась именно революція.

Итакъ, въ учрежденіяхъ народа мы находимъ фазу побочныхъ обстоятельствъ, упомянутыхъ въ началѣ нашего труда, и тѣ постоянныя законы, которые мы пытались опредѣлить. Побочныя обстоятельства или условія создаютъ названія, внѣшнія проявленія. Наиболѣе основные законы вытекаютъ изъ характера народовъ и создаютъ судьбу націй.

Предшествовавшему примѣру мы можемъ противопоставить примѣръ другой расы, расы англійской, психологическая конструкция которой значительно отличается отъ таковой французской расы. Благодаря уже одному этому факту учрежденія англійскія радикально отличаются отъ французскихъ.

Будетъ-ли во главѣ англичанъ монархъ, какъ въ Англіи, или президентъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, ихъ правительство всегда будетъ представлять одинаковую основную характеристику, а именно: дѣйствія государства будутъ сведены къ минимуму, а частныхъ лицъ — къ максимуму, что совершенно противоположно латинскому идеалу. Порты, каналы, желѣзныя дороги, образовательныя учрежденія и пр. у нихъ всегда создаются и поддерживаются инициативой частныхъ лицъ, но никогда не инициативой государства *). Тамъ нѣтъ ни революцій, ни конституцій, ни деспотовъ, которые могли бы дать народу, не обладающему ими, или отнять у

*) Это преобладаніе личной инициативы должно особенно наблюдаться въ Америкѣ. Въ Англіи оно какъ-то понижается за послѣдніе 30 лѣтъ, и правительство все больше и больше хочетъ захватить инициативу въ свои руки.

народа, обладающего ими, тѣ качества характера, изъ которыхъ вытекаютъ его учрежденія. Много разъ повторялось, что народы имѣютъ такіе правительства, какихъ они заслуживаютъ. Можно-ли допустить, чтобы у нихъ были иные?

Мы скорѣе укажемъ путемъ различныхъ примѣровъ на то, что народъ не можетъ освободиться отъ послѣдствій своей психической структуры или, если онъ отъ нихъ освобождается, то лишь въ рѣдкіе моменты, подобно тому какъ песокъ, поднятый бурей, какъ будто на минуту избавляется отъ законовъ тяготѣнія и притяженія. Было бы чистой химерой думать, что правительства и конституціи имѣютъ какое-либо значеніе въ судьбѣ народа. Его судьба содержится въ немъ самомъ, а не во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Все, чего можно требовать отъ правительства, это то, чтобы оно служило выраженіемъ чувствъ и идей того народа, какимъ оно призвано управлять, и уже одинъ фактъ существованія правительства говорить за то, что оно является изображеніемъ народа. Не существуетъ ни такихъ правительствъ, ни такихъ учреждений, про которыя можно было бы сказать, что они безусловно всѣ хороши или безусловно плохи. Правительство Дагемейскаго короля было вѣроятно превосходнымъ правительствомъ для того народа, къ управленію которымъ оно было призвано, и самая ученая европейская конституція оказалась бы плохой для того же народа.

Вотъ что, къ несчастью, упускаютъ изъ виду государственные дѣятели, которые воображаютъ, что управленіе есть что-то привозное, и что колоніи могутъ управляться посредствомъ учрежденій метрополіи. Это то же самое, что заставить рыбъ жить въ воздухѣ подъ предлогомъ, что дыханіе воздухомъ практикуется всѣми высшими животными.

Въ силу уже одного факта неодинаковости умственного развитія, различные народы не могутъ существовать въ теченіе долгаго времени при одинаковомъ режимѣ. Ирландецъ и англичанинъ, славянинъ и венгерецъ, арабъ и французъ уживаются лишь съ великимъ трудомъ при одинаковыхъ законахъ и цѣнной непрерывныхъ революцій. Большія имперіи, содер-

жація различные народы, всегда осуждены на недолговременное существованіе. Если владычество ихъ бывало сколько-нибудь долговременно, какъ, напр., владычество монголовъ, а затѣмъ англичанъ въ Индіи, то это происходило, съ одной стороны, потому, что расы эти были столь многочисленны, столь различны, а слѣдовательно настолько соперничали между собою, что не могли и думать объ объединеніи противъ чужеземцевъ, а съ другой—потому, что эти иностранные власти обладали достаточно вѣрнымъ политическимъ инстинктомъ, чтобы уважать обычаи завоеванныхъ народовъ и оставить ихъ управляться своими собственными законами.

Можно было бы написать много книгъ, даже реферировать всю исторію цѣликомъ и съ новой точки зрѣнія, если бы нужно было указать на всѣ послѣдствія психологическаго строя народовъ. Глубокое изученіе этого строя должно бы стать основой политики и воспитанія. Можно даже сказать, что такое изученіе психологическаго строя народовъ дало бы возможность избѣгнуть многихъ ошибокъ и многихъ смутъ, если бы народы могли въ то же время освободиться отъ роковыхъ свойствъ своей расы, если бы голосъ разсудка не затемнялся всегда повелительнымъ голосомъ угасшихъ предковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Примѣненіе предыдущихъ принциповъ къ сравнительному изученію эволюціи Соединенныхъ Штатовъ Америки и испанско-американскихъ республикъ.

Вкратцѣ изложенныя предшествовавшія соображенія показываютъ, что учрежденія народа являются выраженіемъ его

души, и если ему легко измѣнить ихъ форму, то не легко измѣнить основу *).

Теперь мы покажемъ весьма точными примѣрами, насколько душа народа управляетъ его судьбой и какую незначительную роль въ этой судьбѣ играютъ учрежденія.

Эти примѣры я позаимствую въ такой странѣ, гдѣ живутъ бокъ-о-бокъ въ мало отличающихся между собою условіяхъ среды двѣ европейскія расы, одинаково цивилизованныя и интеллигентныя, отличающіяся одна отъ другой только своими характерами. Я говорю объ Америкѣ. Она состоитъ изъ двухъ различныхъ континентовъ, соединенныхъ перешейкомъ. Поверхность каждого изъ этихъ континентовъ приблизительно одинаковая, почва обонихъ также можетъ быть сравниваема. Одинъ изъ этихъ континентовъ былъ завоеванъ и заселенъ англійской расой, другой—испанской. Обѣ эти расы живутъ подъ управленіемъ сходныхъ республиканскихъ конституцій, такъ какъ республики Южной Америки скопировали все съ республикъ Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдовательно, для объясненія различныхъ судебъ этихъ народовъ остаются на-лицо только расовыя различія. Посмотримъ, что произвели эти различія.

Приведемъ сначала въ нѣсколькихъ словахъ признаки англо-саксонской расы, населившей Соединенные Штаты. Въ

*) Знаменитый англійскій социологъ Гербертъ Спенсеръ оставилъ въ сторонѣ въ своихъ великихъ твореніяхъ вліяніе характера народовъ на ихъ судьбы, и его прекрасныя теоретическія обобщенія привели его сначала къ весьма оптимистическимъ заключеніямъ. Рѣшивъ на старости принять въ расчетъ основную роль характера, онъ долженъ былъ совершенно измѣнить свои прежніе выводы, замѣнивъ ихъ пессимистическими. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Моя вѣра въ свободныя учрежденія, столь твердая вначалѣ, за послѣднее время значительно поколебалась. Мы пятимся къ режиму ежовыхъ рукавицъ въ формѣ бюрократическаго деспотизма общественной организаціи, затѣмъ къ военному, если послѣдній не будетъ введенъ внезапно благодаря какому-нибудь общественному краху.

цѣломъ міръ не существуетъ, быть можетъ, другой расы, которая, несмотря на различія въ происхожденіи, стала бы болѣе однородной и психическій строй которой легче было бы опредѣлить въ главныхъ чертахъ, чѣмъ англо-саксонская раса.

Господствующими чертами этого умственного склада, въ отношеніи характера, являются слѣдующія: громадная сила воли, каковой обладали немногие народовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, римлянъ, неукротимая энергія, обширная инициатива, безусловное самообладаніе, чувство независимости, доходящее до крайней необщительности, мощная дѣятельность, очень горячее религіозное чувство, твердая нравственность, очень ясное сознаніе долга.

Въ отношеніи умственного развитія нельзя сдѣлать специальной характеристики, т.-е. указать на какіе-либо особые элементы, какихъ не оказалось бы у другой цивилизованной націи. Можно, пожалуй, отыскать особую разсудительность, которая даетъ возможность вѣрно схватывать практическую и положительную сторону вещей, а не блуждать въ химерическихъ потемкахъ, особенно сильное пристрастіе къ фактамъ и ничтожное сочувствіе къ общимъ идеямъ, нѣкоторую ограниченность духа, мѣшающую видѣть слабыя стороны религіозныхъ вѣрованій и, слѣдовательно, ставящую эти вѣрованія внѣ всякихъ споровъ.

Къ этой общей характеристикѣ слѣдуетъ добавить полный оптимизмъ человѣка, жизненный путь котораго ясно намѣченъ, причемъ не предполагается даже иного лучшаго пути. Англичанинъ всегда знаетъ, чего отъ него требуютъ родина, семья и религія. Этотъ оптимизмъ доведенъ до того, что онъ смотритъ на все чужеземное съ величайшимъ презрѣніемъ. Эта ненависть къ иноземцамъ и чужимъ обычаямъ превосходитъ въ Англии ту ненависть, которую вѣкогда питали римляне къ варварамъ въ эпоху процвѣтанія Рима. Она настолько велика, что въ отношеніи иностранцевъ у нихъ никакихъ нравственныхъ правилъ не полагается. Нѣтъ человѣка въ англійскомъ государствѣ, который не считалъ бы позволительнымъ въ отношеніи другихъ народовъ такіе поступки, кото-

рые, если бы онъ позволилъ ихъ въ отношеніи своихъ земель, вызвали бы всеобщее единодушное негодованіе. Это пренебреженіе къ иностранцу, безъ сомнѣнія, съ философской точки зрѣнія должно быть отнесено къ разряду весьма низменныхъ чувствъ, но въ отношеніи процвѣтанія собственной націи оно крайне полезно. Какъ справедливо замѣчаетъ англійскій генералъ Уольслей, это пренебреженіе относится къ числу такихъ чувствъ, которыя составляютъ силу Англіи.

Справедливо было сказано, по поводу отказа англичанъ, впрочемъ воплотивъ основательнаго, позволить провести подъ Ламаншемъ туннель, который облегчилъ бы сношенія ихъ съ континентомъ, что англичане при этомъ употребили столько же усилий, какъ и китайцы, чтобы помѣшать проникновенію къ нимъ чужеземнаго вліянія.

Всѣ только-что перечисленные признаки обнаруживаются въ различныхъ слояхъ общества. Нельзя отыскать ни одного элемента англійской цивилизаціи, на который эти признаки не наложили бы своего солиднаго отпечатка. Иностранецъ, посѣщающій Англію, хотя бы лишь на нѣсколько дней, сразу поражается этимъ явленіемъ. Онъ подмѣтитъ потребность къ независимой жизни въ коттеджѣ самаго скромнаго чиновника, — жилище, конечно, тѣсное, но защищенное отъ всякаго стѣсненія и отдѣленное отъ всякаго сосѣдства. То же наблюдается и въ самыхъ многочисленныхъ вокзалахъ, гдѣ публика ежечасно циркулируетъ, не будучи загнана за ограду, какъ стадо барановъ, охраняемое сторожами, какъ будто нужно насильно оберегать людей, неспособныхъ быть настолько внимательными къ себѣ, чтобы ихъ раздавили. Иностранецъ встрѣчаетъ въ Англіи и энергію расы одинаково какъ въ тяжеломъ трудѣ рабочаго, такъ и въ работѣ учащагося юноши, который, будучи предоставленъ самому себѣ съ юныхъ лѣтъ, учится самъ, какъ вести себя, зная, что въ жизни никто кромѣ него самого не позаботится о его судьбѣ, у профессоровъ, которые даютъ слишкомъ мало въ смыслѣ образованія и слишкомъ много въ дѣлѣ воспитанія характера, который они считаютъ

величайшей двигательной силой въ мірѣ *). Пріѣзжій, проникая въ общественную жизнь гражданина, увидитъ, что люди обращаются не къ государству, а всегда къ личной инициативѣ, когда приходится починить какой-нибудь фонтанъ въ деревнѣ, или построить морской портъ, или создать желѣзную дорогу. Продолжая далѣе свои наблюденія, иностранецъ вскорѣ убѣдится, что народъ этотъ, несмотря на свои недостатки, дѣлающіе его самымъ невыносимымъ народомъ для иностранцевъ, является, дѣйствительно, единственнымъ свободнымъ народомъ, потому что это единственный народъ, который, научившись управлять самъ собою, могъ предоставить своему правительству лишь минимумъ государственной дѣятельности. Перечитывая исторію англійскаго народа, можно видѣть, что онъ первый сумѣлъ освободить себя отъ всякаго господства — какъ отъ господства Церкви, такъ и отъ власти королей. Съ XV вѣка законовѣдь Фортескью противопологалъ „законъ римскій (римское право), наследство народовъ латинской расы, закону англійскому; первый является дѣломъ абсолютныхъ правителей, направленнымъ къ порабощенію личности, а второй — дѣломъ народной воли и потому всегда готовъ покровительствовать личности“.

Въ какой бы пунктъ земного шара ни направился подобный народъ, онъ явится тамъ сразу господствующимъ и способнымъ основать сильное государство. Если завоеванная имъ раса, подобно, напр., краснокожимъ Америки, оказывается достаточно слабой и недостаточно полезной, то она методически искореняется. Если же завоеванная раса, подобно народамъ

*) Уполномоченный англійской королевой опредѣлить условія ежегодной преміи, назначенной ей для колледжа Веллингтона, принцъ Альбертъ рѣшилъ, что премія эта будетъ предоставлена не лучшему по познаніямъ ученику, а тому, характеръ котораго будетъ признанъ наиболѣе развитымъ. У народа латинской расы, конечно, премія была бы присуждена ученику, который бы сумѣлъ лучше рассказать то, что онъ выучилъ въ учебникахъ. Все наше образованіе, включая и высшее (рѣчь идетъ о французсахъ), къ этому рассказыванію и сводится.

Индій, слишкомъ многочисленна, чтобы ее можно было удобно истребить, и можетъ, кромѣ того, дать какой-нибудь производительный трудъ, то ее просто приводить въ состояніе подданства (вассальство), весьма жестокаго, и обязываютъ работать почти исключительно на своихъ завоевателей.

Но изумительные успѣхи, обусловливаемые умственнымъ складомъ англійской расы, особенно можно прослѣдить въ такой новой странѣ, какъ Америка. Извѣстно, чѣмъ стала англійская раса, переселенная въ эти области безъ культуры, сле населенныя нѣсколькими дикарями, и рассчитывая лишь на свои собственные силы. Англичанамъ понадобилось здѣсь почти столѣтіе, чтобы занять первое мѣсто среди великихъ государствъ міра. Теперь же никто не можетъ состязаться съ Америкой. Я рекомендую прочесть книги Рузвельта и Поля Бурже о Соединенныхъ Штатахъ лицамъ, желающимъ дать себѣ отчетъ о громадной суммѣ инициативы и личной энергіи, расходуемой гражданами великой республики. Приспособленность людей къ самоуправленію, къ общенію для основанія большихъ предпріятій, къ созданію городовъ, школъ, портовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. доведена до такого максимума, а дѣятельность государства до такого минимума, что можно почти сказать, что въ Америкѣ не существуетъ общественныхъ властей. Помимо полиціи и дипломатическаго представительства, даже мудрено сказать, къ чему могли бы тамъ служить общественныя власти.

Впрочемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ можно процвѣтать лишь при условіи обладать только такими качествами характера, какія я описалъ выше, и вотъ почему переселенія иностранцевъ не могутъ измѣнить общаго духа американской расы. Условія существованія таковы, что кто не обладаетъ вышеприведенными качествами, тотъ осужденъ на скорую погибель. Въ этой атмосферѣ, насыщенной независимостью и энергіей, можетъ жить лишь англо-саксонецъ. Итальянецъ умираетъ тамъ съ голоду, ирландецъ и негръ прозябаютъ на самыхъ низшихъ должностяхъ.

Великая американская республика представляетъ несомнѣнно страну свободы, но, конечно, не страну ни равенства, ни братства, этихъ двухъ латинскихъ химеръ, которыя несовмѣстимы съ законами прогресса. Ни въ одной странѣ земного шара естественный подборъ не далъ себя такъ грубо почувствовать, какъ въ Америкѣ. Здѣсь онъ оказывается безжалостнымъ, но именно потому, что естественный подборъ не знаетъ жалости, та раса, въ образованіи которой онъ участвовалъ, сохранила свое могущество и свою энергію.

Здѣсь нѣтъ мѣста для слабыхъ, жалкихъ и неспособныхъ. Въ силу своихъ низкихъ качествъ отдѣльные индивидуумы и цѣлыя расы осуждены здѣсь на погибель. Краснокожіе, сдѣлавшіеся бесполезными, были истреблены ружейными выстрѣлами или осуждены на голодную смерть. Китайскіе рабочіе, трудъ которыхъ является стѣснительной конкуренціей, должны будутъ подвергнуться въ концѣ концовъ той же участи. Законъ, который постановилъ ихъ полное выселеніе изъ Америки, не могъ быть приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе громадныхъ издержекъ *).

Эта высылка, вѣроятно, скоро будетъ замѣнена методическимъ истребленіемъ китайцевъ, начавшимся уже во многихъ участкахъ съ копами. Недавно долженъ былъ вотироваться новый законъ, запрещающій въѣздъ на американскую территорію бѣднымъ эмигрантамъ. Что касается негровъ, послужившихъ предлогомъ къ войнѣ за отдѣленіе Юга отъ Сѣверо-Американскаго Союза—войнѣ между рабовладѣльцами и тѣми, которые, не имѣя возможности обладать рабами, не желали, чтобы ими обладали другіе,—то негровъ почти терпятъ, потому что ихъ употребляютъ на такія работы, отъ которыхъ отказался бы всякій американецъ. Теоретически негры

*) 53 конгрессъ отложилъ выполненіе закона Джери (Chinese exclusion act) лишь только потому, что было определено, что на выселеніе 100,000 китайцевъ понадобится издержать 30 милліоновъ франковъ, а внесенная въ бюджетъ сумма на изгнаніе китайскихъ рабочихъ равнялась лишь 100,000 франковъ.

пользуются всеми правами, но на практикѣ съ ними обращаются какъ съ животными наполовину полезными, отъ которыхъ избавляются, какъ только они становятся опасными. Общія приемы закона Линча признаются повсюду достаточными для нихъ. При первомъ же проступкѣ негровъ разстрѣливаютъ или вѣшаютъ.

Это, конечно, темныя стороны картины, которая достаточно блестяща, чтобы ихъ выносить. Если бы понадобилось опредѣлить однимъ словомъ разницу между континентальной Европой и Соединенными Штатами, то можно было бы сказать, что первая представляетъ максимумъ всего, что могутъ дать официальные узаконенія, замѣняющія личную инициативу, а вторые—максимумъ того, что можетъ дать индивидуальная инициатива, вполне избавленная отъ всякихъ официальныхъ узаконеній. Эти основныя различія являются исключительными послѣдствіями характера. Европейскій социализмъ не можетъ процвѣтать и укорениться на почвѣ этой грубой республики. Какъ послѣднее выраженіе тираніи государства, социализмъ можетъ процвѣтать лишь у устарѣвшихъ расъ, подчиненныхъ вѣками режиму, который у нихъ отнялъ всякую способность къ самоуправленію *).

Мы видѣли, что произвела въ одной части Америки раса, обладавшая извѣстнымъ умственнымъ складомъ, причемъ господствуютъ: настойчивость, энергія и воля. Намъ остается показать, чѣмъ стала страна, почти сходная, въ рукахъ другой расы, хотя и очень развитой въ умственномъ отношеніи, но не обладавшей ни однимъ изъ тѣхъ качествъ характера, послѣдствія которыхъ я констатировалъ.

*) Америка, которую я описалъ, Америка нашихъ дней, но на завтра все можетъ измѣниться. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, что въ слѣдствіе недавняго вторженія громаднаго числа низшихъ элементовъ, не усвоившихъ ей угрожающаго гигантскаго гражданскаго война и распадена на многіе штаты—независимые и въ вѣчной борьбѣ, какъ въ Европѣ.

Южная Америка, съ точки зрѣнія ея естественныхъ продуктовъ, является одной изъ богатѣйшихъ странъ земного шара. Вдвое больше Европы и вдесятеро менѣ населенная, а потому тамъ нѣтъ недостатка въ землѣ, и земля находится, такъ сказать, въ распоряженіи всѣхъ. Господствующее населеніе ея испанскаго происхожденія, раздѣлено на многочисленныя республики: Аргентинскую, Бразильскую, Чилийскую, Перувианскую и пр. Всѣ онѣ приняли политическое устройство Соединенныхъ Штатовъ и живутъ, слѣдовательно, подъ властью тождественныхъ законовъ. Благодаря одному тому факту, что раса различна и лишена тѣхъ основныхъ качествъ характера, какими обладаетъ раса, населяющая Соединенные Штаты, всѣ эти республики безъ исключенія оказываются безпрестанно во власти самой кровавой анархіи и, несмотря на изумительныя богатства почвы, одна за другой подвергаются всякаго рода хищеніямъ, банкротству и деспотизму.

Нужно просмотрѣть замѣчательное и безпристрастное сочиненіе Т. Чайльда объ испанско-американскихъ республикахъ, чтобы судить о глубинѣ ихъ паденія. Причины такого положенія заключаются всецѣло въ умственномъ складѣ расы, не обладающей ни энергіей, ни волей, ни нравственностью. Отсутствіе нравственности, въ особенности, превосходитъ все, что есть худшаго въ этомъ отношеніи въ Европѣ. Указывая на одинъ изъ величайшихъ городовъ, Буэносъ-Айресъ, авторъ объявляетъ его невозможнымъ для жительства людей, не потерявшихъ совѣсти и хотя сколько-нибудь нравственныхъ. По поводу одной не менѣ развращенной изъ этихъ республикъ, а именно Аргентинской, тотъ же авторъ говоритъ: „Изучая эту республику съ коммерческой точки зрѣнія, поражаешься той безнравственностью, которая афишируется повсюду“.

Что касается учреждений, то лучшимъ примѣромъ, насколько они являются продуктами расы и насколько невозможно перенести ихъ отъ одного народа къ другому, служить нижеслѣдующій, приводимый тѣмъ же авторомъ. Было крайне интересно рѣшить, что станетъ съ либеральными учрежде-

ніями Соединенныхъ Штатовъ при перенесеніи ихъ въ низшую расу. „Эти страны“, сообщаетъ Чайльдъ, говоря объ испанско-американскихъ республикахъ, „находятся подъ надзоромъ президентовъ, которые проявляютъ не менѣе абсолютное самодержавіе, чѣмъ самодержавіе русскихъ царей, даже болѣе абсолютное въ томъ отношеніи, что они защищены отъ всякихъ придирокъ европейскаго вліянія. Административный персоналъ состоитъ исключительно изъ ихъ фаворитовъ... Граждане вотируютъ, какъ имъ заблагоразсудится, и не дается никакого отчета объ ихъ избраніи. Аргентинская республика является республикой лишь по названію. На самомъ же дѣлѣ это олигархія людей, которые превратили политику въ торговое предпріятіе“.

Единственная страна, Бразилія, избѣгла нѣсколько этого глубокаго упадка, благодаря монархическому строю, который ставилъ власть внѣ соперничества. Но этотъ строй, слишкомъ либеральный для расъ, не обладающихъ ни волей, ни энергіей, въ концѣ концовъ палъ. Послѣ этого страна впала въ полную анархію, и въ теченіе немногихъ лѣтъ люди, пользующіеся властью, настолько расхитили казну, что пришлось увеличить налоги болѣе чѣмъ на 60%.

Конечно, не въ одной только области политики обнаружилось паденіе латинской расы, населяющей Южную Америку, но и во всѣхъ остальныхъ элементахъ цивилизаціи. Предоставленные самимъ себѣ, эти несчастныя республики вернутся къ чистому варварству. Вся промышленность и торговля въ нихъ находится въ рукахъ иностранцевъ: англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ. Вальнарайзо сталъ англійскимъ городомъ, и въ Чили ничего не осталось бы, если бы оттуда убрали иностранцевъ. Благодаря лишь имъ эти страны еще сохраняютъ тотъ внѣшній лоскъ цивилизаціи, который еще вводитъ въ заблужденіе Европу. Въ Аргентинской республикѣ находится 4 милліона бѣлыхъ испанскаго происхожденія, но можно ли указать хотя на одного, не считая иностранцевъ, который стоялъ бы во главѣ дѣйствительно какой-нибудь важной отрасли промышленности.

Этотъ ужасающій упадокъ латинской расы, предоставленной самой себѣ, сопоставляемый съ процвѣтаніемъ англійской расы въ сосѣдней странѣ, является крайне мрачнымъ, крайне грустнымъ, но въ то же время и весьма поучительнымъ опытомъ, какой только можно привести въ подтвержденіе изложенныхъ мною психологическихъ законовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Накимъ образомъ измѣненіе души расъ измѣняетъ историческую эволюцію народовъ.

Примѣры, приведенные нами, показываютъ, что исторія народа зависитъ не отъ его учреждений, а отъ его характера, т.-е. отъ его расы. Съ другой стороны, изучая образованіе историческихъ расъ, мы видѣли, что разложеніе ихъ происходитъ путемъ скрещиваній, и что народы, которые сохранили свое единство и свою силу, какъ нѣкогда арійцы въ Индіи, а англичане въ наше время въ своихъ различныхъ колоніяхъ, являются именно такими, которые всегда тщательно избѣгали смѣшиванія съ чужеземцами. Присутствіе иностранцевъ даже въ небольшомъ количествѣ достаточно, чтобы измѣнить душу народа. Оно заставляетъ народъ терять его приспособленность къ защитѣ характеровъ своей расы, памятники своей исторіи и дѣла своихъ предковъ. Это заключеніе вытекаетъ изъ всего предыдущаго. Если различные элементы какой-либо цивилизаціи должны быть разсматриваемы какъ внѣшнее выраженіе души народа, то очевидно, что какъ только душа даннаго народа измѣнится, то равнымъ образомъ должна измѣниться и его цивилизація. Исторія прошлаго доставляетъ намъ въ этомъ отношеніи безспорныя доказательства, а исторія будущаго дастъ намъ много другихъ подобныхъ же.

Прогрессивное преобразованіе римской цивилизаціи является однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ, на какіе можно

сослаться. Историки обыкновенно намъ представляютъ это событіе какъ результатъ разрушительныхъ вторженій варваровъ, но болѣе внимательное изученіе фактовъ показываетъ, съ одной стороны, что эти вторженія были мирнаго характера и никомъ образомъ не завоевательнаго или враждебнаго и они-то и довели имперію до упадка, а съ другой — что, далеко не желая разрушить римскую цивилизацію, варвары были, наоборотъ, всегда ея почтительными поклонниками и прилагали все свои усилія, чтобы воспринять и продолжить ее. Они старались изучить языкъ римлянъ, ихъ учрежденія и искусства. До послѣднихъ Меровинговъ они пытались продолжать еще ту великую цивилизацію, которую они унаслѣдовали. Все акты великаго императора Карла Великаго запечатлѣны этой мыслью.

Но мы знаемъ, что подобная задача всегда была неосуществима. Варварамъ понадобилось много столѣтій, чтобы создать, путемъ повторныхъ скрещиваній и условій тожественнаго существованія, нѣсколько однородную расу. И когда эта раса образовалась, они обладали, въ силу лишь факта новыхъ искусствъ, новымъ языкомъ, новыми учрежденіями, а слѣдовательно и новой цивилизаціей. Великая память Рима не переставала тяготѣть надъ этой цивилизаціей, но напрасно много разъ пробовали вызвать ее къ жизни. Напрасно эпоха Возрожденія пыталась воскресить ея искусства, и революція — ея учрежденія.

Варвары, которые постепенно завладѣли имперіей съ перваго вѣка нашей эры и въ концѣ концовъ, такъ сказать, поглотили ее, не думали вовсе уничтожать ея цивилизацію, но продолжить ее. Тогда, хотя они никогда не сражались съ Римомъ и ограничились большимъ смѣшеніемъ съ римлянами, со дня на день уменьшающимися въ числѣ, ходъ исторіи не измѣнился. Они не разрушали Имперіи, и притомъ вліянія ихъ смѣшенія съ римлянами оказалось достаточнымъ, чтобы уничтожить римскую душу. Можно, значитъ, сказать, что римская цивилизація никогда не была, такъ сказать, опрокинута, но просто продолжалась, преобразовываясь съ теченіемъ

вѣковъ вслѣдствіе одного лишь факта, что она попала въ руки различныхъ расъ.

Простой обзоръ исторіи варварскихъ нашествій оправдываетъ вполне вышеказанное.

Труды современныхъ ученыхъ и главнымъ образомъ Фу-стель де-Куланжа, доказали, что именно мирныя нашествия варваровъ, а вовсе не агрессивныя вторженія — въ большинствѣ случаевъ отраженныя наемниками, состоявшими на жалованьи у имперіи — вызвали постепенно ослабленіе римскаго могущества. Со временъ первыхъ императоровъ вошло въ обычай призывать варваровъ въ армію. Обычай этотъ все больше и больше примѣнялся, по мѣрѣ того какъ римляне, сдѣлавшись богатыми, стали отказываться отъ военной службы. И къ концу нѣсколькихъ вѣковъ въ арміи, какъ и въ администраціи, остались одни чужеземцы. „Вестготы, бургунды и франки сдѣлались союзными солдатами Римской Имперіи“.

Когда Римъ имѣлъ у себя на службѣ только однихъ варваровъ, и провинціи его стали управляться вождями варваровъ, то стало очевиднымъ, что вожди эти сдѣлаются независимыми. Они дѣйствительно этого добились, но Римъ пользовался такимъ вліяніемъ, что ни одному изъ нихъ не пришло въ голову ниспровергнуть Римъ даже тогда, когда уже власть его пришла въ упадокъ. Когда одинъ изъ этихъ вождей Одоакръ, король Геруловъ, овладѣлъ Римомъ въ 476 году, то онъ поторопился тогда просить императора римскаго, имѣвшаго резиденцію въ Константинополѣ, позволить управлять Испаніей съ званіемъ патриція. Ни одинъ изъ вождей не дѣйствовалъ иначе. Все они управляли провинціями всегда отъ имени Рима. Имъ никогда не приходила въ голову мысль пользоваться землей данной области или касаться ея учрежденій. Кловисъ считалъ себя римскимъ чиновникомъ и очень гордился, пріобрѣтѣ отъ императора титулъ консула. Тридцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, его наслѣдники примѣняли еще законы, полученные отъ императоровъ, и считали себя обязанными слѣдить за ихъ точнымъ выполненіемъ. Нужно

добиться до начала VII вѣка, чтобы видѣть, какъ вожди варвары въ Галліи позволили себѣ чеканить монету съ своимъ изображеніемъ. До тѣхъ поръ на монетахъ всегда чеканились изображенія римскихъ императоровъ. Можно сказать, что только съ этой эпохи галлы перестали считать римскаго императора своимъ вождемъ. Слѣдовательно, историки на самомъ дѣлѣ начинаютъ исторію Франціи за 200 лѣтъ раньше и даютъ намъ десятокъ лишнихъ королей.

Ничто такъ мало не походитъ на завоеваніе, какъ нашествіе варваровъ, потому что народы при этомъ сохраняютъ свои земли, свой языкъ и свои законы, чего никогда не происходитъ при настоящихъ завоеваніяхъ, какъ, напр., при завоеваніи Англіи норманнами.

Весьма вѣроятно, что исчезновеніе римскаго могущества происходило съ такой постепенностью, что современники тогдашнихъ событій даже не замѣтили этого. Провинціи призывали уже въ теченіе столѣтій управляться вождями, дѣйствовавшими отъ имени императоровъ. Весьма постепенно и медленно эти вожди наконецъ стали дѣйствовать на свой рискъ и страхъ. Въ сущности же ничто не измѣнилось. Тотъ же строй продолжался при новыхъ властителяхъ въ теченіе всей эпохи Меровинговъ.

Единственнымъ существеннымъ измѣненіемъ, которое въ концѣ концовъ стало весьма глубокимъ, было образованіе новой исторической расы и, какъ необходимое послѣдствіе этого, — согласно изложеннымъ нами законамъ, — народженіе новой цивилизаціи.

При этомъ вѣчно повтореніи однихъ и тѣхъ же явленій, которыя, повидимому, являются самыми положительными изъ законовъ исторіи, мы, вѣроятно, призваны въ настоящее время констатировать мирныя нашествія, подобныя тому, которое вызвало преобразованіе римской цивилизаціи. При общемъ усиленіи современной цивилизаціи можетъ казаться въ настоящее время, что уже нѣтъ варваровъ или, по крайней мѣрѣ, что эти варвары, затерявшись въ глубинѣ Азіи и Африки, слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы быть для насъ опас-

ными. Конечно, намъ нечего опасаться ихъ нашествія, и если они страшны, то, какъ я указалъ въ другомъ своемъ трудѣ, лишь вслѣдствіе той экономической конкуренціи, которую они когда-нибудь устроятъ Европѣ. Слѣдовательно, не о нихъ здѣсь рѣчь, но если варвары намъ кажутся очень отдаленными, то на самомъ дѣлѣ, въ сущности, они очень близки отъ насъ, гораздо ближе, чѣмъ въ эпоху римскихъ императоровъ. На самомъ дѣлѣ они находятся въ самомъ, такъ сказать, центрѣ цивилизованныхъ націй. Вслѣдствіе осложненія нашей современной цивилизаціи и прогрессивнаго обособленія индивидуумовъ, о которомъ я говорилъ, каждый народъ содержитъ громадное число низшихъ элементовъ, неспособныхъ приспособляться къ цивилизаціи, слишкомъ для нихъ возвышенной.

Это громадный ущербъ, увеличивающійся непрерывно, дѣйствіе котораго будетъ опасно для тѣхъ народовъ, на долю которыхъ онъ выпадетъ.

Въ настоящее время, какъ бы съ общаго согласія, къ Соединеннымъ Штатамъ направляются эти новые варвары, которые серьезно угрожаютъ цивилизаціи этого великаго народа. Пока переселеніе иностранцевъ происходило изрѣдка, и пока среди переселенцевъ господствовалъ англійскій элементъ, то усвоеніе ими американской цивилизаціи было легко и полезно. Оно даже создало величіе Америки. Въ настоящее же время Соединенные Штаты подверглись гигантскому вторженію низшихъ элементовъ, которыхъ они не хотятъ и не могутъ усвоить.

Отъ 1880 по 1890 годъ въ Америку выселилось около 6 милліоновъ эмигрантовъ, почти исключительно состоящихъ изъ жалкихъ рабочихъ разнаго происхожденія. Теперь на 1,100,000 жителей Чикаго насчитываетъ лишь четверть американцевъ. Въ этомъ городѣ находится 400,000 нѣмцевъ, 220 тысячъ ирландцевъ, 50 тысячъ поляковъ, 55 тысячъ чеховъ и пр. Между этими эмигрантами и американцами не происходитъ никакого сліянія. Они даже не даютъ себѣ труда выучиться языку своего новаго отечества и образуютъ въ немъ обыкновенныя колоніи, занятія плохо оплачиваемыми

работами. Это все въ большинствѣ случаевъ недовольные, а слѣдовательно враги. Въ большой желѣзнодорожной забастовкѣ они хотѣли ежечь Чикаго, и ихъ пришлось разстрѣливать безъ милосердія. Исключительно среди нихъ и набираются приверженцы грубаго и уравнивающего социализма, осуществимаго, быть можетъ, лишь въ разслабленной Европѣ, но совершенно антипатичнаго характеру истыхъ американцевъ. Междоусобія, которыя этотъ социализмъ посѣетъ на почвѣ великой республики, будутъ, въ сущности, междоусобіями растъ, достигшихъ различныхъ уровней эволюціи.

Повидимому, ясно, что въ гражданской войнѣ, которая готовится между Америкой американцевъ и Америкой иностранцевъ, побѣда будетъ не на сторонѣ варваровъ. Это гигантская бойня закончится, безъ сомнѣнія, одной изъ гекатомбъ, воспроизводящей въ громадномъ масштабѣ полное истребленіе кимбровъ Маріемъ.

Если только борьба нѣсколько запоздастъ, и вторженіе иностранцевъ будетъ продолжаться, то она не разрѣшится полнымъ истребленіемъ. Судьба Соединенныхъ Штатовъ вѣроятно въ такомъ случаѣ будетъ такая же, какъ и судьба Римской Имперіи, т. - е. раздѣленіе существующихъ провинцій республики на независимые штаты, также раздробленные и также часто ведущіе между собою войны, какъ и подобныя же мелкія области въ Европѣ или испанской Америкѣ.

Не одной Америкѣ угрожаютъ подобныя вторженія. Въ Европѣ существуетъ одно государство, а именно Франція, которая находится подъ такой же угрозой. Это страна богатая, населеніе которой больше не увеличивается, но она окружена бѣдными странами, населеніе которыхъ безпрестанно растетъ. Вторженіе во Францію такихъ сосѣдей является роковымъ, тѣмъ болѣе роковымъ, что возрастающія требованія французскихъ рабочихъ дѣлаютъ его необходимымъ для потребностей земледѣлія и промышленности. Выгоды, которыя находятъ на французской землѣ подобные эмигранты, очевидны. Имъ не приходится подвергаться воинской повинности, не

приходится платить налоговъ, или налоги ничтожныя въ качествѣ иностранныхъ кочевниковъ; они здѣсь находятъ болѣе легкій трудъ и притомъ лучше оплачиваемый, чѣмъ у себя на родинѣ. Переселенцы направляются къ Франціи не только потому, что она богаче, но также и потому, что другія страны изобрѣтаютъ ежедневно мѣры къ ихъ выселенію.

Вторженіе иностранцевъ во Францію тѣмъ опаснѣе, что они являются, конечно, самыми низшими элементами, такими, которые въ своемъ отечествѣ оказались непригодными и потому эмигрировали. Наши гуманные принципы осуждаютъ насъ терпѣть это возрастающее вторженіе иностранцевъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ихъ было только 400,000, а теперь болѣе 1,200,000, и они являются ежедневно все въ большемъ количествѣ. Если принять въ соображеніе только однихъ итальянцевъ, то можно было бы считать Марсель итальянской колоніей. Сама Италия не имѣетъ ни одной колоніи, которая содержала бы такое количество итальянцевъ. Если существующія условія не измѣнятся, т. - е. если эти вторженія не остановятся, то понадобится не много времени, чтобы во Франціи треть населенія стала нѣмецкой, а треть — итальянской. Во что превращаетъ единеніе или просто существованіе народа при подобныхъ условіяхъ? Самыя ужасныя неудачи на поляхъ сраженій были бы менѣе опасны для народа, чѣмъ подобныя вторженія *).

*) Такъ какъ подобныя вторженія являются слѣдствіемъ извѣстныхъ экономическихъ явленій, съ которыми ничего не подѣлаешь, то невозможно имъ воспрепятствовать. Можно было бы, однако, принять извѣстныя мѣры, которыя дали бы возможность по крайности ихъ замедлить, напр.: обязательная военная служба въ иностранной арміи для всѣхъ иностранцевъ моложе 25 лѣтъ и живущихъ въ чужой странѣ 2 года. Воинская повинность для болѣе старшаго возраста, почти безусловная отмѣна перехода въ чужое подданство. Налогъ на четверть доходовъ или жалованье иностранцевъ, натурализованныхъ или какъ пребывающихъ во Франціи менѣе 50 лѣтъ, и пр.

лись древніе народы, опасаясь сближеній съ чужеземцами; они знали хорошо, что значеніе каждой страны оцѣниваемо не по числу ея жителей, а по числу ея гражданъ.

Итакъ, мы еще разъ убѣждаемся, что въ основѣ всѣхъ историческихъ и общественныхъ вопросовъ всегда лежитъ неизбѣжный вопросъ о расахъ. Онъ господствуетъ надъ всѣми остальными.

Книга четвертая.

Какъ видоизмѣняются психологическіе признаки расъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе идей въ жизни народовъ.

Указавъ на то, что психологическіе признаки расъ обладаютъ большою устойчивостью и что изъ этихъ признаковъ вытекаетъ исторія народовъ, мы добавили, что психологическіе элементы могутъ, подобно видовымъ анатомическимъ элементамъ, современемъ преобразоваться путемъ медленныхъ наследственныхъ накопленій. Эволюція цивилизацій главнымъ образомъ и зависитъ отъ подобныхъ преобразованій.

Факторы, могущіе вызывать психологическія измѣненія, разнообразны. Разныя потребности, конкуренція, дѣйствіе различной среды, успѣхи наукъ и промышленности, воспитаніе, вѣрованія и многое другое оказываютъ въ этомъ отношеніи извѣстное вліяніе. Мы посвятили уже одно сочиненіе изученію значенія каждого изъ этихъ факторовъ, а потому не станемъ обсуждать здѣсь этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Мы обращаемся къ нему лишь затѣмъ, чтобы показать механизмъ

дѣйствія нѣкоторыхъ существенныхъ факторовъ, взятыхъ на выборъ. Этому обсужденію и будутъ посвящены настоящая и слѣдующія главы.

Изученіе разнообразныхъ цивилизацій, слѣдовавшихъ другъ за другомъ отъ начала міра, доказываетъ, что онѣ всегда сопровождалась въ своемъ развитіи весьма ограниченнымъ количествомъ основныхъ идей. Если бы исторія народовъ сводилась къ исторіи ихъ идей, то она никогда бы не была очень длинной. Когда какой-нибудь цивилизаціи удалось создать въ теченіе одного столѣтія двѣ или три основныя руководящія идеи въ области искусствъ, науки, литературы или философіи, то можно считать, что такая цивилизація была исключительно блестящей.

Идеи могли бы оказывать существенное вліяніе на душу народовъ лишь тогда, когда, вслѣдствіе весьма медленной выработки ихъ, онѣ снизошли бы изъ подвижныхъ областей мысли въ ту устойчивую и бессознательную область чувствъ, въ которой вырабатываются поводы къ нашимъ поступкамъ и дѣйствіямъ. Только тогда идеи становятся элементами характера и могутъ вліять на поведеніе человѣка. Характеръ отчасти образуется изъ наслоенія бессознательныхъ идей.

Когда идеи подверглись этой медленной обработкѣ, то сила ихъ становится весьма значительной, потому что тогда уже разумъ перестаетъ на нихъ дѣйствовать. Человѣкъ убѣжденный, охваченный какой-либо идеей, религіозной или иной, становится недоступенъ всякимъ сужденіямъ, какъ бы уменъ онъ ни былъ. Все, что онъ можетъ попытаться сдѣлать, а часто и не станеть пытаться, это путемъ различныхъ изгибовъ мысли или искаженій, нерѣдко значительныхъ, ввести идею, которую у него оспариваютъ, въ кругъ тѣхъ воззрѣній, подъ вліяніемъ коихъ онъ находится.

Если идеи могутъ обнаруживать какое-либо дѣйствіе лишь послѣ того, какъ онѣ медленно сошли изъ областей сознательнаго въ область бессознательнаго, то намъ становится понятно, съ какой медленностью онѣ должны преобразовываться, и почему руководящія идеи данной цивилизаціи такъ

немногочисленны и требуютъ такъ много времени для своей эволюціи. Мы должны радоваться, что дѣло обстоитъ такъ, потому что иначе цивилизаціи не имѣли бы никакой устойчивости. Хорошо также и то, что новыя идеи могутъ со временемъ дойти до того, что будутъ приняты, потому что если бы старыя идеи были абсолютно неподвижны, то цивилизаціи не могли бы осуществить никакого прогресса. Благодаря медленности нашихъ психическихъ преобразованій нужно нерѣдко, чтобы люди пережили много періодовъ, чтобы достигнуть торжества новымъ идеямъ, и еще много человѣческихъ жизней потребуется, чтобы эти новыя идеи исчезли. Самые образованные народы тѣ, руководящія идеи которыхъ могли удержаться на одинаковомъ разстояніи отъ измѣнчивости и устойчивости. Исторія переполнена остатками тѣхъ народовъ, которые не смогли удержать этого равновѣсія.

Легко, слѣдовательно, изобразить, когда передистываешь исторію народовъ, что здѣсь больше всего поражаетъ не богатство и новизна ихъ идей, а, наоборотъ, крайняя бѣдность этихъ идей, медленность ихъ преобразованій и то самое вліяніе, которое онѣ проявляютъ. Цивилизаціи являются результатомъ нѣсколькихъ основныхъ идей, и когда эти идеи измѣняются, то цивилизаціи тотчасъ же осуждаются на преобразование. Средніе вѣка поддерживались двумя главными идеями: идеей религіозной и идеей феодальной. Изъ этихъ двухъ идей произошли всѣ средневѣковыя искусства, литература и общее средневѣковое міросозерцаніе. Въ эпоху возрожденія эти обѣ идеи нѣсколько измѣнились; идеаль, открытый въ древне-латинскомъ мірѣ, сталъ господствующимъ въ Европѣ и тотчасъ же стали измѣняться: міровоззрѣніе, искусство, философія и литература. Затѣмъ господство традицій пошатнулось, научныя истины замѣнили постепенно истину, полученную путемъ откровенія, и цивилизація еще разъ подверглась новому преобразованію. Въ настоящее время старыя религіозныя идеи, повидимому, окончательно утратили большую часть своего вліянія, и въ силу одного этого факта всѣ об-

щественныя учрежденія, опиравшіяся на это вліяніе, рискуютъ распасться.

Исторія зарожденія идей, ихъ господства, пользованія ими, ихъ преобразованія и исчезновенія могла бы быть построена лишь на многочисленныхъ примѣрахъ. Если бы мы могли вдаваться въ подробности, то мы показали бы, что каждый изъ элементовъ цивилизаціи—философія, вѣрованія, искусство, литература и пр., подчиненъ крайне ограниченному числу руководящихъ идей, эволюція которыхъ весьма медленна. Даже науки не могутъ избѣгнуть этого закона. Вся современная физика исходитъ изъ идеи неразрушимости энергій, вся біологія—изъ идеи трансформизма, вся медицина—изъ идеи дѣйствія безконечно малыхъ, и исторія этихъ идей показываетъ, что хотя онѣ обращаются къ наиболѣе просвѣщеннымъ умамъ, онѣ устанавливаются лишь малопомалу и съ трудомъ. Въ теченіе одного столѣтія, въ которомъ все идетъ такъ быстро, въ области изслѣдованій, въ которой страсти и личный интересъ остаются непричемъ, установленіе какой-нибудь основной научной идеи требуетъ срока не менѣе 25 лѣтъ. Самыя ясныя, очевидныя, легко доказываемыя идеи, дающія наименѣе повода къ возраженіямъ, какъ, напр., идея о кровообращеніи, потребовали для своего, такъ сказать, закрѣпленія не менѣе продолжительнаго срока.

Будетъ ли рѣчь идти объ идеѣ научной, художественной, философской, религіозной, словомъ о какой бы то ни было идеѣ, распространеніе ея совершается всегда путемъ тождественнаго, одного и того же механизма. Необходимо, чтобы идея была сначала воспринята небольшимъ числомъ апостоловъ, которымъ сила ихъ убѣжденія или авторитетъ ихъ имени придаютъ много обаянія. Тогда они дѣйствуютъ больше внушеніемъ, чѣмъ путемъ доказательствъ, или демонстративно. Но въ значеніи демонстраціи (доказательствъ) нужно искать существенные элементы механизма убѣжденія. Идеи показываются или путемъ обаянія, какимъ обладаютъ, или обращаясь къ страстямъ, но нельзя въ этомъ отноше-

ніи оказать никакого вліянія, обращаясь исключительно къ разуму. Массы никогда не допустятъ убѣдить себя доказательствами, а только утвержденіями, и авторитетъ этихъ утверждений зависитъ исключительно отъ того обаянія, какимъ обладаетъ проповѣдникъ.

Когда апостоламъ удалось убѣдить небольшой кружокъ своихъ приверженцевъ и создать такимъ образомъ новыхъ апостоловъ, то новая идея перешла въ область обсужденій. Они сначала вызываетъ всеобщее противодѣйствіе, потому что невольно наталкивается на многія старыя установившіяся истины. Апостолы, защищающіе ее, естественно возбуждаются этимъ противорѣчіемъ, которое лишь убѣждаетъ ихъ въ ихъ превосходствѣ надъ другими людьми, и они съ энергіей защищаютъ новую идею не потому, что она вѣрна—часто даже они и не знаютъ того сами,—а просто потому, что они ее приняли. Новая идея тогда оспаривается и обсуждается все больше и больше, т. е. въ сущности признается силою одними и сплошь отвергается другими. Обмѣниваются при этомъ утвержденіями и отрицаніями и очень мало аргументами. Единственными поводами къ принятію или отрицанію идеи могутъ являться для большинства мозговъ лишь поводы со стороны чувства, причемъ разсужденіе не играетъ никакой роли.

Благодаря такимъ преніямъ, всегда отличающимся страстностью, идея прогрессируетъ медленно. Новыя поколѣнія, которыя находятъ эту идею спорной, стараются принять ее именно потому, что она спорная. Для молодого поколѣнія, всегда жаждущаго независимости, сплошное противодѣйствіе общепринятымъ идеямъ является формой оригинальности, наиболѣе для него доступной.

Идея, слѣдовательно, продолжаетъ расти и вскорѣ она уже не нуждается ни въ какой поддержкѣ. Она затѣмъ распространяется повсюду путемъ простого воздѣйствія подражанія, путемъ заразы, т. е. способности, которой люди одарены вообще въ столь же высокой степени, какъ и большія

человѣкоподобныя обезьяны, каковыхъ новѣйшая наука считаетъ прародителями людей.

Какъ только наступаетъ механизмъ зараженія, идея вступаетъ въ ту фазу развитія, которая приводитъ ее обязательно къ усиѣху. Общее мнѣнiе вскорѣ признаетъ ее. Она пріобрѣтаетъ тогда силу проникновенія, которая распространяетъ ее постепенно во все мозги, создавая сразу нѣчто вродѣ специальной атмосферы, общаго способа мышленія. Подобно мелкой уличной пыли, проникающей повсюду, идея проскальзываетъ во все соображенія и произведенія данной эпохи. Идея и ея послѣдствія тогда составляютъ часть того матеріала унаслѣдованныхъ пошлостей, какой намъ внушаетъ воспитаніе. Идея восторжествовала и перешла въ область чувства, что отнынѣ надолго избавляетъ ее отъ всякихъ на нее враждебныхъ покушеній.

Изъ тѣхъ разнообразныхъ идей, которыя сопровождаютъ цивилизацію и руководятъ ею, однако, относящіяся, положимъ, къ искусствамъ или философiи остаются въ высшихъ слояхъ націи, другія, относящіяся къ религіознымъ воззрѣніямъ и политическимъ, снисходятъ къ народнымъ массамъ. Но онѣ достигаютъ ихъ вообще въ сильно искаженной формѣ, и когда попадаютъ въ толпу, то вліяніе, какое онѣ оказываютъ на простые первобытныя души, неспособныя къ разсужденію, громадно. Идея тогда представляетъ нѣчто непобѣдимое, и ея результаты распространяются съ силой потока, не задерживаемаго никакой плотиною. Всегда легко отыскать среди народа 100 тысячъ людей, готовыхъ пожертвовать жизнью въ защиту идеи, какъ только идея эта ихъ поработила. Тогда-то и наступаютъ тѣ великія событія, которыя ведутъ къ переворотамъ въ исторіи, переворотамъ, выполненіе которыхъ можетъ быть осуществлено только народной массой. Религiи, управлявшія міромъ, были установлены не учеными, философами или художниками, а также не они создали обширныя государства, распространенныя съ одного полушарія на другое, и не они устроили тѣ религіозныя и политическіе перевороты, которые перевернули Европу. Все

это было создано людьми безграмотными, достаточно вдохновенными идеей, чтобы пожертвовать своею жизнью ради ея распространенія. Съ такимъ богачомъ, теоретически очень ничтожнымъ, но практически весьма вѣскимъ, кочевники пустыни Аравіи завоевали часть древняго міра греко-римскаго и основали одну изъ громаднѣйшихъ имперій, какія когда-либо знала исторія. Съ подобнымъ же нравственнымъ богачомъ—господствомъ идеи—герои-солдаты конвента побѣдносно взирали на вооруженную Европу.

Сильное убѣжденіе настолько непреодолимо, что оно само по себѣ уравниваетъ шансы побѣдоносной борьбы съ нимъ. Для вѣры серьезнымъ противникомъ является только вѣра. Она увѣрена въ побѣдѣ, когда та матеріальная сила, какая ей противопоставляется, находится во власти слабыхъ чувствъ и ослабленныхъ вѣрованій. Но если такая вѣра находится лицомъ къ лицу съ вѣрой той же силы, то борьба становится очень оживленной, и успѣхъ тогда опредѣляется побочными обстоятельствами, чаще всего нравственного свойства, напр., духомъ дисциплины и лучшей организаціи. Изучая внимательно исторію арабовъ, которую мы сейчасъ приводимъ, мы могли бы констатировать, что въ своихъ первыхъ завоеваніяхъ—т.-е. именно самыхъ трудныхъ и важныхъ—они встрѣтили противниковъ нравственно весьма слабыхъ, хотя военная организація ихъ была довольно удовлетворительной. Сначала они направили свои силы въ Сирію. Они нашли въ ней лишь византійскія арміи, состоявшія изъ наемниковъ, мало расположенныхъ жертвовать собою ради чего бы то ни было. Вдохновленные сильной вѣрой, которая удесятерила ихъ силы, они разсѣяли эти войска, не носившія идеала, такъ же легко, какъ нѣкогда горсть грековъ, поддерживаемая любовью къ общинѣ, разсѣяла безчисленныхъ солдатъ Ксеркса. Исходъ ихъ предпріятія былъ бы совершенно иной, если бы нѣсколько вѣковъ раньше они натолкнулись бы на римскія когорты. Очевидно, что когда одинаково дѣйствуютъ и силы моральныя, то люди наилучше организованные одерживаютъ побѣду. У вандейцевъ, конечно, вѣра была очень сильна; это были убѣжденные, энер-

гичные люди, но солдаты конвента имѣли также весьма твердыя убѣжденія, и такъ какъ въ военномъ отношеніи были лучше организованы, то они и побѣдили.

Въ религіи, какъ и въ политикѣ, успѣхъ всегда на сторонѣ вѣрующихъ, а никогда не скептиковъ, и если теперь намъ кажется, что будущее принадлежитъ социалистамъ, несмотря на безпокойную нелѣпость ихъ догматовъ, то потому, что теперь только они одни являются людьми убѣжденными. Современные правящіе классы потеряли вѣру во все. Они больше ничему не вѣрятъ, даже возможности защищаться противъ угрожающей волны варваровъ, окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Когда, послѣ болѣе или менѣе долгаго періода пробъ, повтореній, искаженій, споровъ и пропаганды идея приобрѣла свою законченную форму и проникла въ душу массъ, она составляетъ догматъ, то-есть одну изъ тѣхъ абсолютныхъ истинъ, которыя не подлежатъ спору. Тогда она является частью общихъ вѣрованій, на которыхъ покоится существованіе народовъ. Ея всеобщій характеръ даетъ ей возможность играть преобладающую роль. Великія эпохи исторіи, вѣкъ Августа, какъ и вѣкъ Людовика XIV, являются тѣми эпохами, въ которыхъ идеи, вышедшія изъ періодовъ блужданія и сомнѣній, перешли въ періодъ устойчивости и стали господствующими въ области человѣческой мысли. Онѣ стали тогда блестящими свѣточами, и все, что онѣ освѣщали своимъ свѣтомъ, привало одинаковый оттѣнокъ.

Какъ только новая идея восторжествовала, она кладетъ свой отпечатокъ на малѣйшіе элементы цивилизаціи, но чтобы она произвела всѣ свои дѣйствія, необходимо, чтобы она проникла глубоко въ душу массъ. Съ умственныхъ вершинъ, въ которыхъ она зародилась, она спускается, слой за слоемъ, измѣняясь непрерывно, пока она не приметъ форму, доступную народной душѣ, которая доставитъ ей торжество. Она тогда является выраженной въ нѣсколькихъ словахъ, иногда

даже въ одномъ словѣ. Но это слово вызываетъ мощные образы, плѣнительные или страшные и, слѣдовательно, всегда производящіе впечатлѣніе. Такими, напр., являются рай и адъ въ средніе вѣка. Это короткія слова, обладающія волшебной силой отвѣчать на всѣ запросы и объяснять все простой душѣ. Для современнаго рабочаго слово „соціализмъ“ является одной изъ такихъ волшебныхъ и синтетическихъ формулъ, способной управлять душами. Слово это вызываетъ, смотря по тому, въ какія массы оно проникаетъ, разнообразныя, но мощныя образы, несмотря на ихъ неопредѣленные и распыляющіяся очертанія.

Для французскаго теоретика слово „соціализмъ“ вызываетъ образъ какого-то рая, въ которомъ люди, сдѣлавшись равными, будутъ наслаждаться подъ постояннымъ руководствомъ государства идейнымъ счастьемъ. Для нѣмецкаго рабочаго образъ, вызываемый словомъ соціализмъ, представляется въ видѣ дымной пивной, въ которой правительство будетъ предлагать даромъ всякому посетителю гигантскія пирамиды сосисекъ и кислой капусты съ безконечнымъ количествомъ кружекъ пива. Конечно, ни одинъ изъ нихъ, ни мечтающій о кислой капустѣ, ни мечтающій о равенствѣ, никогда не позаботится о томъ, чтобы узнать дѣйствительную сумму предметовъ, подлежащихъ раздѣлу, и число надѣляемыхъ. Суть идеи заключается въ томъ, что она выставляется въ абсолютной формѣ, не допускающей возраженій.

Когда идея наконецъ преобразовалась въ чувство и стала догматомъ, то она приобретаетъ торжество на долгій срокъ, и всякія сужденія напрасно будутъ пытаться пошатнуть ее. Безъ сомнѣнія, новая идея въ концѣ концовъ также подвергнется роли той, которую она замѣнила. Она состарится и придетъ въ упадокъ, но до своего полнаго израсходования ей придется претерпѣть плѣтый рядъ перерожденій. Прежде чѣмъ окончательно погибнуть, она долго будетъ составлять часть старыхъ унаслѣдованныхъ идей, которыя мы считаемъ предрасудками, но все же относимся къ нимъ почтительно. Старая идея, даже если она является уже не болѣе какъ

словомъ или звукомъ, призракомъ, обладаетъ волшебной силой, передъ которой мы еще преклоняемся.

Такъ поддерживается это старое наслѣдство ветхихъ идей, мнѣній, условностей, которыя мы благоговѣйно признаемъ и которыя не выдержали бы ни малѣйшей критики, если бы мы хотя на минуту подвергли ихъ обсужденію. Но много-ли найдется людей, способныхъ обсуждать свои собственные мнѣнія, и много ли такихъ мнѣній останется послѣ самаго поверхностнаго разбора ихъ?

Лучше ужъ и не покушаться прибѣгать къ этому опасному разбору. Къ счастью, мы мало къ этому склонны. Такъ какъ критическій умъ является такой высшей способностью, которая рѣдко встрѣчается, тогда какъ духъ подражанія представляется способностью весьма распространенной, то громадное большинство мозговъ воспринимаетъ безъ спора тѣ готовые идеи, которыми его снабжаетъ мнѣніе и передаетъ воспитаніе.

И вотъ, такимъ образомъ, путемъ наслѣдственности, воспитанія, среды, зараженія, мнѣнія, люди всякаго возраста и всякой расы приобрѣтаютъ сумму среднихъ воззрѣній (восприимчивости), которыя ихъ дѣлаютъ замѣчательно похожими другъ на друга и до того похожими, что, когда уже вѣка тяготѣли надъ ними, мы узнаемъ по ихъ произведеніямъ художественнымъ, философскимъ и литературнымъ ту эпоху, въ которую они жили. Безъ сомнѣнія, нельзя же было бы сказать, чтобы они абсолютно копировали другъ друга, но у нихъ было общаго то, что они одинаковымъ образомъ чувствовали, думали, поступали, т. е. пользовались такими тождественными способами проявленія духа, которые обязательно приводили ихъ къ крайне, такъ сказать, родственнымъ, близкимъ по духу произведеніямъ.

Нужно радоваться, что это такъ, потому что именно эта сѣть преданій, идей, чувствованій, вѣрованій, общихъ способовъ мышленія и образуетъ душу народа. Мы уже видѣли, что душа эта тѣмъ крѣпче, чѣмъ крѣпче подобная сѣть. Въ сущности только она одна и поддерживаетъ націю. Она не

можетъ распасться безъ того, чтобы тотчасъ же не произошло разложеніе этихъ націй. Она составляетъ одновременно ихъ силу и ихъ истинную власть. Иногда изображаютъ азиатскихъ властителей какъ какихъ-то деспотовъ, руководствуясь исключительно ихъ фантазіями. Фантазін же эти, наоборотъ, заключены въ границы замѣчательно тѣсныя. Напротивъ, въ особенности сильна эта сѣть преданій. Религіозныя преданія, столь пошатнувшіяся у насъ, тамъ сохранили всю свою мощь, и самый наиболѣе фантазирующій деспотъ никогда не коснется этихъ двухъ властителей, которыхъ онъ считаетъ сильнѣ себя, а именно: общественнаго мнѣнія и преданій.

Современный цивилизованный человѣкъ находится въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ критическихъ періодовъ исторіи, въ которомъ древнія идеи, изъ которыхъ возникла его цивилизація, потеряли свою власть, а новыя еще не образовались, и споръ терпимъ. Ему нужно обратиться либо къ эпохамъ древнихъ цивилизацій, либо оглянуться лишь за 2—3 столѣтія назадъ, чтобы понять, чѣмъ было тогда нго обычая и общественнаго мнѣнія, и узнать, чего стоило смѣлому новатору бороться съ этими двумя теченіями. Греки, о которыхъ невѣжественные риторы говорятъ намъ, что они были будто такъ свободны, на самомъ дѣлѣ были вполне подчинены игу общественнаго мнѣнія и обычая. Каждый гражданинъ былъ окруженъ цѣлымъ рядомъ вѣрованій, безусловно неприкосновенныхъ. Никто не помышлялъ оспаривать общепринятыхъ идей и переносилъ ихъ не обнаруживая духа противорѣчія. Греческій міръ не зналъ ни религіозной свободы, ни свободы частной жизни, ни вообще какихъ бы то ни было свободъ. Аѳинскій законъ даже не позволялъ гражданину жить въ собраніи или не праздновать по обрядамъ религіи національныхъ праздниковъ. Такъ называемая свобода древняго міра была лишь безсознательной, а слѣдовательно совершенной формой абсолютнаго порабощенія гражданина игу идей его города или общины. Въ положеніи той общей войны, въ какой жило тогда общество, то общество, члены котораго обладали бы свободой мыслить и дѣйствовать какъ имъ вздумается, не

просуществовало бы ни одного дня. Периодъ паденія для божества, учрежденій и догматовъ всегда начинался въ тотъ день, когда они подвергались оспариванію.

Такъ какъ въ новѣйшихъ цивилизаціяхъ тѣ старыя идеи, которыя служили основой обычаю и мнѣнію, были почти разрушены, то ихъ власть надъ душами стала весьма незначительной. Онѣ вступили въ ту фазу изнашиванія, во время которой старыя идеи переходятъ въ состояніе предразсудковъ. Пока онѣ не замѣнены новой идеей, въ умахъ царствуетъ анархія. Только благодаря этой анархіи можетъ быть допущено обсужденіе идей. Писатели, мыслители и философы должны благословлять нынѣшнія времена и торопиться воспользоваться ими, такъ какъ больше такихъ временъ они не увидятъ. Нынѣшній вѣкъ, быть можетъ, вѣкъ упадка, но зато это рѣдкій моментъ въ исторіи міра, когда выраженіе мысли свободно. Онъ долго не протянетъ. При существующихъ условіяхъ цивилизаціи европейскіе народы движутся къ такому состоянію общества, которое не потерпитъ и не допустить ни споровъ, ни свободы. Новые догматы, которые народились, установятся прочно лишь при условіи недопущенія никакихъ возраженій и съ тѣмъ, чтобы они были такъ же нетерпимы, какъ и тѣ, которые имъ предшествовали.

Современный человѣкъ ищетъ тѣхъ идей, которыя должны будутъ послужить основой будущаго общественнаго строя, и въ этомъ для него опасность. Важны въ исторіи народовъ и что именно и вліяетъ глубоко на судьбу ихъ—не революціи, не войны,—все это не оставляетъ долговременныхъ слѣдовъ,—а перемѣны, происходящія въ ихъ основныхъ идеяхъ и понятіяхъ. Эти перемѣны не могутъ быть выполнены безъ того, чтобы при этомъ не преобразовались всѣ элементы цивилизаціи даннаго народа. Настоящія революціи, настоящіе перевороты, которые только и могутъ быть опасны для существованія народа, заключаются въ перемѣнахъ, происходящихъ въ его основныхъ идеяхъ.

Не столько опасно для народа воспріятіе новыхъ идей, какъ послѣдующее испытаніе ихъ, на которое онъ обрекается,

прежде чѣмъ доберется до идей, могущихъ послужить солидной основой новаго порядка, предназначаемаго для замѣны стараго. Идея не потому опасна, что она ошибочна,—вѣдь и нѣкоторые религіозныя идеи были такими ошибками,—но потому, что требуются часто повторяемые опыты для того, чтобы убѣдиться, что новыя идеи могутъ приспособиться къ потребностямъ тѣхъ обществъ, которыя ихъ воспринимаютъ. Къ сожалѣнію, степенъ полезности новыхъ идей можетъ быть оцѣнена для массъ лишь путемъ опыта. Безъ сомнѣнія, нѣтъ надобности быть ни великимъ психологомъ, ни великимъ экономистомъ, чтобы предсказать, что примѣненіе существующихъ соціальныхъ идей приведетъ народы, которые ихъ примутъ, къ состоянію полнаго упадка и къ постыдному деспотизму. Но какъ помѣшать народамъ, которыхъ соблазняютъ идеи социализма, принять то новое евангеліе, какое имъ проповѣдуется?

Исторія часто намъ указываетъ на то, чего стоило испытаніе идей, неприемлемыхъ для данной эпохи, но не въ исторіи человѣкъ черпаетъ для себя уроки. Карлъ Великій тщетно пытался передѣлать Римскую имперію. Идея объединенія тогда уже была неосуществима, и дѣло его погибло вмѣстѣ съ нимъ, какъ впоследствии должно было погибнуть дѣло Наполеона. Филиппъ II бесполезно потратилъ свой геній и преобладавшее тогда владычество Испаніи на то, чтобы побѣдить духъ свободнаго изслѣдованія, который подъ названіемъ протестантизма распространился по Европѣ. Всѣми своими усиліями, направленными на борьбу съ новой идеей, онъ добился только того, что довелъ Испанію до состоянія разрушенія и упадка, изъ котораго ей уже никогда не пришлось выбраться. Въ наши дни лимеричныя идеи одного мечтателя, вдохновленнаго неизлечимой международной синтиментальностью своей расы, вызвали союзъ Италіи и Германіи и стоили намъ потери двухъ провинцій и продолжительнаго мира. Столь глубоко ложная идея, будто численность составляетъ силу армій, покрывала всю Европу чѣмъ-то вродѣ вооруженной національной охраны и ведетъ ее къ неизбѣжному банкротству. Идей социалистовъ

о работѣ, капиталѣ, превращеніи частной собственности въ государственную доведутъ до паденія тѣхъ народовъ, которые были пощажены постоянными арміями и банкротствомъ.

Принципъ національностей, столь цѣнный когда-то для государственныхъ дѣятелей, на которомъ они основывали всю свою политику, можетъ быть указанъ только въ числѣ тѣхъ руководящихъ идей, вредное вліяніе которыхъ приходилось испытать народамъ. Осуществленіе этого принципа привело Европу къ самымъ печальнымъ войнамъ, заставило ее вооружиться и послѣдовательно привести всѣ современные государства къ разрушенію и анархіи. Единственнымъ яснымъ доводомъ, который можно привести въ защиту этого принципа, являлся фактъ, что самыя большія страны и самыя населенныя оказываются наиболѣе сильными и наименѣе угрожаемыми. Оказывается теперь, что, наоборотъ, менѣе всего угрожаетъ опасность именно самымъ небольшимъ и наименѣе населеннымъ странамъ, какъ, напр., Португалія, Греція, Швейцарія, Бельгія, Швеція, небольшія княжества Балканскія и пр. Идея объединенія погубила Италію, когда-то процвѣтавшую, настолько, что она находится теперь наканунѣ революціи и банкротства.

Но людямъ не дано остановить ходъ идей, когда онѣ проникли въ души. Тогда нужно, чтобы эволюція ихъ завершилась, и чаще всего защитниками ихъ являются тѣ, которые намѣчены стать первыми ихъ жертвами. Только бараны послушно идутъ за сторожемъ, ведущимъ ихъ на бойню. Преклонимся передъ силой идеи. Когда она достигла извѣснаго періода своей эволюціи, то нѣтъ уже ни разсужденій, ни доказательствъ, которыя могли бы одолѣть ее. Чтобы народы могли избавиться отъ яра идеи, нужны вѣка или большія революціи, а иногда и то и другое. Человѣчеству не перечестъ тѣхъ химеръ, которыя оно себѣ создало и жертвой которыхъ поочередно дѣлалось.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Значеніе религіозныхъ вѣрованій въ эволюціи цивилизацій.

Среди разныхъ идей, руководящихъ народами, идеи, которыя бываютъ маяками исторіи и полюсами цивилизацій, религіозныя идеи сыграли слишкомъ преобладающую и слишкомъ важную основную роль, чтобы мы могли не посвятить имъ специальной главы.

Религіозныя вѣрованія всегда составляли самый важный элементъ въ жизни народовъ, а слѣдовательно и въ ихъ исторіи. Самыя замѣчательныя изъ историческихъ свѣдѣній, оказавшія самое колоссальное вліяніе, были рожденіе и смерть божества. Съ появленіемъ новой религіозной идеи нарождается новая цивилизація. Во всѣ періоды существованія человѣчества, въ древнія времена, какъ и въ новыя, основными вопросами всегда бывали вопросы религіозные. Если бы человѣчество могло допустить смерть своихъ божествъ, то о такомъ событіи можно было бы сказать, что, по своимъ послѣдствіямъ, оно было бы самымъ важнымъ изъ тѣхъ, какія совершались на поверхности нашей планеты со времени рожденія первыхъ цивилизацій.

Не нужно забывать въ самомъ дѣлѣ, что съ зарею историческаго времени всѣ политическія и общественныя учрежденія были основаны на религіозныхъ вѣрованіяхъ, и что на міровой сценѣ божества всегда играли главную роль. Помимо любви, которая является также могущественной религіей, но личной и временной, религіозныя вѣрованія одни могутъ дѣйствовать быстро на характеръ. Победы арабовъ, крестовые походы, Испанія временъ инквизиціи, Англія въ пуританскую эпоху, Франція съ Варфоломеевской ночью и войнами революціи показываютъ, чѣмъ становится народъ, фанатизированный своими химерами. Онѣ оказываютъ дѣйствіе, подобное непрерывной гипнотизаціи, настолько сильной, что благодаря ей преобразуется глубоко весь психическій складъ

человѣка. По всей вѣроятности, человѣкъ создалъ боговъ, но, создавъ ихъ, онъ немедленно былъ поработенъ ими. Это не продукты страха, какъ настаиваетъ Лукрецій, но результаты надежды, а потому влияніе ихъ будетъ вѣчнымъ.

То, что боги дали человѣку, и только они одни могли ему это дать,—состояніе ума, вѣрящаго въ счастье. Ни одна философія никогда еще не могла осуществить этой задачи.

Послѣдствіемъ, если не цѣлью, всѣхъ цивилизацій, всѣхъ философій, всѣхъ религій является зарожденіе извѣстныхъ настрояній ума. Изъ этихъ настроеній ума одни включаютъ идею счастья, другія не включаютъ ее. Очень мало отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но очень много отъ состоянія нашей души зависитъ наше счастье. Мученики на своихъ крестахъ вѣроятно чувствовали себя гораздо счастливѣе, чѣмъ ихъ палачи. Какой-нибудь лодочникъ, безопасно жуящій свою корку хлѣба, натертую чеснокомъ, можетъ быть въ душѣ болѣе счастливымъ, чѣмъ миллионеръ, осаждаемый заботами.

Эволюція цивилизацій, къ сожалѣнію, создала у современнаго человѣка массу потребностей, не давъ ему средствъ удовлетворить ихъ, и вызвала такимъ образомъ общее недовольство въ умахъ. Цивилизація, конечно, мать прогресса, но она также мать социализма и анархій, этихъ опасныхъ выраженій отчаянія толпы, не поддерживаемой уже никакимъ вѣрованіемъ. Сравните европейца, безпокойнаго, лихорадочнаго, недовольнаго своею судьбой, съ жителемъ Востока, всегда довольнаго своею судьбой. Чѣмъ они отличаются одинъ отъ другого, если не состояніемъ своей души? Народъ можно считать преобразованнымъ, когда преобразованъ его образъ воззрѣній, а слѣдовательно и его способъ мышленія и дѣйствія.

Найти средство создать настроеніе ума, дѣлающее человѣка счастливымъ, вотъ чего прежде всего должно добиваться общество подъ страхомъ въ противномъ случаѣ сократить свое существованіе. Всѣ общества, основанныя до сихъ поръ, имѣли для поддержки идеалъ, способный подчинять души, и они всегда исчезали, какъ только этотъ идеалъ переставалъ подчинять ихъ.

Однимъ изъ большихъ заблужденій новаго времени является мысль, что человѣческая душа можетъ найти счастье только во внѣшнихъ предметахъ. Счастье находится въ насъ самихъ, создается нами и почти никогда не возникаетъ помимо насъ. Свергнувъ идеалы прежняго времени, мы убѣждаемся теперь, что безъ нихъ жить нельзя и что для спасенія себя отъ гибели нужно открыть тайну, какъ ихъ замѣнить.

Истинными благодѣтелями человечества, такими, которые заслуживаютъ, чтобы благодарные народы воздвигли имъ колоссальныя золотыя статуи, являются тѣ могучіе чародѣй-творцы идеаловъ, которыхъ иногда производитъ человечество, но рѣдко. Надъ потокомъ пустыхъ призраковъ, единственныхъ реальностей, которыя человѣкъ когда-либо можетъ знать, надъ ледяными и красивыми оковами міра они создали мощныя и умиротворяющія химеры, скрывающія отъ человѣка мрачныя стороны его судьбы, и создали для него заколдованныя жилища, мечты и надежды.

Становясь исключительно на политическую точку зрѣнія, можно констатировать, что и здѣсь все-таки влияніе религіозныхъ вѣрованій громадно. Ихъ несокрушимую силу составляетъ то, что вѣрованія эти являются единственнымъ факторомъ, который можетъ моментально дать народу абсолютную общность интересовъ, чувствъ и мыслей. Религіозный духъ замѣняетъ, слѣдовательно, сразу эти медленныя послѣдственные накопленія, необходимыя для образованія души націи. Народъ, поработенный однимъ вѣрованіемъ, не измѣняетъ, конечно, своего умственнаго склада, но всѣ его способности обращаются къ одной цѣли: къ торжеству его вѣры, и, въ силу одного этого факта, могущество его становится громаднымъ. Въ эпохи вѣры народы, моментально преобразованные, выполняютъ чудесныя дѣйствія, основаніе имперій, удивляющія исторію. Такимъ образомъ нѣкоторыя арабскія племена, объединенныя идеей магометанства, завоевали въ теченіе немногихъ лѣтъ націи, которыя даже не слышали объ имени арабовъ, и основали свою громадную имперію.

Нужно принимать во внимание не качество вѣрованій, а степень вліянія, которое они оказываютъ на души. Не важно, будетъ призываемый богъ Молохомъ или инымъ еще болѣе варварскимъ божествомъ, но важно даже для его обаянія, чтобы божество было совершенно нетерпимымъ и варварскимъ. Боги слишкомъ снисходительные и мягкіе не даютъ никакой силы своимъ почитателямъ. Послѣдователи непреклоннаго Магомета господствовали въ теченіе долгаго времени въ большей части свѣта и опасны еще и въ настоящее время, а послѣдователи миротворца Будды не создали ничего прочнаго, и исторія ихъ предана забвенію.

Слѣдовательно, религіозный духъ сыгралъ большую политическую роль въ жизни народовъ, потому что онъ всегда былъ единственнымъ факторомъ, способнымъ дѣйствовать быстро на ихъ характеръ. Безъ сомнѣнія, боги не безсмертны, но религіозный духъ вѣченъ. Усыпленный на нѣкоторое время, онъ пробуждается, какъ только возникаетъ какое-либо новое божество. Онъ далъ возможность Франціи, сто лѣтъ тому назадъ, побѣдоносно не сдаваться вооруженной Европѣ. Миръ еще разъ увидѣлъ, что можетъ сдѣлать религіозный духъ, такъ какъ въ то время дѣйствительно существовала новая религія, которая воодушевила своимъ дыханіемъ цѣлый народъ. Божества, которыя тогда возникли, были слишкомъ хрупкими для долгаго существованія, но, пока они существовали, они обнаруживали абсолютную власть.

Сила преобразованія душъ, которой обладаютъ религіи, впрочемъ кратковременна. Рѣдко бываетъ, чтобы вѣрованія поддерживались долгое время на той степени напряженія, которая вполне преобразовываетъ характеръ. Мечта блѣднѣетъ, гипнотизированный нѣсколько пробуждается, и старая основа характера восстанавливается.

Тогда даже, когда вѣрованія являются всемогущими, національный характеръ распознается всегда по тому способу, какимъ эти вѣрованія воспринимаются, и по тѣмъ проявленіямъ, какія они вызываютъ. Разсмотримъ одно и то же вѣрованіе въ Англіи, въ Испаніи и во Франціи. Какія разли-

чія! Развѣ реформація была когда-нибудь возможна въ Испаніи, или Англія согласилась бы когда-либо подчиниться страшному игу инквизиціи? У народовъ, принявшихъ реформацію, развѣ не замѣчаются основные признаки тѣхъ расъ, которыя, несмотря на гипнотизацію, производимую вѣрованіями, сохранили особые признаки своего психическаго склада: независимость, энергію, привычку къ разсужденію и не рабское подчиненіе закону?

Исторія народовъ политическая, художественная и литературная является продуктомъ ихъ вѣрованій, но послѣднія, измѣняя характеръ, въ свою очередь глубоко измѣняются и подъ вліяніемъ характера. Характеръ народа и его вѣрованія—вотъ ключи его судьбы. Характеръ, въ своихъ основныхъ элементахъ, является неизмѣннымъ, и именно потому, что онъ не мѣняется, исторія даннаго народа всегда сохраняетъ нѣкоторое единство. Вѣрованія же могутъ мѣняться, и вотъ вслѣдствіе того, что они мѣняются, исторія заноситъ въ свои лѣтописи столько переворотовъ.

Малѣйшее измѣненіе въ состояніи вѣрованій даннаго народа имѣетъ обязательнымъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ преобразованій въ его существованіи. Мы говорили въ предыдущей главѣ, что во Франціи люди XVIII вѣка казались очень отличными отъ людей XVII-го. Несомнѣнно, но каково происхожденіе этого различія? Различіе просто заключается въ томъ, что изъ одного столѣтія въ другое умъ перешелъ отъ теологіи къ наукѣ, противопоставилъ разумъ преданію, истину фактическую истинѣ откровенія. Путемъ этого простого измѣненія воззрѣній, видъ одного столѣтія преобразовался, и если бы мы захотѣли прослѣдить послѣдствія этого измѣненія, то увидѣли бы, что великая французская революція, какъ и событія, которыя за нею слѣдуютъ и продолжаются еще и нынѣ, представляютъ обыкновенный результатъ эволюціи религіозныхъ идей.

И если въ настоящее время старое общество колеблется въ своихъ основахъ и видитъ свои учрежденія глубоко пошатнувшимися, то это потому, что оно все болѣе и болѣе

утрачиваетъ старыя вѣрованія, которыми жило до сихъ поръ. Когда оно ихъ утратитъ совсѣмъ, то новая цивилизація, основанная на новой вѣрѣ, обязательно займетъ ея мѣсто. Исторія намъ показываетъ, что народы недолго переживали исчезновеніе своихъ божествъ. Цивилизаціи, зародившіяся подъ ихъ вліяніемъ, умираютъ также вмѣстѣ съ ними. Нѣтъ ничего болѣе разрушительнаго, какъ прахъ старыхъ божествъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе великихъ людей въ исторіи народовъ.

Изучая іерархію и обособленность расъ, мы видимъ, что европейцевъ отъ восточныхъ народовъ обособляетъ то, что первые являются единственными, обладающими кружкомъ избранныхъ великихъ людей. Попытаемся намѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ предѣлы роли этихъ избранниковъ.

Та небольшая группа выдающихся людей, которой обладаетъ цивилизованный народъ и которую достаточно было бы устранить въ каждомъ поколѣніи, чтобы значительно понизить умственный уровень этого народа, составляетъ настоящее воплощеніе силъ всей расы. Отъ нея зависятъ успѣхи, осуществляемые въ наукахъ, искусствахъ, промышленности, словомъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи.

Исторія доказываетъ, что всѣми нашими успѣхами мы обязаны этой малочисленной избранной группѣ. Пользуясь этими успѣхами, толпа не любитъ, однако, чтобы кто-нибудь стоялъ выше нея, и потому самые величайшіе мыслители или изобрѣтатели часто являются жертвами толпы. Тѣмъ не менѣе всѣ поколѣнія, все прошлое расы распускаются въ этихъ чудныхъ геніяхъ, являющихся лучшими цвѣтками своей расы. Они составляютъ истинную славу націи, и каждый даже самый скромный представитель ея можетъ гордиться ими. Великіе люди не появляются случайно или какимъ-либо

чудомъ, но представляютъ увѣнчаніе долгаго прошлаго. Они обобщаютъ въ себѣ величіе своего времени и своей расы. Способствовать ихъ расцвѣтанію и развитію—это равносильно содѣйствію прогрессу, благодѣніями котораго пользуется все человѣчество. Если мы себя будемъ слишкомъ ослѣплять мечтами о всеобщемъ равенствѣ, то мы явимся его первыми жертвами. Равенство можетъ существовать только въ низшихъ слояхъ; оно является темной и тяжеловѣсной мечтой обыкновенныхъ посредственностей. Его осуществляли лишь періоды дикаго состоянія человѣчества. Чтобы въ мірѣ царствовало равенство, нужно было бы понизить мало-по-малу все, что имѣетъ какое-либо значеніе въ данной расѣ, до уровня того, что въ ней наименѣе возвышено.

Но если роль великихъ людей значительна въ развитіи цивилизаціи, то она все-таки не такова, какой вообще ее считаютъ. Вліяніе великихъ людей заключается въ синтетизированіи (обобщеніи) всѣхъ усилій данной расы; ихъ открытія всегда являются результатомъ длиннаго ряда предшествовавшихъ открытій. Они строили зданіе изъ камней, которые долго и медленно обтесывались другими. Слишкомъ односторонніе историки всегда думали, что они могутъ приклеить къ каждому открытію имя только одного человѣка—изобрѣтателя, а между тѣмъ среди великихъ открытій, которыя преобразовали міръ, какъ, напр., книгопечатаніе, порохъ, паръ, электрическій телеграфъ и пр., не найдется ни одного, про которое можно было бы сказать, что оно создано мозгомъ одного человѣка. При изученіи зарожденія такихъ открытій всегда оказывается, что они явились результатами цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ. Послѣднее открытіе изъ этого ряда является лишь, такъ сказать, вѣнцомъ всей работы. Наблюденіе Галилея надъ одновременностью колебаній висячей лампы подготовило изобрѣтеніе точныхъ хронометровъ, въ результатъ чего явилась для моряка возможность отыскивать вѣрно свой путь въ океанѣ. Порохъ явился результатомъ медленныхъ преобразованій греческаго огня. Паровая машина представляетъ сумму цѣлаго ряда изобрѣтеній, изъ которыхъ

каждое потребовало громадных работъ. Грекъ, если бы у него былъ во сто разъ увеличенный геній Архимеда, не могъ бы открыть локомотива. Да ему, впрочемъ, ни къ чему бы и не послужило это открытіе, потому что на выполнение его пришлось ждать успѣховъ машины, на что потребовалось бы 2 тысячи лѣтъ труда.

Чтобы быть по внѣшности болѣе независимой отъ прошлого, политическая роль великихъ государственныхъ дѣятелей не меньше связана съ ними, чѣмъ и роль великихъ изобрѣтателей. Ослѣпленные шумнымъ блескомъ этихъ могучихъ двигателей человѣчества, людей, которые преобразуютъ политическую жизнь народовъ, писателей и философовъ, какъ Гегель, Кузенъ, Карлейль и др., нѣкоторые думали сдѣлать изъ нихъ полубоговъ, которыхъ геній можетъ измѣнять судьбу народовъ. Конечно, такіе, люди могутъ нарушить эволюцію общества, но имъ не дано измѣнить ходъ эволюціи. Геній Кромвеля или Наполеона не могъ бы выполнить такой задачи. Великіе завоеватели могутъ уничтожить огнемъ и мечемъ города, людей и цѣлыя имперіи, такъ же какъ ребенокъ можетъ поджечь музей, наполненный сокровищами искусства, но такая разрушительная сила не должна намъ внушать иллюзіи относительно ихъ роли. Вліяніе великихъ политическихъ дѣятелей оказывается устойчивымъ лишь тогда, когда они, подобно Цезарю или Ришелье, умѣютъ направлять свои успѣхи соотвѣтственно потребностямъ минуты. Истинная причина ихъ успѣха въ такихъ случаяхъ вообще тогда за-долго предшествуетъ имъ самимъ. Двумя или тремя столѣтіями раньше Цезарь не подчинилъ бы великую Римскую республику закону одного диктатора, а Ришелье оказался бы неспособнымъ осуществить французское единство. Въ политикѣ настоящими великими дѣятелями являются тѣ, которые предчувствуютъ нарождающіяся потребности, событія, подготовленные прошлымъ, и указываютъ пути, которыми нужно слѣдовать. Никто, быть можетъ, не видѣлъ этого пути, но роковые успѣхи эволюціи должны были толкнуть на этотъ путь народы, въ судьбѣ которыхъ эти могучіе геніи тотчасъ же прини-

маютъ участіе. И эти геніи, подобно великимъ изобрѣтателямъ, также лишь обобщаютъ результаты долгой предшествовавшей работы.

Не слѣдовало бы однако, доводить слишкомъ далеко эти аналогіи между различными категоріями великихъ людей. Изобрѣтатели играютъ важную роль въ будущей эволюціи цивилизаціи, но никакой непосредственной роли въ политической исторіи народовъ. Тѣ великіе люди, которымъ мы обязаны весьма важными открытіями (телеграфъ и пр.), ставшими общимъ достояніемъ человѣчества, никогда не обладали такими качествами характера, какія необходимы для основанія религіи или для завоеванія имперіи, т.-е. для того, чтобы нагляднымъ образомъ измѣнить обликъ исторіи. Мыслитель видитъ слишкомъ ясно сложность задачи, чтобы составить себѣ убѣжденія относительно глубокихъ, и слишкомъ мало такихъ политическихъ цѣлей, которыя ему казались бы достойными его усилій, и не преслѣдуетъ ни одной. Изобрѣтатели могутъ современемъ измѣнить цивилизацію. Только фанатики съ узкими взглядами, но съ энергичными характерами и могучими страстями могутъ основывать религіи, имперіи и волновать міръ. По слову Петра-Отшельника миллионы людей направились къ Востоку. Слова такого галлюцинанта, какъ Магометъ, создали силу, необходимую для торжества надъ древнимъ греко-римскимъ міромъ. Простой монахъ, какъ Лютеръ, предалъ Европу огню и крови. Голоса Галилея или Ньютона никогда не найдутъ даже самого слабого отклика въ массахъ. Геніальные изобрѣтатели споспѣшествуютъ ходу цивилизаціи. Фанатики и галлюцинирующие создаютъ исторію.

Изъ чего въ самомъ дѣлѣ составляется исторія, та исторія, какъ ее пишутъ въ книгахъ, если не изъ длинныхъ разсказовъ о борьбѣ людей съ цѣлью создать себѣ идеалъ, поклоняться ему, а затѣмъ уничтожить его. А развѣ передъ чистой наукой эти идеалы имѣютъ болѣшую цѣнность, чѣмъ пустые миражи, создаваемые свѣтомъ на подвижныхъ пескахъ пустыни?

Тѣмъ не менѣе творцами или распространителями такихъ миражей являются галлюцинанты, которые наиболѣе основательно преобразовали міръ. Изъ глубины своихъ могилъ они еще подчиняютъ душу народовъ игу своихъ мыслей и вліяютъ на характеръ и судьбу народовъ. Не станемъ же отрицать важнаго значенія ихъ роли, но не забудемъ также, что задачу, которую они выполнили, имъ удалось выполнить лишь потому, что они безсознательно воплотили въ нее и выразили въ ней идеалъ своей расы и своего времени. Народомъ можетъ руководить только тотъ, кто умѣетъ воплощать его мнѣнія. Моисей представлялъ для евреевъ желаніе избавленія, которое онъ замышлялъ цѣлые годы, видя ихъ рабами, терзаемыми египетскими пытками. Иисусъ и Будда сумѣли понять безконечныя страданія людей своей эпохи и выразить въ религіи милосердіе и состраданіе, которыя въ эпоху всеобщаго страданія начинали уже появляться на свѣтъ Божій. Магометъ объединеніемъ вѣры осуществилъ политическое единство народа, раздѣленнаго на тысячи соперничавшихъ племенъ. Артиллеристъ, каковымъ былъ Наполеонъ, воплотилъ идеалъ военной славы, суетности, революціонной пропаганды, который составлялъ тогда характеристику народа и который онъ проводилъ въ теченіе 15 лѣтъ въ Европѣ, преслѣдуя самыя безумныя цѣли.

Все это, въ концѣ концовъ, идеи, а слѣдовательно тѣ, которые ихъ воплощаютъ и распространяютъ, руководятъ міромъ. Но успѣхъ обезпеченъ, если для защиты своей и распространенія онѣ находятъ людей галлюцинирующихъ или твердо убѣжденныхъ. Не важно, вѣрны ли эти идеи или ошибочны. Исторія даже доказываетъ намъ, что именно самыя химерическія идеи лучше всего фанатизировали людей и играли самую выдающуюся роль. Во имя самыхъ обманчивыхъ химеръ міръ подвергался до сихъ поръ всяческимъ переворотамъ, и тѣ цивилизаціи, которыя казались неуязвимыми, были уничтожены, а вмѣсто нихъ основались новыя. Царство небесное уготовано не нищимъ духомъ, какъ удостовѣряетъ Евангеліе, а имъ уготовано царство земное, при единственномъ условіи,

чтобы они обладали слѣпой вѣрой, которая двигаетъ горы. Философы, посвящающіе нерѣдко цѣлыя столѣтія для того, чтобы уничтожить то, что иногда создавалось вѣрующими и убѣжденными въ одинъ день, должны преклониться передъ ними. Эти убѣжденные люди составляютъ часть таинственныхъ силъ, управляющихъ міромъ; они обусловили самыя выдающіяся событія, ходъ которыхъ вписываютъ въ исторію.

Несомнѣнно, что они распространяли только иллюзіи, но этими только иллюзіями, одновременно страшными, увлекательными и неопредѣленными, человѣчество жило до сихъ поръ и вѣроятно будетъ продолжать жить ими. Это лишь тѣни и призраки, но тѣмъ не менѣе нужно считаться съ ними. Благодаря имъ наши предки познали надежду и въ своей геройской и безумной погонѣ за этими призраками они насъ вывели изъ первобытнаго варварства и привели къ тому состоянію, въ какомъ мы находимся въ настоящее время. Изъ всѣхъ факторовъ развитія цивилизацій, иллюзіи, можетъ быть, являются наиболѣе могущественными. Иллюзія заставила создать пирамиды и въ теченіе 5 тысячъ лѣтъ украсила Египетъ каменными колоссами. Имперія въ средніе вѣка воздвигла намъ гигантскіе соборы и заставила Западъ вступить въ борьбу съ Востокомъ, чтобы завоевать могилу. Слѣдуя иллюзіямъ, были основаны религіи, подчинившія половину человѣчества своимъ законамъ, и онѣ создали или разрушили самыя обширныя имперіи. Не въ поискахъ истины, а въ поискахъ заблужденія человѣчество потратило наиболѣе усилій. Оно не могло достигнуть тѣхъ химерическихъ цѣлей, какія оно преслѣдовало, но лишь прослѣдивъ эти цѣли оно осуществило тотъ прогрессъ, котораго не добивалось.

Книга пятая.

Распаденіе характера расъ и ихъ упадокъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Какъ цивилизаціи меркнутъ и исчезаютъ.

Подобно видамъ анатомическимъ, и виды психологическіе не вѣчны. Условія среды, поддерживающихъ устойчивость ихъ признаковъ, не всегда имѣются на-лицо. Если такіа среды видоизмѣняются, то элементы психическаго склада, поддерживаемые ихъ вліяніемъ, подвергаются наконецъ регрессивнымъ преобразованіямъ, приводящимъ ихъ къ исчезновенію. Слѣдуя законамъ фізіологическимъ, столь же примѣнимымъ къ мозговымъ клѣткамъ, какъ и къ другимъ клѣткамъ тѣла, наблюдающимся у всѣхъ живыхъ существъ, органы расходуютъ безконечно меньше времени на исчезновеніе, чѣмъ нужно было для ихъ развитія и образованія. Всякій органъ, который не функционируетъ, вскорѣ теряетъ способность къ функциональной дѣятельности. Глазъ рыбъ, живущихъ въ озерахъ пещеръ, со временемъ атрофируется, и эта атрофія затѣмъ становится наследственной. Если принять въ соображеніе лишь короткую продолжительность жизни индивидуума, то мы увидимъ, что органъ, потребовавшій, быть можетъ, тысячи вѣковъ для своего развитія путемъ медленныхъ приспособленій и унаслѣдованныхъ накопленій, переходитъ въ атрофію весьма быстро, какъ только его не пускаютъ въ ходъ.

Психическій складъ живыхъ существъ также не уклоняется отъ этихъ фізіологическихъ законовъ. Мозговые клѣтки, не подвергаемая болѣе упражненію, также перестаютъ функционировать и тѣ психическія склонности, на развитіе которыхъ потребовались вѣка, могутъ быть быстро утрачены. Храбрость, личная инициатива, энергія, духъ предпримчивости и различныя качества характера, которыя очень долго приходилось приобретать, могутъ изгладиться довольно быстро, когда нѣтъ случая проявлять ихъ. Такъ объясняется то, что народу всегда требуется очень много времени, чтобы достигнуть высокой степени культуры, а иногда очень короткое время, чтобы придти въ упадокъ.

Когда изслѣдуютъ причины, которыя послѣдовательно довели до упадка различныя народы, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторія, будь то персы, римляне или иной народъ, то можно убѣдиться, что основнымъ факторомъ ихъ паденія являлось всегда измѣненіе ихъ психическаго склада, вытекающее изъ измѣненія ихъ характера. Но ни разу я не нашелъ такого народа, который исчезъ бы вслѣдствіе пониженія его умственного развитія.

Для всѣхъ прошедшихъ цивилизацій механизмъ разложенія былъ всегда тождественнымъ и тождественнымъ настолько, что приходится спросить себя, какъ спрашивалъ поэтъ, что исторія, состоящая изъ столькихъ книгъ, не содержитъ ли только одну страницу. Дойдя до той степени цивилизаціи и могущества, при которой, будучи увѣреннымъ не подвергаться больше нападеніямъ сосѣдей, народъ начинаетъ пользоваться благами мира и благосостоянія, доставляемаго богатствами, онъ утрачиваетъ свои военныя доблести, избытокъ цивилизаціи создаетъ новыя потребности и развиваетъ эгоизмъ. Не имѣя больше другого идеала, какъ поспѣшное пользованіе быстро приобретенными благами, граждане предоставляютъ веденіе своихъ дѣлъ общественнымъ государству и теряютъ вскорѣ всѣ тѣ качества, которыя создало ихъ могущество. Тогда сосѣди варварскіе или полу-варварскіе, имѣя потребности весьма ограничанныя, но идеаль очень высокій, захватываютъ черезъ

чуръ цивилизованный народъ, а затѣмъ создаютъ новую цивилизацію изъ остатковъ той, которую они уничтожили. Такимъ образомъ, несмотря на громадную организацію римлянъ и персовъ, варвары разрушили имперію первыхъ, а арабы — имперію вторыхъ. Конечно, не умственныхъ качествъ не хватало покореннымъ народамъ. Въ этомъ отношеніи не могло даже быть никакого сравненія между наблюдаемыми и наблюдателями. Это было тогда, когда Римъ носилъ въ себѣ уже зачатки близкаго упадка, т.-е. при первыхъ императорахъ, причѣмъ у него были лучшіе умы, лучшіе художники, литераторы и ученые. Почти всѣ произведенія, составившія величіе Рима, относятся къ этой эпохѣ его исторіи. Но Римъ утратилъ тотъ изъ своихъ основныхъ элементовъ, который не могло замѣнить никакое умственное развитіе, а именно характеръ *). Римляне старыхъ временъ имѣли потребности весьма ограниченныя, а идеаль очень возвышенный. Этотъ идеаль — величіе Рима — управлялъ безусловно ихъ душами, и каждый гражданинъ готовъ былъ пожертвовать ради него своей семьей, состояніемъ и жизнью. Когда Римъ сталъ полюсомъ вселенной, самымъ богатымъ городомъ міра, то онъ былъ захваченъ иностранцами, явившимися со всѣхъ сторонъ, которымъ онъ далъ права гражданства. Не требуя ничего кромѣ наслажденія роскошью этого города, чужеземцы очень мало заботились о его славѣ. Большой городъ превратился тогда въ громадный каравансарай, но это уже былъ не Римъ. Онъ казался еще живымъ, но душа его давно умерла.

Подобныя же причины упадка угрожаютъ и нашимъ уточненнымъ цивилизаціямъ, но сюда присоединяются еще и другія, обусловленныя эволюціей, произведенной въ умахъ во вѣйшими научными открытіями. Наука обновила наши идеи и отняла всякій авторитетъ отъ нашихъ религіозныхъ и социальныхъ воззрѣній. Она указала человѣку то ничтожное

*) „Зло, отъ котораго страдало тогда римское общество“, пишетъ Фюстель де-Куланжъ, „заключалось не въ порчѣ нравовъ, а въ ослабленіи воли и, такъ сказать, въ нервности характера“.

мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной, и абсолютное равнодушіе природы по отношенію къ нему. Человѣкъ понялъ, что то, что онъ называетъ свободой, было лишь невѣдніе причинъ, которыя его поработаютъ, и что въ сцѣвленіи необходимостей, какія ихъ приводятъ, естественнымъ состояніемъ каждого живого существа является поработеніе. Человѣкъ установилъ, что природѣ не извѣстно то, что мы называемъ жалостью, и что всѣ осуществимые черезъ нее успѣхи произошли лишь путемъ безжалостнаго подбора, ведущаго за собой непрерывное уничтоженіе слабыхъ въ пользу сильныхъ.

Всѣ эти леденящія душу соображенія, столь противоположныя тому, что повѣствовало старыя вѣрованія, восхитившія нашихъ предковъ, вызвали безпокойныя настроенія въ душахъ. Въ обыкновенныхъ мозгахъ они породили то состояніе анархій идей, которое, повидимому, характеризуетъ современнаго человѣка. У молодежи, среди художниковъ и писателей эти столкновенія привели къ какому-то мрачному индифферентизму, уничтожающему всякую волю, и къ полной неспособности восторгаться по какому бы то ни было поводу. При этомъ молодежь возвела въ культъ поклоненіе непосредственнымъ и личнымъ интересамъ.

Комментируя весьма справедливое соображеніе современнаго писателя, что „чувство относительнаго управляется современной мыслью“, одинъ министръ народнаго просвѣщенія съ очевиднымъ удовольствіемъ заявилъ, что „замѣна идей отвлеченныхъ идеями относительными во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія является величайшей побѣдой науки“. Заявленная новая побѣда на самомъ дѣлѣ является очень старой. Уже за много столѣтій тому назадъ Индія ее осуществила. Не будемъ чрезчуръ радоваться, что она стремится нынѣ къ дальнѣйшему распространенію. Истинная опасность для современныхъ обществъ зависитъ именно отъ того, что люди утратили всякое довѣріе къ значенію принциповъ, на которыхъ они покоятся. Я не знаю, можно ли было бы отъ начала міра указать хотя на одну цивилизацію, на одно учрежденіе, одно вѣрованіе, которымъ удалось бы устоять, пред-

ставляя лишь относительную цѣнность. И если людямъ кажется, что будущее должно принадлежать тѣмъ социалистическимъ ученіямъ, которыя осуждаютъ разумъ, то это происходитъ именно потому, что это единственное ученіе, проповѣдники котораго говорятъ во имя истинъ, которыя они объявили непогрѣшимыми. Массы всегда обратятся къ тѣмъ, которые будутъ имъ проповѣдывать абсолютныя истины, и пренебрегутъ другими. Чтобы быть государственными дѣятелями, нужно умѣть проникать въ душу большинства, понимать его мечты и отбросить философскія отвлеченія. Вещи не измѣняются; только составившіяся объ нихъ идеи могутъ значительно измѣняться. Вотъ именно на эти-то идеи и нужно умѣть воздѣйствовать.

Конечно, изъ міра дѣйствительнаго мы можемъ знать лишь представленія, простыя состоянія сознанія, значеніе которыхъ очевидно относительно. Но когда мы становимся на общественную точку зрѣнія, то мы можемъ сказать, что для даннаго періода и для даннаго общества имѣются такія условія существованія, такіе нравственные законы и такія учрежденія, которыя имѣютъ абсолютную цѣнность, потому что это общество не могло бы существовать безъ нихъ. Съ того момента, какъ эта цѣнность оспаривается и въ умахъ возникаетъ сомнѣніе, общество присуждается къ неминуемой гибели.

Вотъ истины, которыя можно смѣло проповѣдывать, такъ какъ онѣ не изъ тѣхъ, какія не можетъ оспаривать никакая наука. Иная рѣчь можетъ породить лишь самыя печальныя послѣдствія. Философскій нигилизмъ, распространяемый нынѣ авторитетно въ слабыхъ, неразвитыхъ умахъ, заставляетъ послѣднихъ немедленно придти къ выводу объ абсолютной несправедливости нашего общественного строя, о нелѣпости іерархіи, внушаетъ имъ ненависть ко всему существующему и ведетъ ихъ прямо къ социализму и анархизму. Современные государственные дѣятели слишкомъ убѣждены во влияніи учреждений и слишкомъ мало понимаютъ влияніе идей. Наука имъ доказываетъ, однако, что учрежденія всегда являются плодомъ

идей и не могли бы никогда существовать, не опираясь на идеи. Идеи представляютъ невидимыя пружины вещей. Когда идеи исчезаютъ, то скрытые устои учреждений и цивилизацій разрушаются. Всегда для народа наступалъ грозный часъ, когда старыя идеи спускались въ область тѣней.

Оставляя теперь въ сторонѣ причины, чтобы выяснитъ послѣдствія, мы должны признать, что видимый упадокъ серьезно угрожаетъ жизнеспособности большинства великихъ европейскихъ націй, а именно такъ называемыхъ латинскихъ, которыя дѣйствительно латинскія, если не по крови, то по традиціямъ и воспитанію. Онѣ пзо дня въ день утрачиваютъ свою инициативу, свою энергію, волю и дѣеспособность. Постоянно возрастающее удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей обнаруживаетъ наклонность стать ихъ единственнымъ идеаломъ. Семья распадается, общественныя пружины расслабляются. Недовольство и какой-то гнетъ распространяются на всѣ слои общества, начиная съ самыхъ богатыхъ и кончая самыми бѣдными. Подобно кораблю, потерявшему свой компасъ и блуждающему наугадъ, по волѣ вѣтровъ, современный человѣкъ блуждаетъ по волѣ случая въ пространствахъ когда-то населенныхъ богами, а теперь опустошенныхъ наукой. Онъ утратилъ вѣру и въ то же время надежду. Сдѣлавшись впечатлительными и подвижными до крайности, массы, которыхъ не удерживаетъ больше никакая преграда, осуждены на безпрерывное колебаніе между самой бѣшеной анархіей и самымъ тягостнымъ деспотизмомъ. Ихъ возбуждаютъ рѣчами, но ихъ божества на одинъ день вскорѣ падаютъ ихъ жертвами. Повидимому, массы якобы горячо жаждутъ свободы, но на самомъ дѣлѣ онѣ ее всегда отталкиваютъ и постоянно просятъ правительство выковать для нихъ цѣпи. Онѣ слѣпо повинуются самымъ темнымъ раскольникамъ, самымъ ограниченымъ деспотамъ. Ораторы, считающіе себя руководителями массы, а чаще всего сами идущіе за ними, смѣшиваютъ нетерпѣніе съ нервностью, мѣняя безпрерывно вожда, обладающаго истиннымъ духомъ независимости, препятствующимъ переносить какого бы то ни было вожда. Государство, каковъ

бы ни былъ его номинальный строй, является божествомъ, къ которому обращаются всѣ партіи. Отъ него требуютъ узаконеній и покровительства крайне обременительныхъ, облакая самыя пустыя житейскія дѣла какими-то византійскими и тираническими формальностями. Молодежь все чаще и чаще отказывается отъ должностей, требующихъ разсудительности, инициативы, энергіи, воли и личныхъ усилій. Самая ничтожная отвѣтственность приводитъ молодыхъ людей въ ужасъ. Ей достаточно того ограниченного круга должностей, какія государство оплачиваетъ жалованьемъ.

Комерсанты позабыли дорогу къ колоніямъ, и послѣднія населены одними чиновниками *). Энергія и дѣятельность замѣняются у государственныхъ дѣятелей личными перебранками ужасно мелочными, а у массъ — энтузіазмомъ или гнѣвомъ на одинъ день, у людей образованныхъ — какимъ-то плаксивымъ сентиментализмомъ, безсильнымъ и пустымъ, и водянистыми разсужденіями о земной юдоли. Безграничный эгоизмъ развивается повсюду. Каждый, въ концѣ концовъ, заботится только о самомъ себѣ. Совѣсть сдастъ, общій уровень нравственности понижается, и самая нравственность мало-по-малу гас-

*) Въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ Депутатовъ 27 ноября 1890 г. Этьеномъ, бывшимъ тогда статсъ-секретаремъ колоній, я нахожу слѣдующій очень характерный отрывокъ:

„Кохинхина содержитъ 1,800,000 душъ. Въ этомъ итогѣ считаемъ 1,600 французовъ, изъ коихъ 1,200 чиновники. Она управляется колоніальнымъ совѣтомъ, избраннымъ этими 1,200 чиновниковъ. Въ ней только одинъ депутатъ, и вы хотите, чтобы въ этой странѣ не господствовала анархія!

... Хорошо. Но знаете-ли вы, что даетъ такая система. Она вызываетъ такое явленіе, что вашъ бюджетъ въ 22 милліона въ суммѣ 9 милліоновъ поглощается на расходы чиновниковъ. Въ 1877 году пытаюсь сократить расходы чиновниковъ, я ихъ свелъ на 3 съ половиной милліона изъ 9-ти. Я принялъ эту мѣру въ октябрѣ, и кабинетъ, въ составъ котораго я входилъ, исчезъ. А въ мартѣ слѣдующаго года всѣ уволенные чиновники вернулись“.

нетъ *). Человѣкъ утратилъ всякое самообладаніе, а кто не умѣетъ управлять собою, тѣмъ скорѣе будутъ управлять другіе. Измѣненіе всего этого представляетъ трудную задачу. Слѣдовало бы прежде всего измѣнить плачевное латинское воспитаніе; оно отнимаетъ всякую инициативу и энергію у тѣхъ, которые унаслѣдовали эти качества. Оно убиваетъ въ нихъ всякую независимость ума, представляя какъ идеаль для юношества конкурсные экзамены, которые, требуя лишь усилій памяти, въ концѣ концовъ даютъ людей съ такими мозгами, рабская приспособленность которыхъ дѣлаетъ ихъ неспособными къ обнаруженію своей индивидуальности и къ личнымъ усиліямъ. „Я стараюсь влить желѣзо въ душу дѣтей“, говорилъ одинъ англійскій учитель французскому исто-

*) Это паденіе нравственности является фактомъ крайне серьезнымъ, когда оно наблюдается въ такихъ профессіяхъ, какъ судебное вѣдомство и нотаріатъ, въ которыхъ когда-то добросовѣстность была такъ же обыкновенна, какъ храбрость у военныхъ. Въ нотаріатѣ нравственность понизилась теперь весьма значительно. Статистика обнаружила, что въ нотаріатѣ на 10 тысячъ лицъ приходится 43 осужденныхъ, тогда какъ средняя цифра на все населеніе Франціи даетъ одного осужденнаго на то же число лицъ. Въ докладѣ, напечатанномъ въ *Official* 1890 года, находится слѣдующее: „Бѣдствія, начавшія съ 1840 г. волновать населеніе, возросли постепенно до того, что въ 1876 г. одинъ мой предшественникъ вынужденъ былъ обратиться на нихъ вниманіе суда и нотаріата. Тогда необыкновенно много пострадало чиновниковъ нотаріата. Цифра пострадавшихъ была въ 1882 г. — 31; въ 1883 — 41; въ 1884 — 54; въ 1886 — 71. А всѣхъ нарушеній нотаріата было болѣе 62 милліоновъ съ 1830 по 1886. Наконецъ въ 1889 г. были смѣщены 103 нотаріуса. Если добавить къ этому паденіе финансовыхъ операцій, то нападки социалистовъ на правящіе классы окажутся основательными“. Тѣ же симптомы глубокой деморализаціи наблюдаются у всѣхъ латинскихъ народовъ. Напр., скандалъ банковскій въ Италіи, гдѣ воруютъ самыя высокопоставленные лица; банкротство Португаліи. Такое нравственное паденіе латинскихъ расъ доказываетъ, что ихъ историческая роль будетъ скоро закончена.

рику Гизо, во время посѣщеній послѣднимъ англійскихъ школъ. Гдѣ же въ латинскихъ расахъ тѣ преподаватели и программы, которые могли бы осуществить эту мечту? Быть можетъ, ее осуществить военный режимъ. Во всякомъ случаѣ это режимъ наиболее способный къ дѣйствию. Для ослабѣвающихъ націй одно спасеніе: очень строгій военный режимъ и постоянная угроза бѣдствіями войны.

Этимъ общимъ ослабленіемъ характера, отсутствіемъ у гражданъ самообладанія и эгоистическимъ равнодушіемъ многихъ латинскихъ народовъ и обуславливается трудность ихъ существованія при либеральныхъ законахъ, столь же далекихъ отъ деспотизма, сколько и отъ анархіи. Что подобнымъ законамъ не сочувствуютъ народныя массы, это понятно, потому что цезаризмъ обѣщаетъ имъ если не свободу, о которой они мало заботятся, то по крайней мѣрѣ весьма большое равенство въ рабствѣ. Но то обстоятельство, что республиканскія учрежденія съ трудомъ допускаются образованными классами, было бы непонятно, если бы мы не принимали въ соображеніе вліяній предковъ.

Развѣ не правда, что при подобныхъ учрежденіяхъ (республиканскихъ) предоставляется наиболѣе шансовъ для людей образованныхъ вполне свободно высказывать свои мнѣнія? Можно сказать лишь, что самымъ существеннымъ неудобствомъ этихъ учрежденій, особенно для ярыхъ поборниковъ равенства, является то, что они допускаютъ развитіе могучей умственной аристократіи. Наоборотъ, самымъ стѣснительнымъ режимомъ, какъ для характера, такъ и для ума, является цезаризмъ во всѣхъ его формахъ. Онъ легко вводитъ равенство въ области низости, смиренія и рабства. Цезаризмъ весьма хорошо приспособленъ къ низшимъ потребностямъ народовъ, находящихся въ состояніи упадка, — вотъ почему эти народы, коль скоро это оказывается возможнымъ, возвращаются къ цезаризму. Одно появленіе какого-нибудь генерала приводитъ ихъ къ цезаризму. Когда народъ до этого дошелъ, то часъ его насталъ, время завершилось.

Настоящее время прстериваетъ рѣзко выраженіе цезаризма, тотъ цезаризмъ древнихъ временъ, который, какъ повѣствуетъ исторія, являлся на самой зарѣ цивилизацій и въ моментъ ихъ крайняго упадка. Мы видимъ, что тотъ цезаризмъ возрождается теперь подъ названіемъ социализма. Это новое выраженіе государственнаго абсолютизма является, конечно, самой жестокой формой цезаризма, потому что, будучи безличнымъ, онъ избѣгаетъ всѣхъ поводовъ къ опасенію, какіе возникаютъ у худшихъ изъ тирановъ.

Социализмъ въ настоящее время является одной изъ самыхъ серьезныхъ опасностей, какая только можетъ угрожать европейскимъ народамъ. Онъ, безъ сомнѣнія, доведетъ до конца тотъ упадокъ, какой готовится многими причинами, и, быть можетъ, отмѣтитъ конецъ нѣкоторыхъ цивилизацій запада.

Чтобы понять опасность и силу социализма, не нужно разсматривать распространяемыхъ имъ ученій, но ту преданность къ нему, какую онъ внушаетъ. Социализмъ скоро составитъ новое вѣрованіе этой громадной толпы обездоленныхъ, которымъ экономическія условія существующей цивилизаціи создаютъ роковымъ образомъ зачастую крайне суровую жизнь. Социализмъ является новой религіей, которая населитъ пустыя небеса. Эта религія замѣнитъ для всѣхъ тѣхъ, которые не сумѣютъ переносить бѣдствія житейскія безъ иллюзій, тотъ свѣтлый рай, который они когда-то видѣли на раскрашенныхъ стеклахъ своихъ церквей. Эта великая религіозная сущность завтрашняго дня видитъ ежедневно увеличеніе толпы вѣрующихъ въ нее. Скоро социализмъ будетъ имѣть своихъ мучениковъ, и тогда онъ станетъ однимъ изъ тѣхъ религіозныхъ символовъ вѣры, которые возбуждали народы и которыхъ могучее вліяніе на души является абсолютнымъ.

Что догматы социализма ведутъ къ режиму низкаго рабства, которое уничтожитъ всякую инициативу и всякую независимость въ душахъ подчинившихся его власти, это, безъ сомнѣнія, очевидно, но лишь для психологовъ, знающихъ усло-

вія существованія людей. Такія предвидѣн-
 нымъ массамъ. Нужны другіе аргументы, въ
 этомъ убѣдить, и эти аргументы никогда не извлечены изъ
 области разума.

Новые догматы социализма, народженіе которыхъ мы ви-
 димъ, конечно, противорѣчатъ самому элементарному здравому
 смыслу. Но развѣ тѣ религиозные догматы, которые мы при-
 водимъ въ теченіе столѣтій, не противорѣчили также
 здравому смыслу, и развѣ это помѣшало имъ подчинить сво-
 имъ законамъ самые блестящіе умы? Въ дѣлѣ вѣрованій че-
 ловѣкъ подчиняется лишь безсознательному голосу своихъ
 чувствъ. Они составляютъ ту темную область, изъ которой
 всегда исключался разумъ.

Слѣдовательно, въ силу одного лишь факта того психи-
 ческаго склада, какой имъ создало продолжительное прошлое,
 многіе народы Европы должны пройти страшную фазу социа-
 лизма. Имъ будетъ отмѣчена одна изъ послѣднихъ ступеней
 упадка. И приводя различныя цивилизаціи къ самымъ низ-
 шимъ формамъ эволюціи, онъ облегчитъ тѣ разрушительныя
 вторженія, которыя намъ угрожаютъ.

Помимо Россіи, народы которой съ психологической точки
 зрѣнія гораздо больше азіатскіе, чѣмъ еврейскіе, въ Евро-
 пѣ останется только Англія, раса которой обладаетъ довольно
 значительной энергіей, довольно устойчивыми вѣрованіями и
 независимымъ характеромъ, чтобы устранивъ себя отъ новой
 зарождающейся религіи. Современная Германія кончитъ так-
 же тѣмъ, что сдѣлается жертвой социализма, судя по успѣ-
 хамъ разныхъ партій, которыя ее наполняютъ. Социализмъ,
 который ее погубитъ, будетъ, конечно, облеченъ въ научныя
 формулы, пригодныя, пожалуй, для такого идеальнаго обще-
 ства, какого человечество никогда не дастъ; этотъ послѣд-
 ній плодъ чистаго разума будетъ болѣе нетерпимымъ и страш-
 нымъ, чѣмъ всѣ тѣ, какіе ему предшествовали.

Социализмъ будетъ, впрочемъ, слишкомъ стѣснительнымъ
 режимомъ, чтобы надолго удержаться. Онъ заставитъ пожа-
 лѣть о временахъ Тиверія и Каллигулы и вернетъ это время.

Иногда является вопросъ: какъ римляне времени императо-
 ровъ переносили такъ легко бѣшенныя звѣрства этихъ дес-
 потовъ. Это потому, что они также прошли черезъ обществен-
 ную борьбу, гражданскія войны и пр., причѣмъ утратили
 свой характеръ. Они дошли до того, что стали считать этихъ
 тирановъ послѣдними орудіями своего спасенія. Имъ проща-
 лось все, потому что не знали, какъ ихъ замѣнить, и ихъ
 дѣйствительно не замѣнили. Послѣ нихъ наступилъ оконча-
 тельный разгромъ варварами и конецъ Римской Имперіи.
 Исторія вращается всегда въ одномъ кругѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общіе выводы.

Мы уже во введеніи къ этому труду указали на то, что
 онъ представляетъ лишь краткую сводку, какъ бы синтезъ
 сочиненій, которыя мы посвятили исторіи цивилизацій. Каж-
 дая изъ главъ, составляющихъ эту книгу, должна быть раз-
 сматриваема какъ выводъ предшествовавшихъ работъ. Слѣ-
 довательно, уже трудно больше сжать идеи и такъ сжатія.
 Однако, я хочу попытаться для читателей, которымъ время
 дорого, представитъ въ формѣ краткихъ положеній основныя
 принципы, представляющіе философію настоящаго труда.

— Всякая раса обладаетъ психологическими признаками,
 почти столь же устойчивыми, какъ и ея физическіе признаки.
 Подобно виду анатомическому, видъ психологическій преобра-
 зуется лишь послѣ многовѣковыхъ накопленій.

— Къ признакамъ психологическимъ, устойчивымъ и на-
 слѣдственнымъ, совокупность которыхъ образуетъ психиче-
 скій складъ или строеніе данной расы, примыкаютъ, какъ и
 у всѣхъ анатомическихъ видовъ, добавочные элементы, соз-
 данные различными видоизмѣненіями среды. Обновляясь не-
 прерывно, они даютъ расѣ довольно широкую видимую из-
 мѣняемость.

— Психическая структура расы представляет не только обобщение (синтез) живых существъ, ее составляющихъ, но и обобщение признаковъ всѣхъ предковъ, участвовавшихъ въ ея образованіи. Здѣсь не живые, а мертвые играютъ преобладающую роль въ существованіи народа. Они являются творцами его нравственности и бессознательныхъ импульсовъ его поведения.

— Анатомическія очень большія различія, раздѣляющія различныя человѣческія расы, сопровождаются различіями психологическими не менѣе значительными. Если сравнить между собою лишь среднія данныя каждой расы, то психическія различія нерѣдко кажутся довольно слабыми. Но они становятся громадными, какъ только сравненіе переносится на самые возвышенные элементы каждой расы. Тогда констатируется, что расы высшія отъ расъ низшихъ обособляютъ главнымъ образомъ то, что первыя обладаютъ извѣстнымъ числомъ очень развитыхъ мозговъ, тогда какъ вторыя не обладаютъ.

— Индивидуумы, составляющіе низшія расы, представляютъ между собою ясно выраженное равенство. По мѣрѣ того какъ расы восходятъ по лѣстницѣ цивилизации, ихъ члены стремятся къ обособленію все большому и большему. Необходимымъ послѣдствіемъ цивилизаціи является обособленность индивидуумовъ и расъ. Слѣдовательно, не къ равенству идутъ народы, а къ все больше и больше возрастающему неравенству.

— Жизнь одного народа и всѣ проявленія его цивилизаціи представляютъ простое отраженіе его души, видимые знаки чего-то невидимаго, но очень реальнаго. Внѣшнія событія являются лишь видимой поверхностью скрытой канвы, которая ихъ обуславливаетъ.

— Не случай, не внѣшнія обстоятельства, не, въ особенности, учрежденія политическія играютъ основную роль въ исторіи народа. Это, главнымъ образомъ, характеръ, который и создаетъ его судьбу.

— Различные элементы цивилизаціи народа, будучи лишь внѣшними признаками его психики, выраженіемъ извѣстныхъ

способовъ чувствованія и мысленія, присущихъ спеціально этому народу, не могутъ передаваться безъ измѣненій народамъ съ иной психикой. Могутъ передаваться лишь внѣшнія формы, поверхностныя и не имѣющія значенія.

— Глубокія различія, которыя существуютъ между психикой различныхъ народовъ, имѣютъ послѣдствіемъ заставлять ихъ созерцать внѣшній міръ съ весьма несходныхъ точекъ зрѣнія. Изъ этого слѣдуетъ, что они чувствуютъ, разсуждаютъ и дѣйствуютъ очень различно и находятся, слѣдовательно, въ разногласіи относительно всѣхъ вопросовъ, какъ только приходятъ во взаимное соприкосновеніе. Большинство войнъ, наполняющихъ исторію, родилось изъ этихъ разногласій. Войны завоевательныя, религіозныя и династическія являлись на самомъ дѣлѣ войнами расъ.

— Скопленіе людей различнаго происхожденія не доводитъ до образованія расы, т.-е. до обладанія коллективной душой. Это случается лишь путемъ повторныхъ вѣковыхъ скрещиваній, при одинаковыхъ условіяхъ существованія, въ одинаковыхъ средахъ, причемъ она пріобрѣтаетъ общія чувства, общіе интересы, общія вѣрованія.

— У цивилизованныхъ народовъ нѣтъ уже естественныхъ расъ, а только расы искусственныя, созданныя историческими условіями.

— Измѣненія среды дѣйствуютъ глубоко лишь на новыя расы, т.-е. на помѣси старыхъ расъ, скрещиванія которыхъ разложили признаки предковъ. Одна только наслѣдственность достаточно могущественна, чтобы бороться съ другой наслѣдственностью. На расы, у которыхъ скрещиванія не уничтожили стойкости признаковъ, измѣненія среды оказываютъ лишь чисто разрушительное дѣйствіе. Старая раса скорѣе погибнетъ, чѣмъ перенесетъ тѣ измѣненія, какихъ требуетъ приспособленіе къ новымъ средамъ.

— Пріобрѣтеніе коллективной души, крѣпко сложенной, обозначаетъ для даннаго народа апогей его величія. Распаденіе же этой души обозначаетъ всегда, что наступилъ часъ упадка для народа. Вмѣшательство чуждыхъ элементовъ со-

ставляетъ одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы добиться такого разложенья.

— Психологическіе виды подвергаются, какъ и виды анатомическіе, дѣйствію времени. Они одинаково осуждены на старость и угасаніе. Всегда образуясь медленно, они, наоборотъ, могутъ быстро исчезнуть. Достаточно глубоко нарушить функционированіе ихъ органовъ, чтобы подвергнуть ихъ регрессивнымъ преобразованіямъ, послѣдствіемъ которыхъ является разрушеніе, нерѣдко очень быстрое. Народы употребляютъ цѣлые вѣка на приобрѣтеніе извѣстной психики и теряютъ ее иногда въ очень короткое время. Восходящій путь, ведущій ихъ къ высокой степени цивилизаціи, всегда очень длиненъ, а наклонная плоскость, ведущая ихъ къ упадку, часто весьма короткая.

— Наряду съ характеромъ пужно поставить идеи, какъ главныхъ факторовъ эволюціи цивилизаціи. Онѣ дѣйствуютъ лишь послѣ весьма медленной эволюціи, преобразовываются въ чувства и составляютъ, слѣдовательно, часть характера. Онѣ тогда ускользаютъ отъ вліянія разума и употребляютъ много времени на свое исчезновеніе. Каждая цивилизація происходитъ изъ небольшого числа основныхъ идей, всѣми принятыхъ.

— Среди самыхъ важныхъ руководящихъ идей цивилизаціи стоятъ идеи религіозныя. Отъ измѣненія религіозныхъ вѣрованій косвенно произошло большая часть историческихъ событій. Исторія человѣчества всегда шла параллельно исторіи божествъ. Эти плоды нашихъ грезъ обладаютъ такимъ могуществомъ, что даже ихъ названіе не можетъ измѣниться безъ того, чтобы не перевернулся міръ. Рожденіе новыхъ божествъ всегда указывало на зарю новой цивилизаціи, и ихъ исчезновеніе всегда означало ея паденіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Введеніе. Современные идеи равенства и психологическіе факторы исторіи	5

КНИГА ПЕРВАЯ.

Психологическіе признаки расъ.

Глава I. Души расъ	11
„ II. Предѣлы измѣняемости характера расъ	20
„ III. Психологическая іерархія расъ	25
„ IV. Прогрессивное обособленіе индивидуумовъ и расъ	33
„ V. Образованіе историческихъ расъ	41

КНИГА ВТОРАЯ.

Какъ проявляются психологическіе признаки расъ въ различныхъ элементахъ ихъ цивилизацій.

Глава I. Различные элементы цивилизаціи какъ внѣшнее проявленіе души народа	47
„ II. Какъ преобразуются учрежденія, религіи и языки	58
„ III. Какъ преобразуются искусства	70

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Исторія народовъ, какъ слѣдствіе ихъ характера.

	стр.
Глава I. Какъ возникаютъ учрежденія изъ души народовъ	88
„ II. Примѣненіе предыдущихъ принциповъ къ сравнительному изученію эволюціи Соединенныхъ Штатовъ Америки и испанско-американскихъ республикъ	93
„ III. Какимъ образомъ измѣненіе души расъ измѣняетъ историческую эволюцію народовъ	103

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ видоизмѣняются психологическіе признаки расъ.

Глава I. Значеніе идей въ жизни народовъ	111
„ II. Значеніе религіозныхъ вѣрованій въ эволюціи цивилизацій	125
„ III. Значеніе великихъ людей въ исторіи народовъ	130

КНИГА ПЯТАЯ.

Распаденіе характера расъ и ихъ упадокъ.

Глава I. Какъ цивилизаціи меркнутъ и исчезаютъ	136
„ II. Общіе выводы	147

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Жалобы на неправильность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала. Позднѣйшія заявленія принимаемы не будутъ.

2) При заявленіяхъ о неполученіи журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ или его копію.

3) Перемѣна адреса должна быть получена въ редакціи не позже 1 числа того мѣсяца, въ которомъ пересылка должна производиться по новому адресу.

4) Подписавшіеся черезъ книжные магазины — по всѣмъ вопросамъ благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

5) Лица, обращающіяся съ запросами въ редакцію, благоволятъ присылать почтовые марки или отвѣтный бланкъ.

6) Контора редакціи открыта для полученія книгъ отъ 10 до 5 часовъ ежедневно кромѣ праздниковъ.

7) За перемѣну адреса уплачивается 50 коп.

Условія подписки:

На годъ: съ пересылкой	10	р. — н.
„ „ безъ доставки	7	„ 50 „
„ 1 мѣсяць безъ дост.	1	„ — „
„ 1 мѣсяць: съ перес.	1	„ 20 „
„ 1 годъ за границу	16	„ — „

Продолжается подписка на 1906 годъ на новый еженедѣльный журналъ

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

50 томовъ 7 р. 50 к. безъ доставки.

Отдѣльные книги выйдутъ подъ редакціей извѣстныхъ профессоровъ. Журналъ „Популярно-Научная Библиотека“ будетъ издаваться еженедѣльными томами въ 8—12 листовъ каждый, такъ что во всѣхъ 50 томахъ „Библиотеки“ будетъ около 500 листовъ (8000 стр.) убористой печати.

За 1 р. 50 к. высылаются для ознакомленія январскіе номера и при дальнѣйшей подпискѣ 1 руб. 20 коп. засчитывается въ подписн. плату.

№ 1. *Энгельс*. Происхожд. сем. госуд. и част. соб. (Пер. И. Дебу).

№ 2. *Ренанс*. Жизнь Иисуса.

№ 3. *Ш. Эйнштейн*. Женщ. въ XIX ст. (Пер. А. Генкеля).

№ 4. *Рише*. Человѣкъ. (Подъ ред. акад. И. Тарханова).

№ 5. *Наутснй*. Эконом. уч. К. Маркса. (Пер. И. Дебу).

Въ теченіе 1906 года въ „Популярно-Научной Библиотекѣ“ будутъ помѣщены слѣдующія сочиненія безъ сокращеній.

Бернштейн, Э. Соціальн. проблемы.

Блосс, В. Революція въ Германіи.

Вигуру, Л. Соц. эвол. въ Южн. Азіи.

Гартман, Э. Дарвинизмъ.

Гизо. Исторія цивилиз. во Франціи.

Гю. Анарх. въ С.-Шт. Сѣв. Америки.

Зигфрид. Демокр. въ Нов. Зеландіи.

Зомбарт, В. Идеалы соц. политики.

Наутснй, Н. Собраніе сочиненій.

Лассаль, Ф. Кап. и трудъ и др. соч.

Ле Бон, Г. Псих. законы эвол. нар.

Лихтенберг А. Философія Ницше.

Лавел, Э. Современный социализмъ.

Мильт, Огюсть Контъ и полож. фил.

Мильт. О представительномъ правл.

Мильталер, Загадка прекраснаго.

Минье, Исторія французск. революціи.

Нордау, Н. М. Соціологич. парадоксы.

Пуанкаре. Наука и гипотеза.

Ренанс, Э. Жизнь Иисуса.

Рескинз, Д. Лекціи объ искусствѣ.

Рибо, Т. Волѣзны воли.

Рише, Ш. Человѣкъ. Психол. этюдъ.

Роско. Химія.

Токвил, А. Старый порядокъ и реф.

Фламмаріон, Н. Астрон. (Astron. des dames).

Флетчер. О государствѣ русскомъ.

Фюстель-де-Куланж. Гражд. община античнаго міра.

Энгельс, Ф. Собраніе сочиненій.

Шлезингер-Эйнштейн. Женщ. въ XIX столѣтіи.

Штраус, Д. Вольтеръ. 6 лекцій.

Подписная цѣна на Библиотечку безъ доставки 7 р. 50 к. и съ пересылкою 10 р. Лицамъ, непосредственно обращающимся въ редакцію, допускается рассрочка; безъ пересылки: при подпискѣ 3 р., и затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 1 р. 50 к.; съ доставкой и пересылкою: при подпискѣ 4 р., а затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 2 рубля. Заграницу 16 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала (Спб., Большая Пушкарная, 67), а также и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Редакторъ-издатель: Ученый Лѣсоводъ В. Григорьевъ.